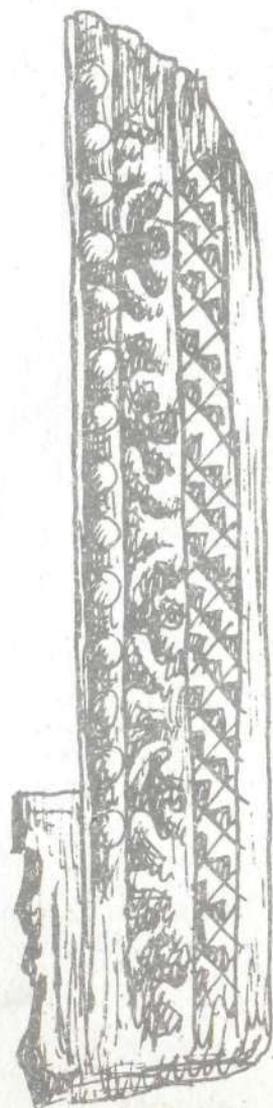

Н. Н. НЕГМАТОВ · У. П. ПУЛАТОВ
С. Г. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Уртакурган и Тирмизактепа

ДУШАНБЕ - 1973

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. АХМАДА ДОНИША

Н. Н. НЕГМАТОВ, У. П. ПУЛАТОВ
С. Г. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

УРТАКУРГАН И ТИРМИЗАКТЕПА

(МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УСТРУШАНЫ.
ВЫПУСК 2)

Ответственный редактор —
кандидат исторических наук
А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
ДУШАНБЕ—1973

Книга знакомит читателей с архитектурой уникального крупного замка VIII в.—Уртакургана и большого здания VII—XII вв.—Тирмизактепа, с найденными здесь замечательными произведениями материальной культуры и декоративно-прикладного искусства.

Книга рассчитана на специалистов — историков, археологов, историков искусства и архитектуры, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей Таджикистана, его древней культурой.

Н $\frac{0162 - 022}{M502 - 73}$ 57 — 72

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении последних семнадцати лет Северо-Таджикистанским отрядом Таджикской археологической экспедиции проводились планомерные и сравнительно крупные по своим масштабам исследования в районе Шахристана, являвшегося в прошлом столичным рустаком средневековой Уструшаны. Здесь раскопан ряд весьма интересных памятников, часть из которых (городища Калаи Кахкаха I, II и III) образует в целом столичный центр — город Бунджикат, а часть (Чильхуджра, Уртакурган, Тирмизактепа и Чильдухтарон) составляют явственно тяготеющую к последней группу замковых, оборонительно-караульных, гражданских и культово-мемориальных сооружений.

Сосредоточение основного внимания на столичном рустаке было вполне естественно: именно здесь можно было надеяться получить полноценные и разнообразные археологические материалы, столь необходимые для разработки многих вопросов исторического прошлого Уструшаны, очень слабо или вообще не освещенных письменными источниками¹. Выбор объектов для исследования оказался удачен, и уже в первые сезоны полевых работ были получены важные и интересные результаты. Материалы раскопок городищ, носящих название Калаи Кахкаха, в основном уже опубликованы; они послужили основой для первых экскурсов в область истории архитектуры и искусства Уструшаны.² Настоящая книга представляет собой второй выпуск той же серии археологических публикаций и содержит характеристику результатов раскопок двух памятников второй группы — Уртакургана и Тирмизактепа. В первый выпуск был включен обширный материал, и книга была разделена на части. Второй же выпуск содержит сведения о двух самостоятельных памятниках и мал объемом. Поэтому мы не сочли нужным делить его на части.

Оба эти памятника были исследованы в основном на средства Ленинабадского областного историко-краеведче-

ского музея, ряд сотрудников которого принимали активное участие в полевых работах.

Научное руководство раскопками осуществлялось сотрудниками Ходжентско-Уструшанского (Северо-Таджикистанского) отряда Таджикской археологической экспедиции Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР.

Первый раздел книги, «Замок Уртакурган», написан доктором исторических наук Н. Н. Негматовым, кандидатом исторических наук У. П. Пулатовым и кандидатом искусствоведения С. Г. Хмельницким. Второй — «Тирмизактепа» — Н. Н. Негматовым. При написании раздела о Тирмизактепе использован текст предварительной публикации Н. Н. Негматова и Т. И. Зеймаль.

Обмерные, графические и фотоиллюстративные работы по публикуемым памятникам выполнены С. Г. Хмельницким, Н. Н. Негматовым, У. П. Пулатовым и А. С. Яковлевым.

Работа выполнена в секторе археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР.

ЗАМОК
УРТАҢУРГАН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКА

Уртакурган расположен в 2,5 км южнее селения Шахристан, в левобережной части долины Шахристанская, у входа в нее ущелья Кулькутан. Он занимает вершину холма (рис. 3), который по своему месторасположению является господствующим над примыкающей частью долины, у выхода ее в котловину.

Местность южнее Уртакургана представляет собой плато, прорезанное многочисленными оврагами (рис. 1). Это

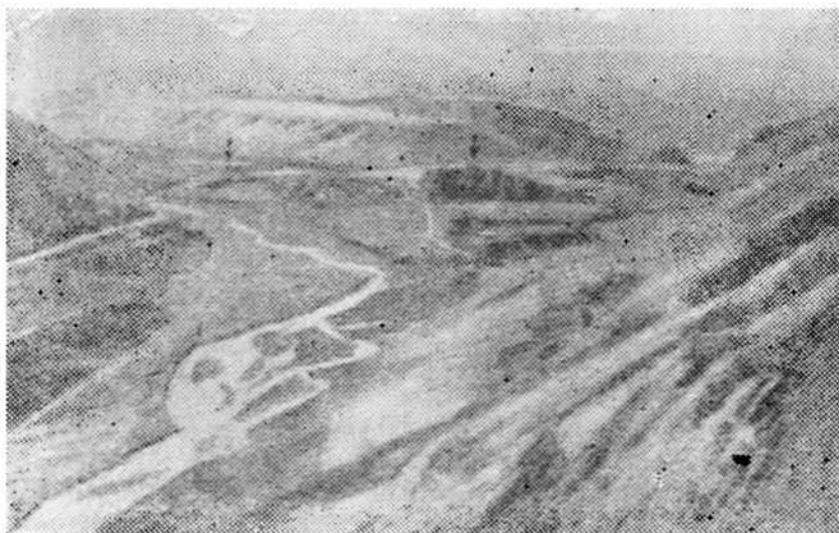

Рис. 1. Местность у слияния Шахристанская (слева) и Кулькутанская (справа). На заднем фоне: слева—замок Уртакурган, справа—замок Чильхуджра.

уже фактически предгорья Туркестанского хребта, со снежных вершин которого берет свое начало Шахристанская. Обилие источников и близость гор создают здесь своеобразный микроклимат, отличающийся прохладой и в самый знойный период лета.

Благоприятные климатические условия и стратегически выгодное положение, видимо, были основными факторами, обусловившими возникновение известного в археологической литературе памятника средневековья — Чильхуджры (рис. 2), расположенного западнее Уртакургана. Тут у подножия холмов бьют ключи и имеется богатый зеленью микрооазис. Севернее виден средневековый комплекс Чильдухтарон, расположенный на гребне почти отвесно обрывающейся в сторону Шахристанская возвышенности; за ним лежат городища Калаи Кахкаха, Тирмизактепа и группа других памятников района Шахристана. Напротив Уртакургана возвышается гора Кызылэмчак.

Рис. 2. Чильхуджра (справа), Уртакурган (слева на заднем плане) и микрооазис санатория «Кумусолечебница».

По внешнему облику Уртакурган представляет собой двухъярусный холм-тепе, вытянутый с севера на юг (рис. 3 и 4). Верхний ярус его высотой около 7 м имеет сравнительно правильную форму и ровную вершину размером 18×16 м. Нижний ярус образует вокруг него площадку шириной от 13 до 30 м, которая некогда была окружена стеной, снабженной башнями (оплывы трех башен прослеживаются в южной части стены). Поверхность этой площадки-двора перепахана, вследствие чего древний микрорельеф сильно нарушен. Вход во двор, по всей вероятности, находится в западной, наиболее широкой части его. Общая высота холма составляет на западной стороне 13 м, а на восточной — 16 м. Восточнее его протекает Шахристансай, южнее же тянется

сухое русло притока последнего. На поверхности памятника встречаются обломки неполивной керамики.

Несомненно, к Уртакургану относится следующее описание И. А. Кастанье: «Вблизи холма и пещеры Чильхуджра, у самой реки, выделяется другой холм, под которым видне-

Рис. 3. Уртакурган до раскопок.

ется большой четырехугольник у основания, тогда как верхушка его имеет вид усеченного конуса. В двух-трех местах заметны следы раскопок; с северо-западной стороны сделан был даже большой подкоп, так что можно было проникнуть внутрь; отсюда легко можно убедиться, что курган был сложен из сырцового кирпича».¹

Уртакурган был обследован в 1950 г. Уструшанским отрядом Таджикской археологической экспедиции под руководством О. И. Смирновой, которая заметила: «В непосредственной близости от городища Чильхуджра, к юго-востоку от кишлака Турк, лежит второй памятник — Уртакурган — крупное двухъярусное тепе с центральным холмом кешка, округлой формы и со срезанной вершиной (площадь среза 18×18 м). Поверхность тепе сплошь задернована. В западной части среза центрального холма кем-то заложен раскоп 2×4 м, но снят лишь верхний слой. Следов жизни на поверхности не сохранилось».²

Раскопки Уртакургана были начаты в 1958 г. Тогда был вскрыт верхний горизонт холма, скрывавший остатки сильно разрушенной постройки; более или менее четко удалось выявить только два помещения.³

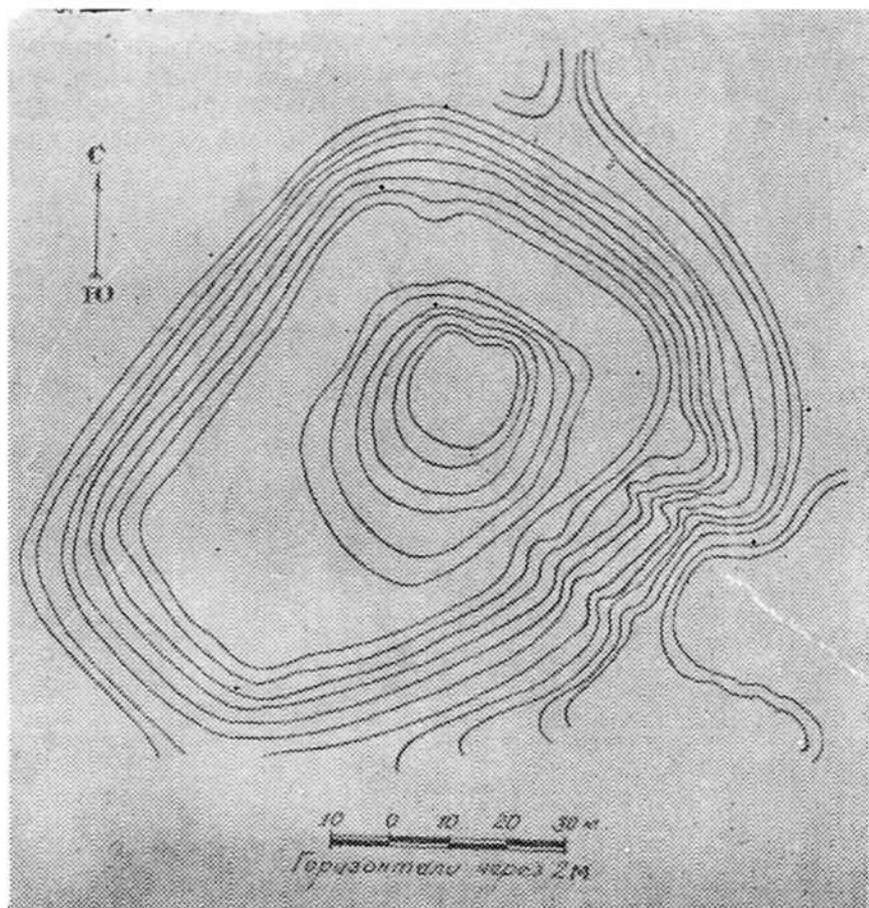

Рис. 4. Уртакурган. План холма.

В 1960 г. было раскрыто относительно хорошо сохранившееся здание нижнего горизонта, очень интересное по своей планировке и архитектуре; очень важны обнаруженные здесь находки фрагментов резного дерева, остатков «дарбазного» («кассетного») потолка и различных предметов быта⁴. В следующем, 1961 г. работы ограничились закладкой большого шурфа в северо-западном углу здания с целью изучения нижележащей структуры холма.⁵ Наконец, в 1963 г. были произведены разрезы и зачистки южной стены двора, что позволило выяснить структуру стены и вскрыть остатки башенных укреплений.⁶

ВЕРХНИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЦЕНТРАЛЬНОГО ХОЛМА

До проведения раскопок специфика местоположения Уртакургана, обеспечивающая господствующий характер над.

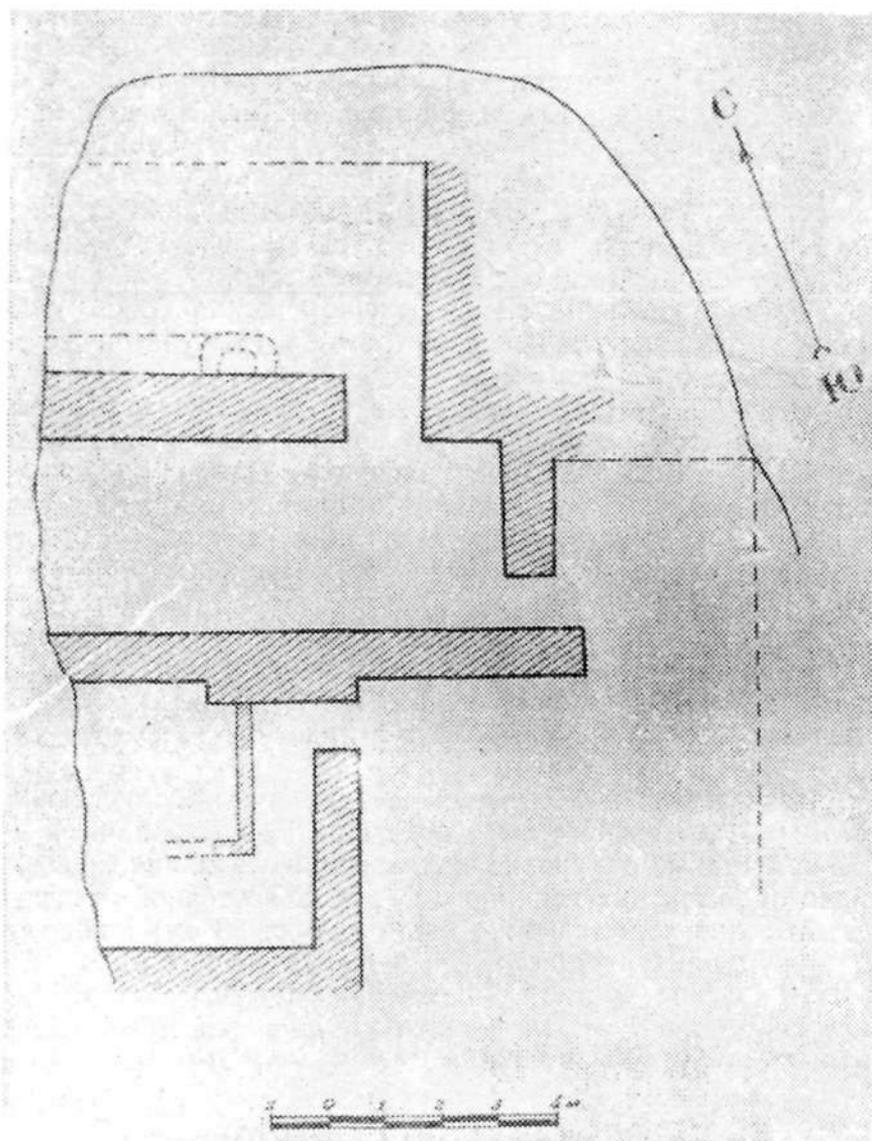

Рис. 5. Уртакурган. План сохранившихся помещений верхнего горизонта. окрестностями, позволяла предположить его оборонительный характер (подобно Тирмизактепа). Но материалы раскопок, особенно строительного комплекса второго горизонта, полностью опровергли такое предположение и убедительно показали, что он представляет собой богатое жилое здание с необычной планировкой и уникальными архитектурными деталями.

Как происходили раскопки памятника?

Прежде всего верхняя площадка холма была разделена на четыре сектора. После снятия дернового слоя раскопки

были начаты в юго-западном секторе. Здесь, в подперновом слое, сразу начала встречаться неполированная керамика (ребристая ручка и боковина кувшина, обломки глиняного котла ручной выделки из теста с примесью шамота, донышко и венчики красноглиняных сосудов, сероглиняное донышко сосуда, каменные изделия). При дальнейшем углублении на разных участках стали выявляться остатки нижних частей стен плохой сохранности. Самые тщательные исследования не позволили полностью разобраться в них. Удалось частично оконтурить лишь стены двух помещений (рис. 5). Они сильно разрушены осадками, ветрами и грызунами. Толщина их составляет около 1 м.

Помещение № 1 расположено в пределах северо-западного сектора. При небольшом углублении (до уровня 120 см от нулевой точки) был обнаружен пол. На полу были найдены кусок полусгнившей арчи 30×10 см и обломки керамики: венчики глиняного лепного котла и венчики от узкогорлых и широкогорлых сосудов, фрагменты бокальчика и чирага.

В восточной части помещения имеется проем, ведущий в соседнее помещение № 2. Из находок, сделанных в проеме и возле него, следует отметить железную дверную петлю, два точильных камня, глиняные бусы и пластину из белого кремния.

В помещении № 2 обнаружены два куска полусгнившего дерева (60×15 и 20×6 см), лежавших на расстоянии 1 м от западной стены; на уровне пола зачищен зольник, здесь же найден обломок дна глиняного котла. У восточной стены, несколько выше пола, найдена кость (длина 23 см) клюва птицы — журавля или цапли. Среди керамических находок обращают на себя внимание фрагмент с цветным орнаментом, нанесенным при помощи палочки, и обломки миниатюрного кувшинчика ручной выделки из теста с примесью шамота.

НИЖНИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЦЕНТРАЛЬНОГО ХОЛМА

Нижний строительный комплекс сохранился сравнительно хорошо. Он состоит из восьми помещений и остатков пандусного сооружения (рис. 6 и 7).

Раскопки его были начаты с западной стороны. Здесь было в первую очередь расчищено коридорообразное помещение № 1, размеры 925×265 см, которое тянется с запада на восток. Северная и южная стены помещения сложены из двух рядов пахсовых блоков, прослоенных рядом сырцовых кирпичей. Высота нижнего ряда блоков (от уровня пола) 95 — 100 см, ширина колеблется от 151 до 171 см. Верхний

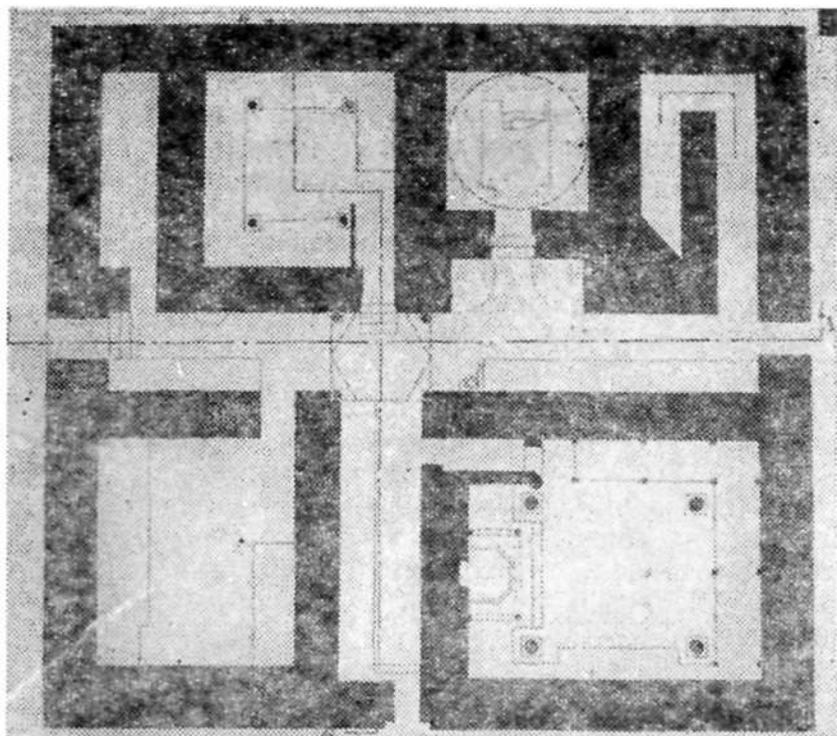

Рис. 6. Уртакурган. План здания нижнего комплекса центрального холма (с элементами реконструкции).

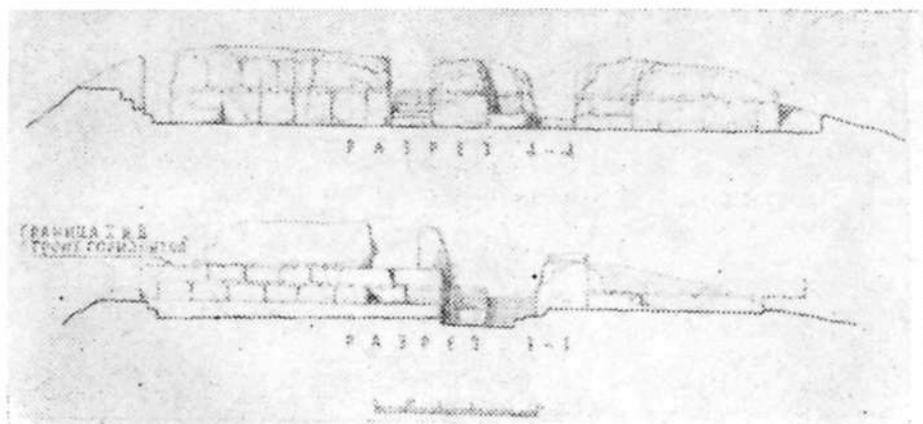

Рис. 7. Уртакурган. Здание нижнего комплекса центрального холма. Разрезы.

ряд блоков сохранился на различную высоту — от нескольких сантиметров до 50—60 см. Кирпичная прослойка имеет толщину 12—14 см; размер кирпича колеблется от $49 \times 24 \times 10$ до $54 \times 25 \times 10$ см. Следует отметить, что такая же тех-

ника кладки стен прослеживается во всех помещениях комплекса.

В западном конце помещения № 1 имеются две ступеньки, а за ними—остатки торцевой стены толщиной лишь 25—30 см. Ступеньки сложены из сырцовых кирпичей; нижняя имеет ширину 25 см при такой же высоте, верхняя — ширину 25 см и высоту 23 см.

Вдоль всей северной стены помещения тянется суфа высотой 45, шириной 115 см. В восточном конце южной стены расположен дверной проем, ведущий в помещение № 3. Заполнение помещения № 1 состояло в основном из кусков сырцовых кирпичей; в нем имелись прослойки лесса, угольки и у самого пола—зольник толщиной 2—5 см. В восточном конце обнаружены довольно крупные куски обуглившегося дерева; на всех стенах — следы огня. В помещении на полу были найдены маленький узкогорлый сосудик без ручки и слива, сданный на гончарном круге (емкостью около 200 см³), фрагменты тонко-и толстостенных сосудов неясной формы, обломки кухонной посуды ручной выделки и часть звена железной цепи.

Рис. 8. Уртакурган. Осевой коридор (помещение № 2).

Помещение № 2 (рис. 8) расположено перпендикулярно помещению № 1, к востоку от него. Оно тянется в виде осевого коридора с севера на юг и делит здание на две почти равные части. Размеры его 21×2,65 м. Главный вход в зда-

ние, очевидно, был в южном конце этого коридора. Северную часть коридора замыкают три ступеньки, видимо, ведущие к оконному проему (рис. 9). Самая нижняя ступенька короче двух верхних за счет дверного проема, ведущего в помещение № 6 восточной группы. Ступеньки сложены из сырцовых кирпичей того же размера, что и в помещении № 1. Размеры ступенек (ширина, длина и высота соответственно): нижней — $29 \times 111 \times 22$, средней — $30 \times 152 \times 20$ и верхней — $35 \times 152 \times 34$ см.

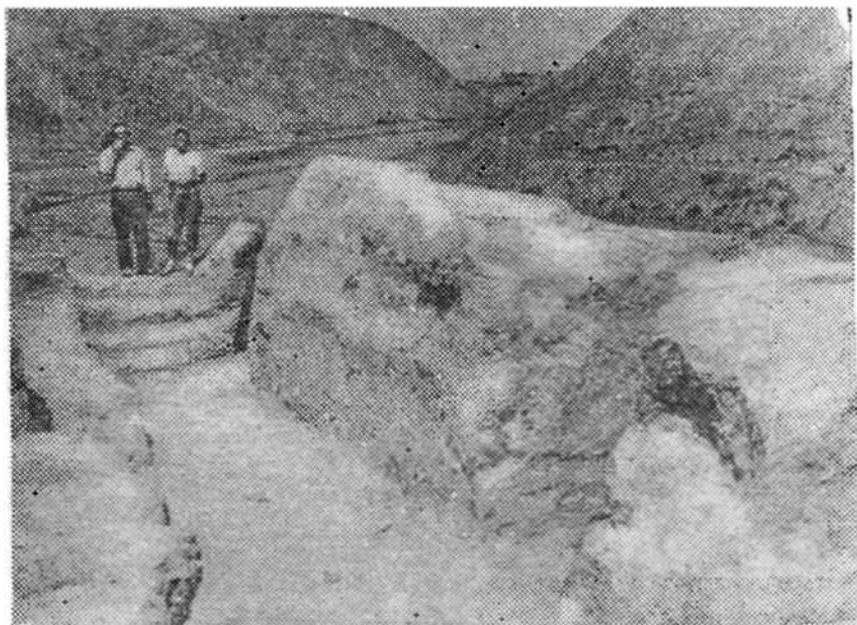

Рис. 9. Уртакурган. Осевой коридор, северная часть.

Входа в здание здесь (как и в западном конце поперечного коридора № 1) быть не могло, так как за ступеньками склон холма резко уходит вниз, а до уровня двора было слишком далеко. Поэтому скорее всего ступеньки в обоих коридорах вели к оконному проему или, возможно, нише.

Вдоль западной стены коридора тянется суфа, прерывающаяся у входов в помещения западной группы. Северная часть ее имеет длину 5 м, ширину—110 см, высоту—48 см; южная часть той же высоты и ширины, длиной 9 м.

К северному концу южной части суфы примыкает танур для выпечки лепешек, сделанный из перевернутого хума с пробитым дном (рис. 10). Дно танура — немного выше уровня венчика хума слой глины, который носит следы сильного огня; на нем лежал слой золы толщиной 4—5 см. Вы-

сота хума 69 см, максимальный внутренний диаметр тулова 64 см, внутренний диаметр верхней части танура 34 см, внешний — 40 см. Хум снаружи был обложен кирпичами и обмазан слоем глины.

Подобные тануры неоднократно обнаруживались при археологических раскопках. Так, целая печь из четырех тануров была вскрыта в замке Актепа близ Ташкента,⁷ другая печь, состоявшая из двух тануров, обнаружена в помещении № 5 кухендиза древнего Пенджикента⁸. Все они однотипны. Пенджикентские тануры отличаются лишь наличием спереди внизу отверстий — поддувал. Танур из перевернутого хума обнаружен также в хозяйственном помещении поселения Калаи Муг в бассейне Магнан-Дарьи⁹. Иного типа тануры на Аджинатепе (Южный Таджикистан). Здесь мы имеем специально выделанные сосуды без дна с равно-

Рис. 10. Уртакурган. Осевой коридор. Танур.

мерно расширяющимися книзу стенками, закраиной — венчиком сверху и отверстиями для тяги внизу; они обмазаны снаружи глиной с примесью гальки и облицованы кирпичами¹⁰. Следует отметить, что они близки к одному из вариантов позднейших таджикских тануров.

Осевой коридор связан дверными проемами со всеми помещениями восточной и западной групп, за исключением

юго-западного зала, соединенного с коридором № 1. Оригинально решен проем, ведущий в помещение № 5, пол которого значительно выше полов всех остальных помещений здания. Он расположен на оси коридора № 1 и выделен ступенчатым сооружением, выступающим в осевой коридор. Ступенька выложена из сырцового кирпича. Длина ступеньки (соответствующая ширине дверного проема) 120 см, ширина 67, высота 35 см.

В связи с особенностями описанного проема следует напомнить также одну своеобразную деталь обоих коридоров: вдоль одной из длинных стен имеется суфа, благодаря чему ширина их уменьшается почти вдвое, а проем в помещение № 5, фактически расположенный на оси коридора № 1, кажется смещенным к северу. Этим до некоторой степени нарушается схема художественного оформления коридоров, что позволяет ставить вопрос: чем объяснить указанное расположение суф в коридорах? Перподическим переполнением здания посетителями или же жилым назначением коридоров? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать ниже, при расследовании данных о назначении всего здания в целом.

В осевом коридоре эффектно выделяется расположенный в восточной стене небольшой камерный айван (помещение № 7) с двумя закругляющимися суфами; он акцентирует вход в расположенное за ним помещение № 8. В самом южном конце коридора сохранились остатки одного колена пандусного подъема.

Севернее ступеньки, ведущей в помещение № 5, у восточной стены коридора имеется небольшой очаг из двух кирпичей, положенных углами к стене, причем поверхности их наклонены друг к другу. Кирпичи различны по размерам: один (северный) — $25 \times 23 \times 13$ см, другой (южный) — $30 \times 25 \times 10/14$ см. В очаге и вокруг него скопление золы. Стена над ним сильно закопчена. Рядом с очагом найдены обломки кухонной посуды.

На отдельных участках восточной и западной стен осевого коридора, у проема, ведущего в помещение № 4, сохранились остатки «декора» — это прочерченные пальцами по сырой глиняной штукатурке четырехугольники и пучки волнистых линий, образующие в целом крупные декоративные панно (рис. 11 и 12). На одном участке стены верхний слой штукатурки был снят, под ним оказался второй, нижний слой, на котором обнаружилось продавленные пальцами волнистые линии, приближающиеся к мотиву «аркады». Однако назначение этого «декора» чисто практическое: для более прочного укладывания верхнего слоя штукатурки (рис. 13).

На стенах, особенно в центральной части коридора, наблюдаются явные следы сильного пожара; завал в этой части отличается обилием угольков, золы и фрагментов обуглившегося дерева разной величины, среди которых имеются и снабженные резьбой. В северном и южном концах коридора угли встречаются в гораздо меньшем количестве, чем в центральной его части.

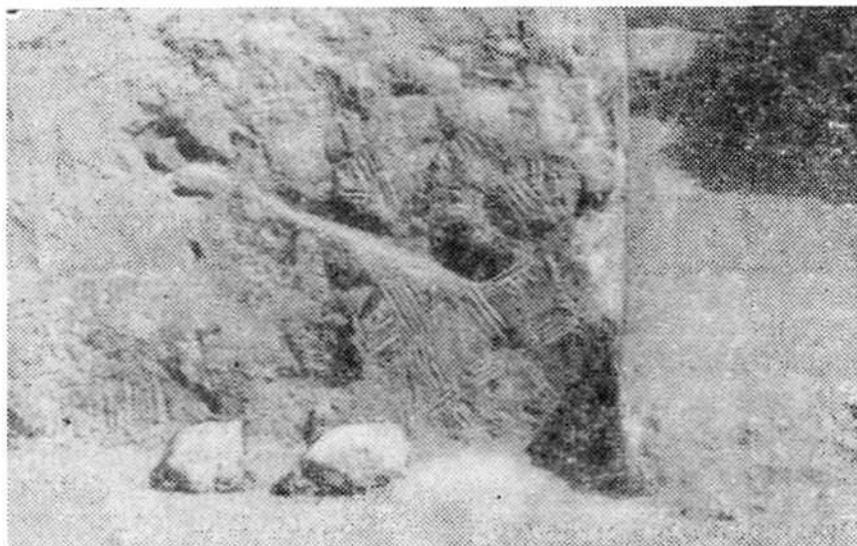

Рис. 11. Уртакурган. Осевой коридор. Остатки декора на восточной стене.

На стыке коридоров № 1 и 2 в углах обнаружены отпечатки нижних частей двух деревянных колонн, частично вделанных в стены. По этим отпечаткам удалось с большой точностью реконструировать их базы¹¹.

В результате кропотливого изучения месторасположений баз и обуглившихся деталей деревянной конструкции перекрытия удалось также восстановить весьма интересное по своей конструкции перекрытие места пересечения коридоров — перекрытие так называемого типа «рузан»¹² (рис. 31).

Вследствие пожара сохранилось сравнительно большое количество фрагментов его деревянных частей (рис. 26—30). На многих из них имеется великолепная резьба и тонкая архитектурная профилировка (рис. 14 и 15). На некоторых обгоревших деревянных балках сохранились глубокие врубки, направленные под углом 60°, и именно под таким углом смыкаются брусья, образующие так называемый венец «рузан». Следует подчеркнуть, что профилировка этих балок

Рис. 12. Уртакурган. Осевой коридор. Остатки декора на западной стене у проема в помещении № 4.

почти полностью воспроизводит профилировку каменных балок пещерного свода в Бамнани (плафон у грота), который является точным повторением деревянного перекрытия «крузан»¹³. Последнее представляет собой брусчатую ступенчатую конструкцию, состоящую из нескольких венцов квадратной или восьмиугольной (в Уртакургане — шестиугольной) формы, расположенных один над другим и завершающихся отверстием, которое совмещает функции светового и вентиляционного. Такая конструкция в свое время была широко

Рис. 13. Уртакурган. Осевой коридор. «Аркада» на нижней штукатурке.

распространена на большой территории от Закавказья¹⁴ до Кореи; она употреблялась уже очень давно и в родстве Хорезма, Семиречья, Восточного Туркестана¹⁵, Хоросана, Афганистана и Индии,¹⁶ а в Таджикистане и Туркменистане просуществовала особенно долго и дожила до настоящего времени.¹⁷

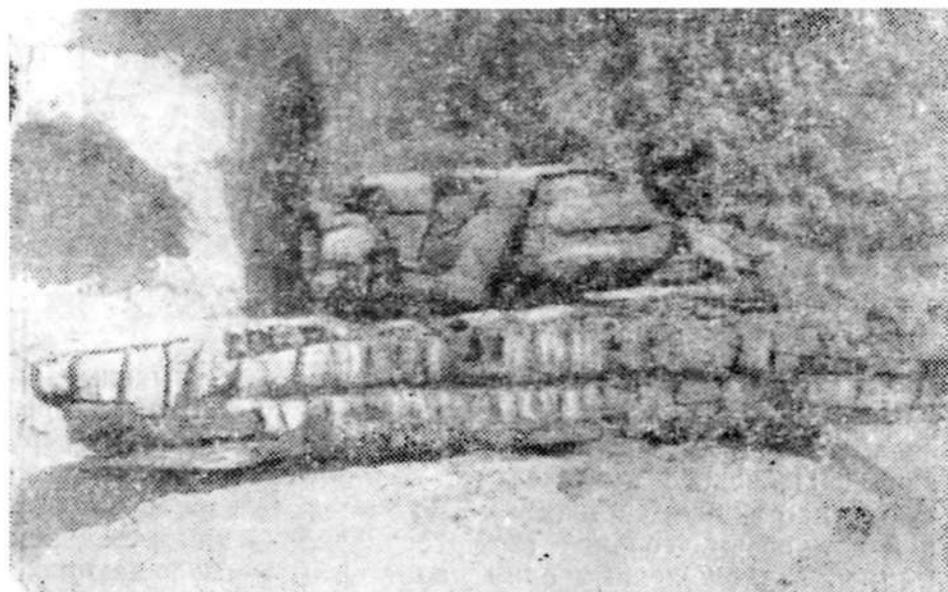

Рис. 14. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой.

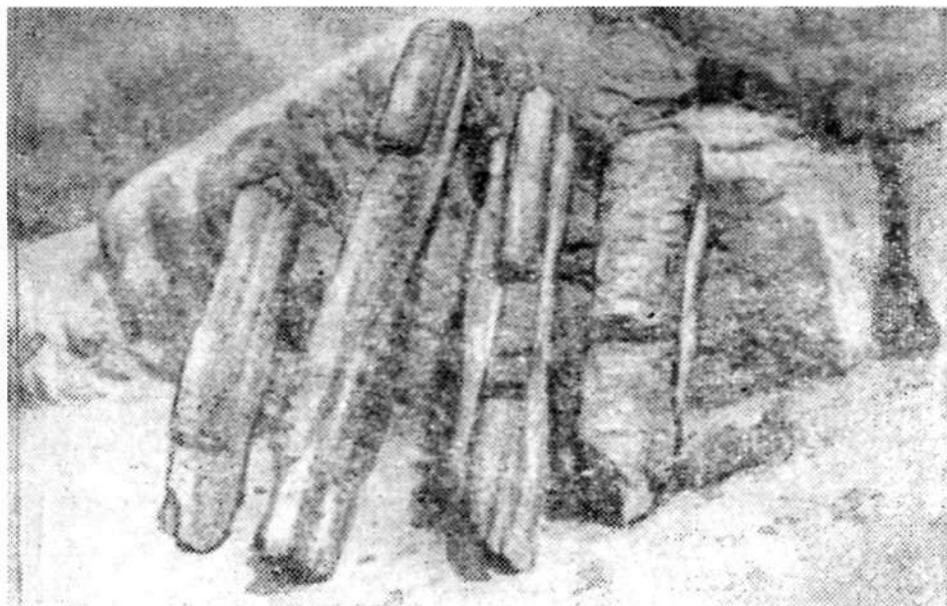

Рис. 15. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой.

В исследованиях по древней архитектуре Средней Азии неоднократно указывалось на вероятность употребления перекрытия типа «рузай» или так называемого «кассетного» потолка уже в раннее время. Находки в Уртакургане являются первым точно документированным свидетельством о применении данной архитектурной формы в раннесредневековых среднеазиатских зданиях. Они позволяют представить не только характер перекрытия здания нижнего строительного горизонта Уртакургана, но и перекрытие помещения синхронного замка на Калан Калхака II в том же Шахристане.

Как отмечалось выше, осевой коридор делит здание на две части: поперечный коридор (помещение № 1), в свою очередь, разделяет на две части западную половину его. С обеих сторон этого коридора расположено по помещению. Проем шириной 85 см в южной его стене ведет в помещение № 3 — самое крупное по размерам (9,55×7,90 м). Проем был забит обломками кирпича, среди которых преобладают сильно обожженные. Щелевые стены проема также имеют следы воздействия сильного огня; под них в обе стороны уходят нишки от балок порогов.

Вход в помещение № 3 был оформлен в виде своеобразного тамбура, отгороженного массивной стенкой-ширмой (толщиной 30 см), заканчивавшейся трехчетвертной восьмигранной сырцово-глиняной колонкой, которая сохранилась на высо-

ту 26 см при диаметре 35 см (рис. 16). Между проемом и колонкой тамбур расширен до 105 см. У восточной стены прохода колонке соответствует прямоугольная лопатка шириной 64 см, выступающая из стены на 26 см. Стенка тамбура и лопатка сложены из сырцового кирпича тех же размеров, что и кирпичная прокладка между пахсовыми блоками стен.

Прямо напротив входа начинается суфа, обегаящая все стороны помещения и примыкающая к стенке входного тамбура. Восточная часть ее начинается на расстоянии 1 м от тамбура и примыкает своим южным концом к южному торцу помещения; длина составляет 452 см, ширина — 135, высота — 48 см. Южная суфа занимает всю длину соответствующей стены помещения и имеет такую же ширину и вы-

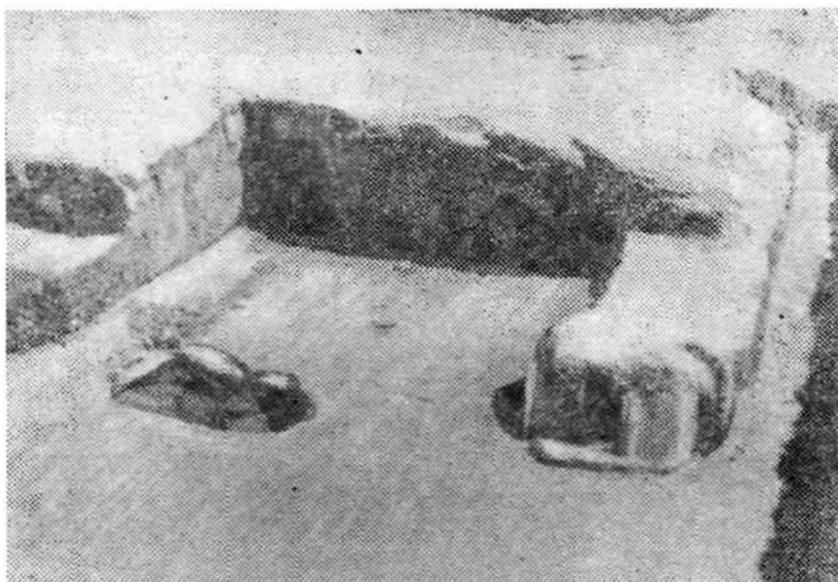

Рис. 16. Уртакурган. Юго-западный зал (помещение № 3). Остатки стенки тамбура с восьмигранной колонкой (на снимке справа).

соту. Суфа вдоль западной стены несколько уже — 110 см. Самой широкой и парадной является северная суфа (рис. 17), оформленная в виде двухступенчатой эстрады. Ширина ее 217 см, общая высота 50 см. Ступенька, проходящая вдоль всей передней части суфы, имеет высоту 23 см при ширине 32 см. В северо-восточном, северо-западном и юго-западном стыках суф расположены прямоугольные выемки для баз колонн.

Особое назначение северной суфы-эстрады позволяет предполагать наличие в стене двух выемок, вертикальных

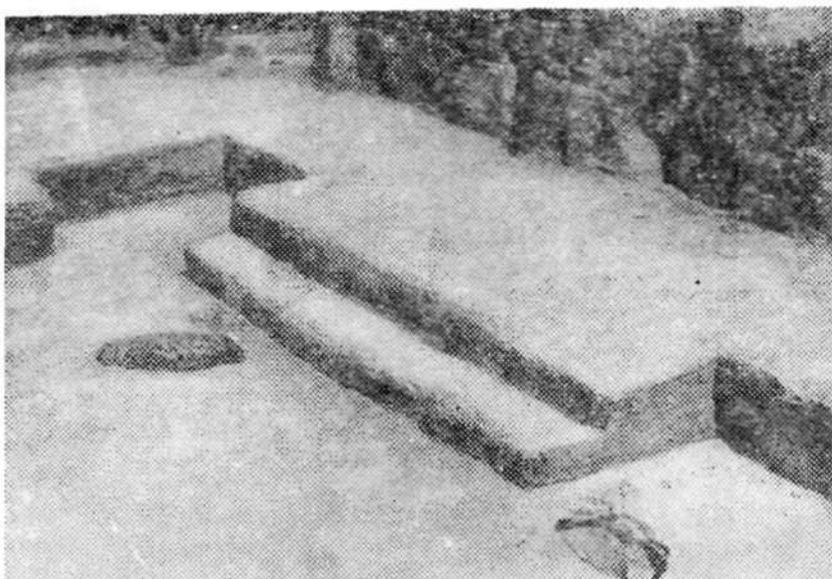

Рис. 17. Уртакурган. Юго-западный зал. Северная суфа.

стоек, расположенных на осях выступающей части, а также более глубокой округлой формы выемки, расположенной точно посередине между стойками, — в месте, соответствующем расположению тахта (рис. 18). След вертикальной стойки сохранился также в восточной стене помещения; тут он непосредственно примыкает к северному краю суфы.

В 40 см от южной суфы, на оси указанной «тронной» выемки имеется канавка, вытянутая с севера на юг (длина 45 см, ширина от 22 до 28 см). В ней обнаружены куски сгнившего арчового дерева, причем в южной части они стояли вертикально, а в остальной лежали. Это, по всей вероятности, остатки еще одной стойки.

Указанные следы вертикальных стоек свидетельствуют о том, что над «троном» и над суфами гостей некогда висел матерчатый балдахин. Вид таких балдахинов мы можем представить себе по изображениям их на росписях древнего Пенджикента, где они фигурируют в сценах пиров¹⁸.

Перед нами, очевидно, главный приемный зал дома. Человека, входившего в него, должна была поражать торжественность композиционного решения и укрупненность размеров архитектурных элементов; судя по сохранившимся гнездам на углах северной «тронной» суфы, базы колонн достигали размеров 120×150 см. О пышности проходивших здесь приемов можно судить по балдахинам, которые покрывали не только «трон» владельца замка, но и суфы гостей.

Хотя рассматриваемый зал прямоугольный, близкое

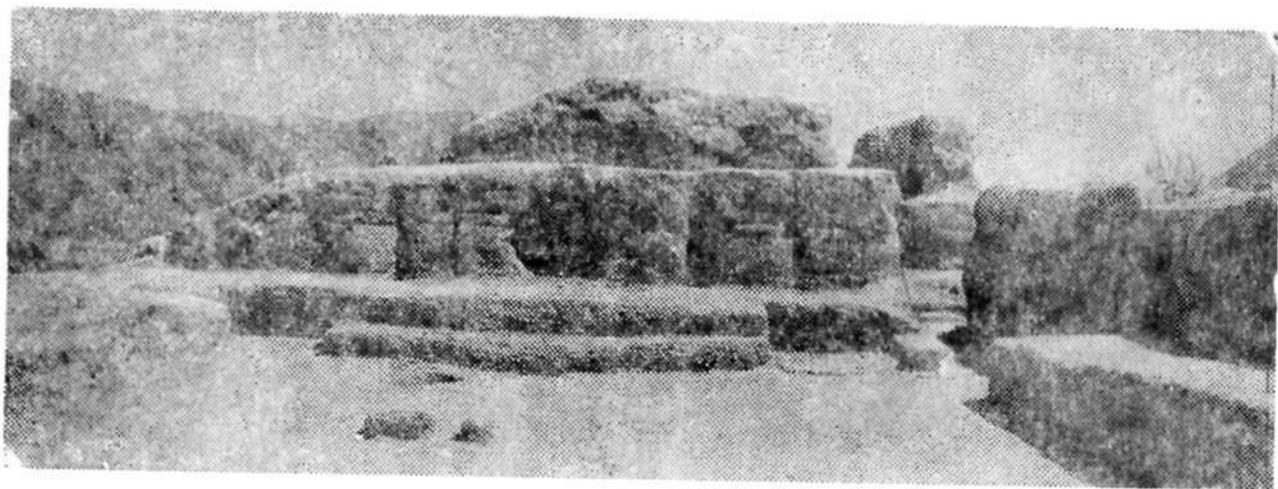

Рис. 18. Уртакурган. Здание нижнего комплекса центрального холма. Юго-западный зал (помещение № 3)

сходство его с квадратными залами замка Катаи Кахкаха II не вызывает сомнений. Оно проявляется в соблюдении канонической схемы планировки, характерной для помещений такого типа, и особенно в наличии четырех колонн, которые создают его правильное квадратное ядро. Некоторое отклонение от традиционной квадратной схемы залов можно объяснить стремлением подчеркнуть в данном случае доминирующее положение «тройной» стороны.

Почти в центре помещения (с небольшим смещением к западу) расположен небольшой очаг, состоящий, как и очаг в осевом коридоре, всего из двух кирпичей. Разница лишь в том, что там он находится у стены и кирпичи положены под углом к ней (чем образован треугольник), а здесь — посредине комнаты и кирпичи лежат почти параллельно (однако не в длину, а в ширину).

Стены описанного зала сложены в той же технике, что и вышеописанные помещения, — два ряда пахсовых блоков и один ряд кирпичной прослойки между ними.

Заполнение помещения состояло из обломков кирпичей и лесса, в нем имелись зольные прослойки, мелкие куски обуглившегося дерева.

Помещение № 4. Оно расположено в северо-западном углу здания, севернее коридора № 1. В него ведет из осевого коридора № 2 низкий прямоугольный проем со следами деревянной дверной рамы и балочной перемычки, оконтуренной снаружи лентой лепного орнамента. Внизу сохранились ниши порогов. Ширина проема достигает 104 см, но при этом мала высота — она едва превышает 1 м; очевидно, проникнуть в помещение можно было лишь согнувшись.

В отличие от входа само помещение сохранилось плохо. Размер его $6,4 \times 8,5$ м¹⁹. Вдоль северной и частично южной стен расположены суфы; ширина северной достигает 150 см, у северо-западного угла она сужается до 135 см, образуя нечто вроде гнезда. Южная суфа начинается у западной стены и достигает середины помещения, ширина ее 135 см.

Стены возведены из двух рядов блоков, разделенных рядом сырцового кирпича (рис. 19). Толщина северной стены 140 см. На южной стене над суфой сохранились остатки сплошной красной краски и внизу (у суфы) — небольшие участки бордюра из двух горизонтальных полос с кружочками голубого цвета между ними. В заполнении помещения имелись многочисленные мелкие куски штукатурки, окрашенной в четыре цвета: белый, красный, голубой и черный. Заполнение в западной части более плотное, чем в восточной, и состояло из обломков кирпичей (кстати, их встречалось здесь значительно меньше, чем в других помещениях), нанос-

ных лессовых отложений, угольков и золы. На полу найдены обломки хума с косточками винограда.

Большие размеры помещения предполагают необходимость наличия промежуточных опор; однако, если не считать какое-то подобие гнезда для базы колонны у суфы в северо-западном углу, никаких следов их здесь обнаружить не удалось. Несколько странным выглядит и отсутствие традиционного входного тамбура, а также расположение суфы только с двух сторон помещения.

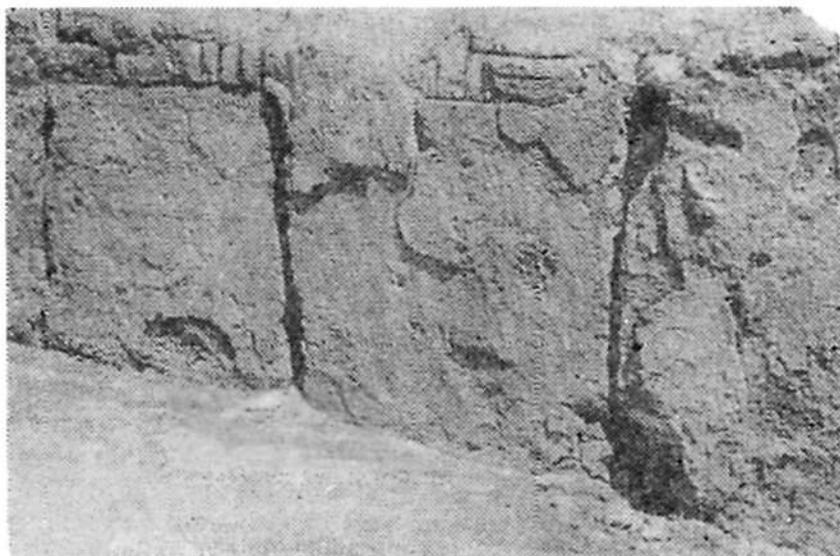

Рис. 19. Уртакурган. Северо-западный зал (помещение № 4). Восточная стена.

Восточная половина здания состоит из трех помещений и выводящего на крышу пандуса. Почти в центре ее расположен так называемый малый зал (помещение № 5). Ведущий в него дверной проем находится в южном конце западной стены; он снабжен ступенчатой лестенкой и лежит на оси коридора № 1. За проемом следует тамбур, отгороженный от помещения тонкой стенкой-ширмой²⁰. С внешней стороны под стены его уходят нишки порогов. Сразу против входа начинается суфа, обегаящая все стены помещения и примыкающая к ширме тамбура.

Это помещение во многом сходно с помещением (залом) № 3, но планировка его квадратная и размеры (6,6×6,6 м) заметно меньше. Южная, восточная и северная суфы имеют почти одинаковую высоту и ширину (ширина их 125—128 см, высота 45—47 см). Западная суфа отличается своими размерами и парадностью; при той же высоте, что и у других (45 см), она имеет ширину 165 см. Кроме того, сохранившаяся

ся часть стенки—ширмы тамбура, обращенная к этой суфе, была тщательно оштукатурена и оформлена в виде гладкого панно, оконтуренного лепным глиняным бордюром, состоявшим из узкого полукруглого в сечении жгута, украшенного пятилепестковыми пальметтами и ромбической гирляндой (рис. 36—37). Во всех четырех углах суф обнаружены вырезы — гнезда для деревянных колонн. Размеры этих гнезд колеблются от 39×25 до 67×25 см. В двух из них сохранились обуглившиеся остатки дерева, рассыпавшиеся при раскритии, а в остальных — груды углей.

В планировке и внутреннем устройстве этого зала обнаруживается явное сходство с помещениями нижнего яруса замка на Калаи Кахкаха II,²¹ с квадратными залами древнего Пенджикента, а также с помещением замка Бад-Асия близ Пайкенда²². По периметру всех стен тянутся суфы, одна из них (в данном случае западная) шире других и играет доминирующую роль; по углам суф имеются гнезда для несохранившихся колонн.

Пожар, некогда охвативший здание, оставил гораздо больше ошутимых следов в этом помещении, чем во всех других. Вся поверхность пола, суф и стен обожжена докрасна. Толщина слоя золы достигала в некоторых местах (особенно в западной половине) 10—12 см. В результате воздействия огня погибла роспись на всех стенах; сохранились лишь незначительные следы ее в углу западной стены и на стенке тамбура (рядом с лепным бордюром). На полу у западной суфы и на поверхности последней обнаружено большое количество обуглившихся злаков пшеницы, ячменя, гороха, а также обломки сосудов.

Стены помещения сложены так же, как и в других местах; на них сохранилась глиняная обмазка отличного качества. Заполнение помещения состояло из весьма рыхлого завала, несущего следы огня, обломков сырцовых кирпичей и золы.

К северу от малого зала находится небольшая коридоробразная комната № 6, расположенная перпендикулярно большому осевому коридору. Ее размеры 660×205 см. В эту комнату из большого коридора ведет проем шириной 70 см. Помещение было заполнено рухнувшим сводом из сырцового кирпича. Никаких других архитектурных остатков здесь обнаружено не было.

В самом южном конце осевого коридора, в восточной его стороне, сохранились остатки нижнего колена пандуса, представляющие собой коридор шириной 70 см с наклонной поверхностью пола (подымающейся под углом примерно 30°). Следующие колена этого сооружения, выводившего, по-видимому, на крышу, не сохранились. Центральный столб

пандуса, вероятно, был сложен из крупных блоков пахсы и имел в плане прямоугольную форму.

Между малым залом и остатками пандуса расположены два помещения (№ 7 и 8), составляющие единое целое.

Помещение № 7 имеет форму глубокой ниши размером 440×182 см и является фактически парадным камерным айваном перед входом в расположенное за ним помещение № 8. Оно ничем не отделено от центрального коридора; с северной и южной его сторон суфы имеют в плане форму сектора (рис. 20), их длина (З—В) соответствует ширине помещения (182 см); ширина (С—Ю) северной суфы составляет 145 см, южной — 171 см. Высота обеих одинаковая — 44 см. Между суфами расположен проход в помещение № 8. Восточная стена этого айвана по сторонам проема, по-видимому, некогда была украшена глиняным рельефом, от которого, однако, сохранилась лишь часть лепной колонки. Характер заполнения описанного помещения тот же, что и в центральном коридоре.

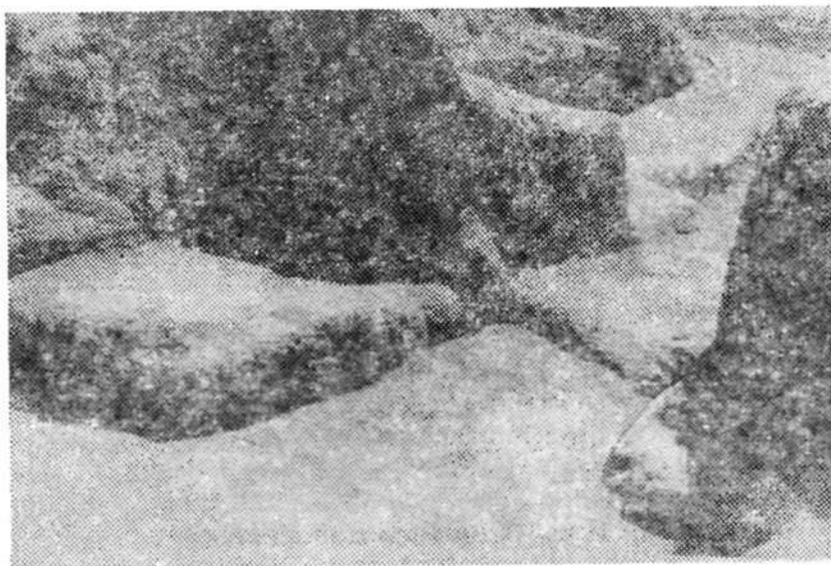

Рис. 20. Уртакурган. Камерный айван (помещение № 7).

Помещение № 8 квадратное, размером 465×465 см (рис. 21). Входной проем шириной 85 см прорезан в отличие от других комнат не заподлицо с какой-нибудь стеной, а по его центральной оси. Он имеет двойной порог, причем внутренний брус последнего расположен гораздо выше внешнего. Вдоль всех четырех стен тянется суфа; с трех сторон — южной, восточной и северной — она имеет одинаковую ширину (120 см) и высоту (45 см), но у западной стены (с обе-

их сторон проема) ширина ее составляет лишь 65 см. У восточной суфы были расчищены остатки какого-то прямоугольного сооружения, сложенного из сырцовых кирпичей. Оно обведено с трех сторон стенками (длина восточной 156 см, южной — 113, северной — 95 см, толщина их 25 см), сохранившимися на высоту 0,5 м; западной открытой стороной

Рис. 21. Уртакурган. Помещение № 8.

обращено ко входу в помещение. Южная и восточная стенки примыкают к стенкам суфы. Ввиду сильной разрушенности устройство внутренней части проследить не удалось, поэтому назначение данного сооружения остается неясным. Не исключена возможность, что это был какой-то домашний алтарь.

Заполнение помещения состояло из сырцовых кирпичей и их обломков, принадлежавших, видимо, рухнувшему куполу; следов пожара здесь нет.

Описанная комната выделяется среди других помещений Уртакургана своеобразием: квадратная в плане, она была, судя по характеру завала и полному отсутствию в нем дерева и следов пожара, перекрыта куполом. Хотя по размерам помещение сравнительно невелико, вход в него выделен глубоким айваном, ширина которого совпадает с шириной самого помещения. Суфы необычной формы. Во всем этом видно стремление подчеркнуть торжественность входа.

Все оформление предвходного пространства имеет ха-

рактер раскрытой наружу прихожей или небольшого камерного айвана. Сочетание его с лежащим за ним помещением в известной мере напоминает композицию порталных мавзолеев: квадратное перекрытое куполом внутреннее пространство и равная ему по ширине ниша пештака. Ближайшую аналогию такой композиции в археологических памятниках, синхронных Уртакургану, составляет объект III шахристана древнего Пенджикента, где ниша тех же пропорций, что и в Уртакургане, но гораздо больших размеров, оформляет вход в один из четырехколонных залов.²³

Входной проем описываемого помещения в отличие от других, расположенных в углу, заподлицо с одной из стен, находится в центре, строго по оси помещения. Двойной ступенчатый порог входа также отличается от других порогов Уртакургана своей массивностью и формой. Он как бы подчеркивает замкнутость и изолированность небольшого помещения, скрытого за ним.

Указанные детали выделяют эту комнату из основной группы помещений здания и дают основание предполагать, что она имела не жилое назначение, а выполняла какие-то особые функции. Последним объяснено и наличие купольного перекрытия, возведение которого в общей плоской крыше здания не случайно.

Сырцовых купольных перекрытий раннего средневековья (особенно VI—VIII вв.) из-за недолговечности строительного материала до нас дошло очень мало; их нетрудно перечислить.²⁴

1. Замок V—IX вв. Чильхуджра рядом с Уртакурганом (материалы еще не опубликованы).²⁵ На втором этаже его имеется хорошо сохранившееся помещение размером около 200×180 см с купольным перекрытием. Оно имеет единственный арочный проем, расположенный в углу под одним из тропов. Любопытно отметить, что в Чильхуджре, как и в Уртакургане, купольное помещение расположено рядом с пандусом.

2. Городище Афраснаб. Купольное помещение раскопано в 1925 г. В. Л. Вяткиным²⁶. Оно квадратное, размер 430×430 см, перекрыто сырцовым куполом диаметром 5 м (на 70 см превышающим пролет помещения). Из трех имеющихся тут проемов один, связывающий это помещение с соседним, расположен в углу, заподлицо с одной из стен; два других прорезаны почти на осях. Против одного из них (возможно, главного входа) в стене — глубокая ниша, не имеющая признаков бытового назначения. Это, по-видимому, говорит о культовом назначении данного помещения.

3. Замок Актепа под Ташкентом²⁷. На втором этаже его

имеется квадратное купольное помещение размером, судя по чертежу, 270×280 см.

4. Матая Кызкала в Мерве²⁸. Купольное помещение размером, судя по чертежу, около 4×4 м. Оно имеет два дверных проема; первый прорезан в середине одной из стен, второй, как и в Чильхуджре, — в углу под одним из тропов. Главным входом считается проем, расположенный в углу. Это первый из ранее известных случаев, когда главный вход находится не по оси помещения, а в его углу.

5. Пристройка к замку № 36 Беркуткалинского оазиса в Хорезме, имеющая купольное перекрытие²⁹. Размеры ее 450×450 см. Она примыкает к юго-западной стороне замка, но с жилыми помещениями не соединена; кроме того, имеется значительная разница в уровне полов — жилые комнаты замка возведены на глинобитном стилобате, а пристройка — на земле. Отличается и техника кладки стен пристройки и основного здания. Исследователь памятника С. П. Толстов справедливо считает, что купольное помещение-пристройка не было жилым, а имело ритуальное назначение. По его мнению, здесь, в соответствии с погребальным обрядом зороастрийцев, хранились трупы умерших до погребения их костей, очищенных от мяса. Обращает на себя внимание та особенность, что «комната не имеет правильной двери» и «вход в нее ведет через узкий неправильной формы проем у южного угла юго-восточной стены».

6. Так называемый дом № 50³⁰ в том же Беркуткалинском оазисе, расположенный в непосредственной близости от вышеупомянутого замка № 36. Дом представляет собой небольшое строение, по очертаниям близкое к квадрату со сторонами $7 \times 7,5$ м. Вход в него расположен по оси. С трех сторон были расположены ниши, глубиной едва превышающие 1 м и перекрытые полусводами (к моменту изучения памятника сохранились лишь две ниши, третья была заложена во время ремонта, отчего планировка дома сделалась асимметричной, но при раскопках были вполне достоверно выявлены остатки третьей). Сооружение было перекрыто куполом, опирающимся на полукупола ниш. В последних сохранились тропы архаичной формы в виде перспективно уходящих арок. Под полукуполами ниш сохранились суфы, более торжественная из них расположена против входа. В доме найден фрагмент крышки алебастрового оссуария и не связанные с ним более поздние захоронения.

Исследователь этого дома Е. Е. Неразик относит его к VII—VIII вв. и считает его первым из известных самых ранних мавзолеев типа центральных купольных киосков в Средней Азии.

7. Дом № 115³¹ в Беркуткалинском оазисе (находится недалеко от известной Тешиккалы). Это сооружение в виде квадратной башни. К сожалению, Е. Е. Неразник не приводит размеров его, а чертежи лишены масштаба; однако, судя по соотношению изображенной в разрезе человеческой фигуры и контуров постройки, оно близко к вышеупомянутым купольным сооружениям. Всю западную половину здания занимает суфа, единственный вход расположен в северо-восточном углу. Исследователи относят это сооружение также к VII—VIII вв. и предполагают связь его с культом огня.

8. Квадратное купольное помещение в жилой части буддийского храма в Акбешиме (VII—начало VIII в.).³² Размеры его около 4×4 м. Исследования показали несомненное культовое назначение этого помещения (буддийская часовня).

Во всех перечисленных купольных помещениях сохранились тромпы арханчного типа в виде перспективно уменьшающихся арочек, вписанных одна в другую. Но эти тромпы еще не образуют самостоятельного единого пояса, а врезаны в сферическую оболочку купола.

Наконец, к нашему перечню можно добавить еще одно квадратное купольное помещение (размером 520×540 см) на Мунчактепа в Кабадиане³³. Здесь система тромпов отсутствовала. Свесы над углами, уменьшенные за счет увеличения пролета купола, большего, чем пролет самого помещения, опирались на консольно выдвинутые кирпичи; как и в большинстве перечисленных выше случаев, проем прорезан на оси помещения.

Если суммировать приведенные выше данные, то можно констатировать нижеследующее: сооружения с купольным перекрытием, известные сейчас в памятниках раннего средневековья, обычно занимают особое место в соответствующем строительном комплексе. Во всяком случае часть из них имеет черты, позволяющие с большей или меньшей степенью уверенности предполагать прежде всего культово-ритуальное их назначение.

В большинстве случаев наличие купольного перекрытия не может быть объяснено технической необходимостью. Вряд ли есть основания предполагать, что целью применения данного типа перекрытия явилось стремление к экономии дерева: из дошедших до нас письменных источников известно, что в раннем средневековье леса в пределах Средней Азии были более обширны, чем в последующие века³⁴. То, что в архитектуре Средней Азии использовались преимущественно сводчатые перекрытия, скорее всего следует объяснить стремлением добиться максимальной прочности, а не соблю-

деннем малосущественной экономии строительного материала.

Возведение купола требовало от строителей большого умения и затрат значительного труда. Этот момент также следует здесь учитывать. Естественно предполагать, что такой тип перекрытия использовался для помещений, имеющих особое назначение. Кроме того, заслуживает внимания соотношение иного порядка: вполне возможно, что художественный эффект высокого сферического подкупольного пространства должен был вызывать ассоциацию с небесным сводом. Не случайно в последующие века в Средней Азии само слово «гумбаз» — купол стало обозначать место святое, почитаемое, культовое. Здесь уместно напомнить слова придворного летописца Тамерлана Шарафаддина Али-Язди, который, восхваляя мечеть Биби-Ханым, сравнивает ее купол с небесным сводом: «Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением...»³⁵.

Попутно следует обратить внимание на одну особенность планировки известных нам сейчас наусов, муг-хона и курумов, специфическое назначение которых не вызывает сомнения. Почти у всех памятников этого рода вход расположен в центре одной из стен по оси сооружения.³⁶ По-видимому, такое местоположение входа было характерно для сооружений торжественного и культового назначения.

Учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что квадратное помещение № 1 кешка Тешиккала в Хорезме³⁷ также имело купольное перекрытие и являлось культоритуальным по назначению. Оно представляет для нас особый интерес, так как имеет много схожего с рассмотренным здесь квадратным помещением Уртакургана: в обоих случаях входной проем расположен на оси помещения, напротив входа с небольшим смещением вправо расположен очаг, размеры помещения почти совпадают. За внешним сходством известных сейчас помещений с купольным перекрытием, возможно, скрывается и сходство их назначения.

В архитектуре Средней Азии предисламского времени центральное расположение входов было редким явлением. Входы, как правило, находились в одном из углов помещения. Но в случае применения купола угловое расположение входа было бы невыгодным, поскольку снижало бы прочность самого ответственного узла — трюма, от которого зависела устойчивость всего перекрытия. Поэтому в большинстве купольных помещений проем расположен по оси комнаты; исключения составляют отмеченные выше помещения: на Афрасиабе (один проем из трех — в углу), Малой Кызкала (один из двух — в углу), Чильхуджере и в беркуткалинском доме № 115.

Но центральное расположение проема, по всей вероятности, вытекало здесь не только из конструктивных соображений. Зодчие того времени прекрасно понимали художественный эффект такого решения. Не зря в камерных вариантах дворово-айваных комплексов, а также в четырехколонных залах Пенджикента вход расположен в центре, что придавало им торжественность.

В рассматриваемом здесь купольном помещении на Уртакургане центральное расположение входа также нельзя объяснить только конструктивными соображениями. Его художественный эффект подчеркнут предвходным «камерным айваном», суфами оригинальной конфигурации, расположенными симметрично по оси айвана купольного помещения и соединяющего их проема, а также глиняным лепным рельефом, расположенным по две стороны проема³⁸. Все это вместе взятое создает единую замкнутую систему, торжественность которой, несмотря на малые размеры, явственно подчеркнута. Эта система всей логикой своего художественного решения выделяется из общей структуры здания, но вместе с тем органически входит в нее неотъемлемой частью.

Все изложенное дает основание видеть в квадратном помещении Уртакургана не жилую комнату, а помещение особого, вероятно, культового назначения, где жители замка совершали перед алтарем обряды какой-то местной религии, скорее всего связанной с поклоном огню.

Наличие специальных культовых помещений в раннесредневековых зданиях замкового и дворцового типа засвидетельствовано исследованиями ряда памятников. Такие помещения были открыты, например, в уже упоминавшейся хорезмийской Тешиккале (капелла во дворе), в замке Балалыктепа,³⁹ во дворце в Варахше (предположительно «красный зал»)⁴⁰ и др. Устройство домашних молелен-капелл в крупных зданиях засвидетельствовано раскопками на древнем Пенджикенте. Здесь выявлено около десятка таких домашних святилищ,⁴¹ которые специально изучены В. Л. Ворониной.⁴² Пенджикентские комнаты-молельни приблизительно квадратные в плане, снабжены тамбурным входом, имеют алтарную нишу в стене, а также суфы вдоль стен. Пристенные очаги-алтари многих из них сделаны в виде неглубокой арочной нишки, утопленной в стене или же оконтуренной выступающей сырцово-красной рамкой и фланкированной парой миниатюрных колонок. Судя по ряду признаков, в них горел огонь (имеются следы золы, копоти и обгорелой земли). Стены окрашены в черный или темно-серый цвет, видимо, для маскировки копоти, а полы некоторых комнат несколько приподняты — для лучшей вытяжки дыма через отверстия в потол-

ке. Ориентация алтарей в пенджикентских молельнях была различная — на юг и на восток. В уртакурганском помещении алтарное устройство находилось напротив входа, у восточной (полностью развалившейся) стены, а вымостка для огня, частично сохранившаяся, — на некотором расстоянии перед ним. Этим уртакурганский алтарь отличается от пенджикентских, в которых очаги находятся непосредственно в самих алтарях.

Традиция устройства алтарей-ниш восходит к далекому прошлому: еще в V тысячелетии до н. э. пристенный выступ с нишей напротив домашнего очага делали в своих жилищах земледельцы Южной Туркмении⁴³. Домашнее святилище из вмазанных в стену и площадку перед нею полуовальных керамических плит обнаружено на Афрасиабе. А. И. Тереножкин соответствующее помещение называет «домом огня»⁴⁴.

Очаги-алтари известны и в памятниках Хорезма. Например, на Топраккале они имеют треугольную арочку, обрамленную прямоугольной рамкой с перспективным углублением⁴⁵. Ниша для очага, обрамленная бордюром из кирпичиков, обнаружена посреди западной стены парадного зала Гяуркалы. Перед этой нишей расположена высокая площадка со следами огня⁴⁶. Метровые нишки со вмазанными перед ними в пол каменными плитами (соответствующие помещения иногда имеют тамбуры) зафиксированы в жилых зданиях Беграма; исследователь этого памятника Р. Гиршман предполагает здесь «почитаемые места»⁴⁷. Хотя формы всех этих домашних алтарей имеют свои локальные особенности, общая их идея близка пенджикентским. Они также состоят из арочной ниши и площадки перед нею. Но эта общая идея, видимо, лежит и в основе уртакурганского алтаря.

Если наше толкование верно, то факт наличия домашней капеллы-молельни на Уртакургане дает дополнительный материал для суждений о религиозных верованиях населения древней Уструшаны⁴⁸.

О назначении двух четырехколонных залов в Уртакургане нет необходимости строить какие-либо предположения: оно определяется их собственной внутренней структурой и вполне очевидными аналогиями прежде всего в замке Калан Кяхкаха II и древнем Пенджикенте. Залы Уртакургана были местом приема гостей и многолюдных праздничных собраний представителей местного феодализирующего дехканства. Такие собрания нашли свое отображение на некоторых росписях Пенджикента⁴⁹.

Не исключено, конечно, что залы использовались одновременно и как помещения жилого назначения, хотя их внутреннее устройство с выделением главной суфы (особенно в большом юго-западном зале) отчетливо говорит об их тор-

жественном, парадном назначении. Жилые комнаты Пенджикента, как известно, имеют довольно скромные размеры и простую внутреннюю структуру, намного отличную от структуры парадных залов, несомненно родственных залам Уртакургана и замка Калаи Кахкаха II⁵⁰.

Следует отметить отдаленность малого квадратного зала от большого и отсутствие между ними непосредственной связи — такой, которая, например, имеется в нижнем ярусе замка на Калаи Кахкаха II. Это ставит под сомнение вероятность одновременного их использования во время праздничных собраний и приемов. Весьма вероятно, что малый зал сочетал в себе обе функции — приемного (это должно было преобладать) и жилого помещения. В нем жил, возможно, сам владелец дома. Возможно и иное: приемы и собрания проходили либо в одном, либо в другом зале — в зависимости от количества гостей и важности самого приема. Что касается большого северо-западного помещения № 4, то оно было жилым.

Таким образом, в Уртакургане разделение помещений по бытовым и общественным функциям было примерно равным. Но фактически такого равновесия в назначении их, может быть, и не было. Широкие коридоры, которые очень близки многим жилым помещениям коридорного типа в других памятниках Средней Азии, также вполне могли использоваться для повседневного обитания. В пользу этого предположения говорит танур, расположенный в южной ветви осевого коридора, у торца его суфы.

В плано-пространственной структуре Уртакургана обнаруживается общий принцип, характерный для многих монументальных сооружений Средней Азии VII—IX вв. типа укрепленных фесдалных замков. Это — организация систем жилых помещений вокруг центрального ядра, образованного пересечением двух коридоров, который обычно представляет собой внутренний зал-вестибюль. Данное решение имеет, например, планировка таких памятников, как южно-туркменистанский Харам-Кешк и более молодые по возрасту жилые здания Мерва — к востоку от Гяуркалы и к западу от Султанкалы. Термезский Кырккыз представляет собой наиболее грандиозное и последовательное воплощение этой же планировочной идеи. Здесь организацию всего многокомнатного, сложного, стройного и компактного ансамбля определяют два крестообразно расположившихся коридора и помещенный на их пересечении обширный зал. В Уртакургане мы видим эту идею в несколько измененном своеобразном местном варианте. Здесь коридоры потеряли одну свою ветвь, в центре нет традиционного крупного зала. Но зато пересечение коридоров имеет пышно украшенное перекрытие «ру-

зан», что фактически играет роль главенствующего звена в здании, заменяя собой пересечение коридоров, обычно подчеркиваемое квадратным залом, как композиционного и функционального ядра во многих раннефеодальных центральных зданиях. Видимо, смысл этой замены и планировочной организации в Уртакургане следует искать в назначении здания, где сочетаются парадные приемные залы, культовый комплекс и жилые помещения.

Все стены здания сложены строго по одной системе — два ряда паховых блоков (размером в среднем 1×1 м), между которыми проложен один ряд сырцовых кирпичей. Точно такая же техника кладки была обнаружена на шахристанском памятнике — Тирмизактепа и на Чильхуджре, расположенной рядом с Уртакурганом. Здесь, наряду с паховой и кирпичной кладкой, а также разными вариациями комбинированной кладки, в некоторых участках встречены стены, сложенные из паховых блоков, прослоенных одним, двумя и более рядами кирпичей.

Размер уртакурганских кирпичей в среднем равен $50 \times 25 \times 10$ см. В результате небольших зачисток полов некоторых помещений выяснилось, что они выложены из одного ряда кирпичей того же размера, уложенных в перевязку. Из кирпичей того же размера сложены стенки суф всех помещений, стенка тамбура в помещении № 3 и остатки алтаря в помещении № 8. Но размер кирпичей в кладке южной суфы помещения № 4 иногда доходит до $55 \times 28 \times 10$ см, а в суфах помещения № 3 встречаются кирпичи размером $52 \times 34 \times 9$ см.

СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО ХОЛМА И ОГРАДЫ ДВОРА

Для более детального и точного выяснения структуры холма и прежде всего субструкции здания в западной половине помещения № 4 был заложен шурф размером 4×4 м (рис. 22 и 23), доведенный до глубины 340 см. В этом шурфе удалось вскрыть часть кожуха фундамента здания, сложенного из сырцовых кирпичей и слоев битой глины. Полную высоту кожуха установить не удалось. Кладка его прослеживается на всю глубину шурфа, она довольно аккуратна по наружному контуру и резко ухудшается с внутренней стороны, не давая четкой поверхности. Северная стена помещения № 4 является непосредственным продолжением кожуха, но характер кладки несколько меняется. Стена возведена только из кирпича, положенного тычком и ложком с толстыми межшовными заполнениями. Границей между кладкой кожуха и стеной помещения служит слой битой глины тол-

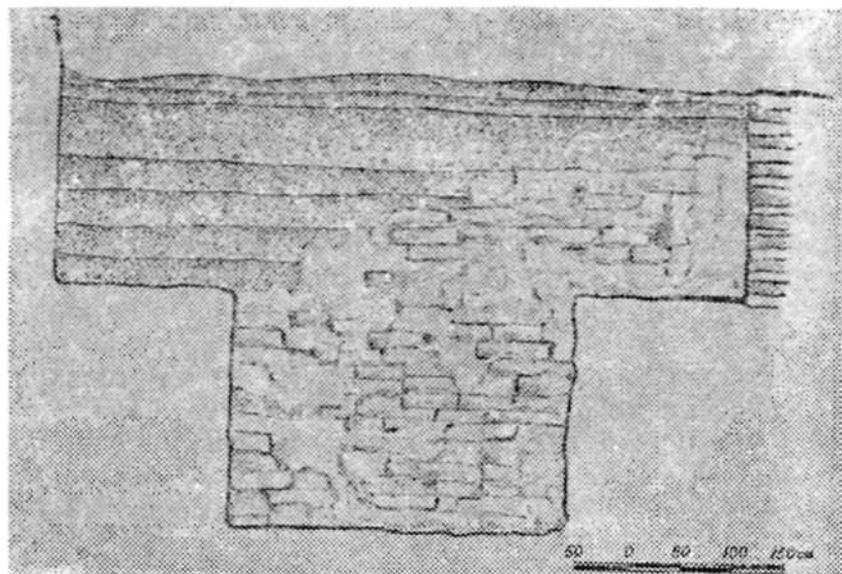

Рис. 22. Уртакурган. Шурф в северо-западном зале № 4. Западный срез.

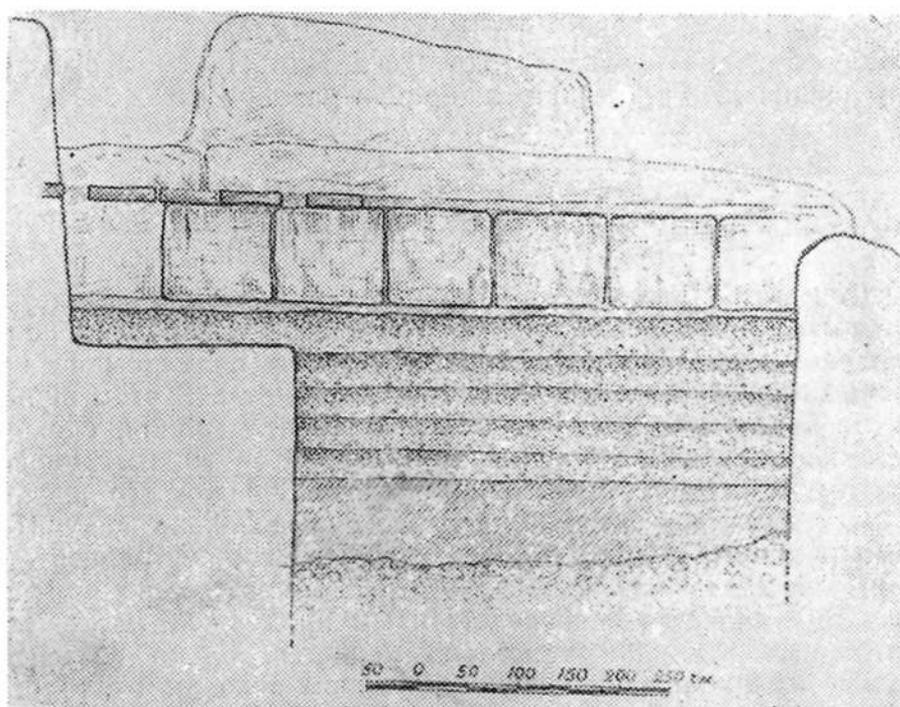

Рис. 23. Уртакурган. Шурф в северо-западном зале № 4. Южный срез.

щиной 18—19 см. Кладка кожуха несколько иная: кирпичи, как правило, положены тычком и не имеют промазки.

По-видимому, кожух имел прямоугольные очертания. Внутреннее заполнение его состоит внизу из слоя комковатой глины (в пределах шурфа толщина данного составляет 180 см), выше идет слой насыпной глины, а над ним — пять пластов плотно утрамбованного лесса, содержащих обломки керамики, кости, угольки. Средняя толщина каждого пласта 30—40 см; для плотной укладки, вероятно, пласты заливались водой.

Очевидно, для засыпки были использованы развалины какой-то более ранней постройки, существовавшей здесь. Среди найденной в ней керамики имеются фрагменты ранней посуды, например, с процарапанным «даваньским» орнаментом. Засыпка была перекрыта кирпичной выкладкой пола помещения.

С целью изучения структуры ограды двора были произведены расчистки отдельных участков внешней и внутренней поверхностей юго-западной стены, а также сделано два поперечных разреза юго-западной и южной стен.

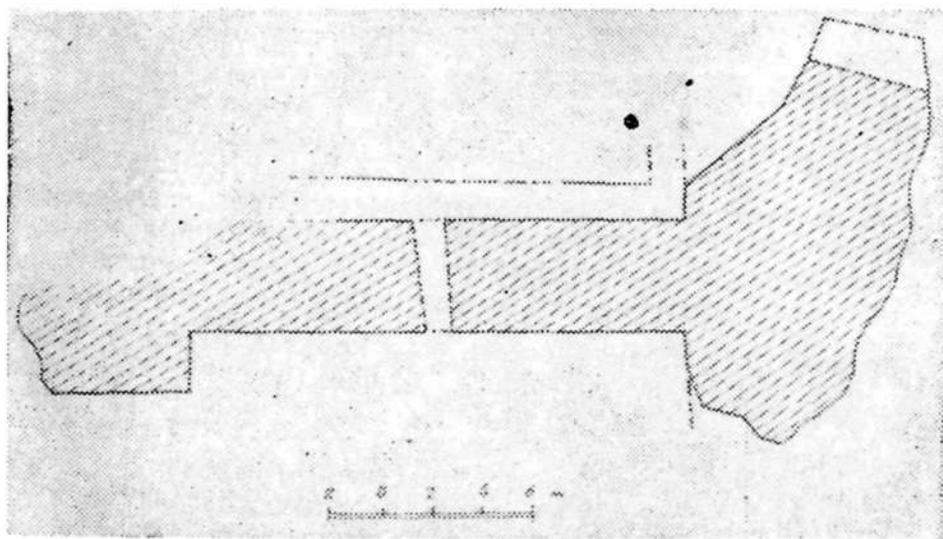

Рис. 24. Уртакурган. Участок юго-западной стены ограды. План.

Зачистка внешней стороны (рис. 24) юго-западной стены показала ее среднюю сохранность, под несколько покатою ее поверхностью выступает сплошная глинобитная масса комковатой структуры. Длина расчищенного участка стены составляет 19,75 м. На обоих концах удалось проследить нижние части прямоугольных башен, выступающих под

прямым углом к стене. Первая из них (южная) сохранилась плохо, но установлено, что ее правая щека выступает от линии стены на 220 см. Вторая (юго-западная) башня сохранилась несколько лучше; удалось проследить ее левую щеку, выступающую от стены на 255 см, и фасадную поверхность, имевшую длину 544 см. Наружная поверхность башни прослеживалась довольно четко на высоту до 1 м. Обе башни в нижней своей части сложены из плотно утрамбованной глинобитной массы. К сожалению, о верхних частях их данных не получено.

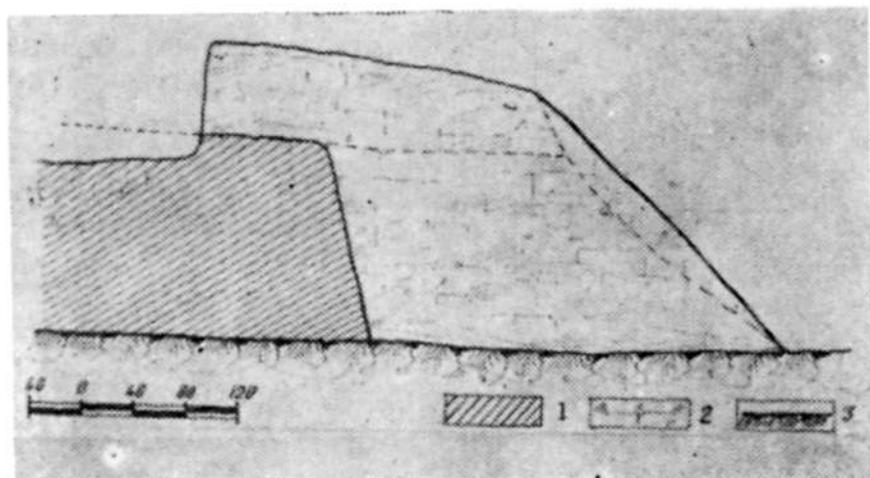

Рис. 25. Уртакурган. Разрез юго-западной стены ограды: 1—естественные плотные лёссовые отложения; 2—глинобитная стена; 3—материковая галька.

Разрез юго-западной стены был произведен на участке вблизи от второй из описанных башен (рис. 25). Траншея разреза была доведена до глубины 225 см, ширина ее внизу составляла 133 см, наверху — 220 см.

Разрез показал следующее: естественное основание холма Уртакургана, состоящее из чистых плотных желтоватых лёссовых отложений, с южной стороны было вертикально обрешено, и к нему здесь пристроен глинобитный внешний кожух толщиной 320 см, состоящий из плотно забитых, хорошо обработанных глиняных комьев. На высоте 152 см от дна траншеи искусственная стена нарощена частично и на поверхность естественного всхолмления. Толщина нарощенной части 110 см (состоит она из таких же плотных глинобитных комьев). Общая (сохранившаяся) высота стены-кожуха от дна траншеи 225 см, толщина внизу (на уровне дна траншеи) — 455 см. Следов ремонта стены не обнаружено.

Выяснено, что под стеной, на уровне дна траншеи имеется галечная подсыпка.

Траншеей была разрезана и южная стена двора. Картина здесь оказалась менее ясной, но все же в целом прослеживается та же структура стены и тот же прием возведения ее — в виде внешнего глинобитного кожуха с последующим наращением и расширением верхней части на естественную поверхность холма. Более четко выявлено галечное основание. Сохранившаяся высота стены составляет 206 см.

Между обоими описанными разрезами широкой траншеей была вскрыта внутренняя поверхность стены двора. Она прослеживалась довольно четко до глубины 1 м; на этом уровне почти на всем протяжении раскрылась сравнительно ровная (с небольшой покатостью на северо-запад), плотно утоптанная поверхность, четко видимая и в разрезах стен.

У южной части стены на уровне указанной поверхности обнаружены остатки невысокой вымостки-банкета, обложенной рядом сырцовых кирпичей. Вымостка прослеживалась вдоль стены на протяжении 280 см при ширине 85 см. Около нее зафиксирована золистая прослойка толщиной 10—12 см на площади 50×60 см; она состоит из обожженного лесса, золы, древесных угольков, костей крупного и мелкого скота, обломков керамики. В ней было найдено также керамическое пряслице и обломок железного ножа.

Второй зольник такого же характера находился в 160 см северо-западнее первого, у самой стены на уровне той же поверхности. Стена на площади около 60×80 см над зольником обожжена докрасна. Еще один — третий зольник был обнаружен на самой вымостке, около угловой части стены. Здесь и поверхность вымостки, и поверхность стены обожжены и закопчены.

После раскрытия отмеченной поверхности с зольниками в небольшом удалении от стены было продолжено углубление. Здесь, на глубине 60 см от уровня поверхности с зольниками, зафиксирована четко прослеживаемая поверхность, обмазанная глиной. На этом уровне, примерно в 2 м от стены, обнаружен слой, содержащий золу и органические остатки; в нем найдено много костей животных, обломки узкогорлого тонкостенного кувшина, два фрагмента железного ножа, а также фрагмент венчика приплюснутой формы с налипшим орнаментом. Указанная поверхность по всем признакам представляет собой пол, относящийся, может быть, к нераскрытым пристенным постройкам, расположенным, видимо, в заглубленной части двора. В связи с этим проясняется одно наблюдение, сделанное при изучении внутреннего пристенного участка: у юго-западной башни в одной из траншей на глубине около 1,5 м была прослежена прорезаю-

щая толщу стены узкая стоковая канавка, прикрытая сверху рядом сырцового кирпича. Уровень канавки и возможное направление нераскрытой ее части как раз соответствуют уровню пола предполагаемой постройки.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕКРЫТИЯ ТИПА «РУЗАН» ЦЕНТРАЛЬНОГО КОРИДОРА ЗАМКА

Конструктивное решение перекрытия на стыке коридоров нижнего строительного комплекса центрального холма замка Уртакурган представляет собой интереснейшее явление в среднеазиатском зодчестве VII—VIII вв. Это перекрытие погребло от огня, но остатки его были найдены в виде груды обгоревших деревянных балок, большую часть которых украшает изысканная художественная резьба и сложная профилировка.

Эти фрагменты, несмотря на свой скромный облик, представляют собой весьма ценный материал для изучения деревянных (повсеместно исчезнувших) перекрытий, применявшихся в древнем зодчестве Средней Азии, и дают основу для реконструкции того потолка, частями которого являлись. В отличие от фрагментов с криволинейной изобразительной скульптурной резьбой они пока не находят аналогий среди ныне известных памятников среднеазиатского искусства.

Чертежи дают представление об этой профилировке, довольно сложной для словесного описания (рис. 26—30). В основном она сводится к тому, что одна из поверхностей балки в своей средней части стесывается во всю ширину или односторонне, а получившаяся плоская выемка приобретает уступчатые контуры; эти уступы-ступеньки распространяются по краям несесанной поверхности, образуя слегка нависшую полочку и верхнюю грань, равную ей по высоте и лежащую заподлицо с боковой гранью балки. Последняя расширяется уступом в сторону противоположной плоскости. Кроме этой наиболее часто повторяющейся системы профилей встречается другая, представленная, к сожалению, очень мелкими и односторонними фрагментами: между двумя выступающими прямоугольными поясками шириной 4, 5 и 3 см лежит углубленная поверхность шириной 5,5 см, обработанная на два ската и образующая по своей оси ребро плоского угла.

Наконец, третий вид профилировки представляет собой простой продольный вырез, прямоугольный в сечении, делящий поверхность балки на две неравные полосы — широкую (5,5 см шириной) и узкую (3 см). На некоторых кусках балок обнаружены косые прорезы одинаковой ширины — 4 см,

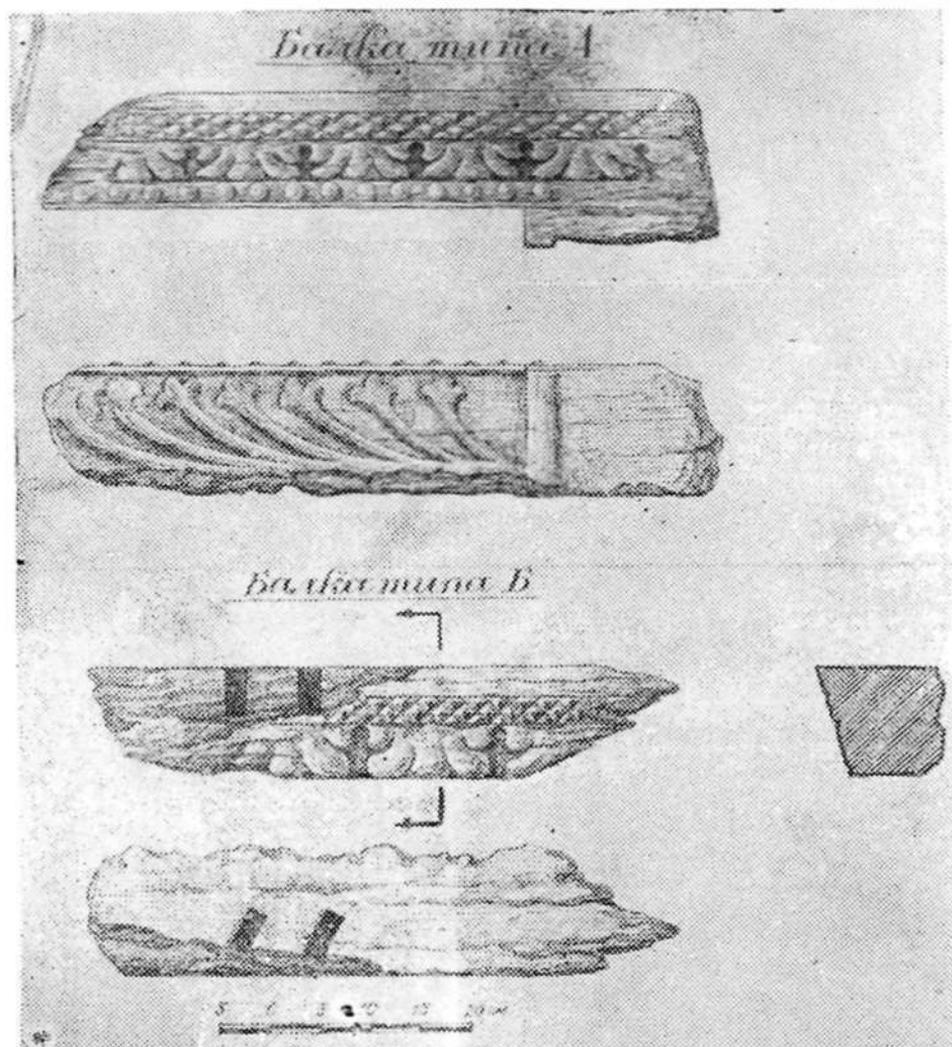

Рис. 26. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося дерева с резьбой и архитектурной профилировкой.

расположенные повсюду под одинаковым углом наклона к грани балок. Угол этот составляет приблизительно 60° . Эти прорезы явно не входили в круг элементов декоративного убранства потолка, они скорее всего представляют собой следы крепления балок при их монтаже: в прорезы входили соответствующие выступы. Последние, естественно, не сохранились.

В углах, образованных стыком двух коридоров, сохранились редчайшие архитектурные детали, имеющие прямое отношение к возвышавшемуся тут деревянному перекрытию.

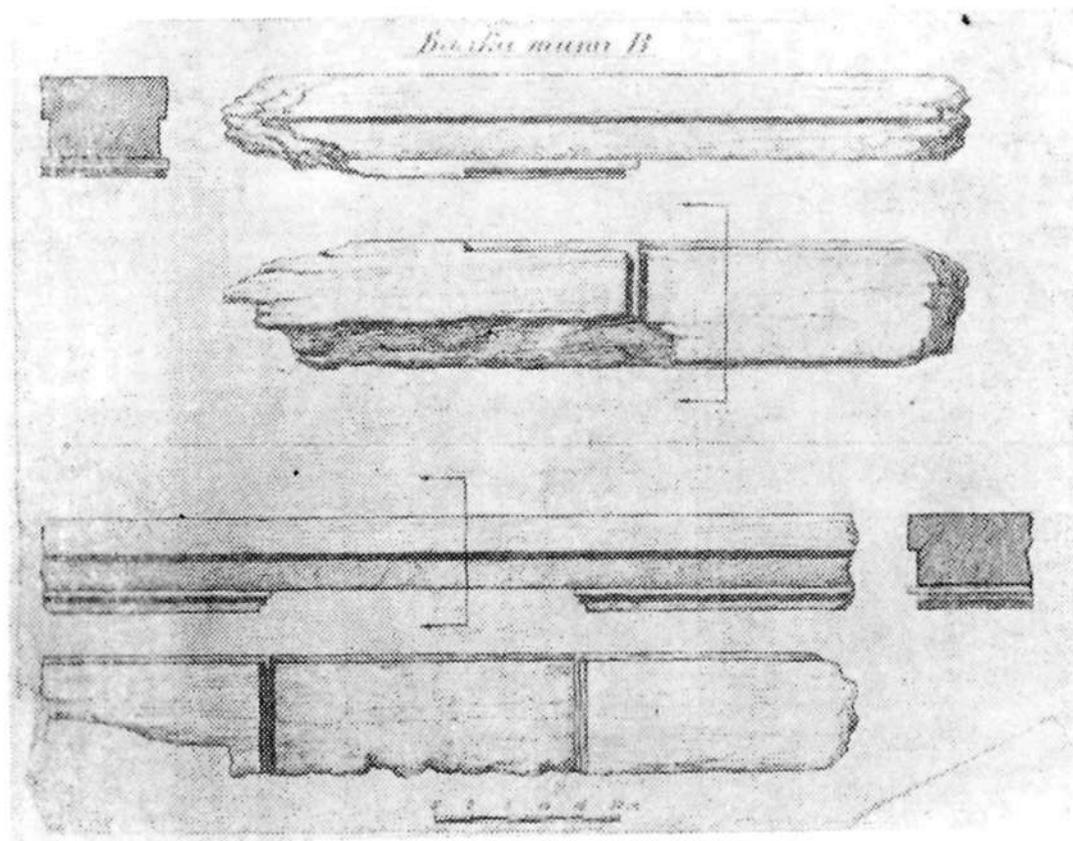

Рис. 27. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой.

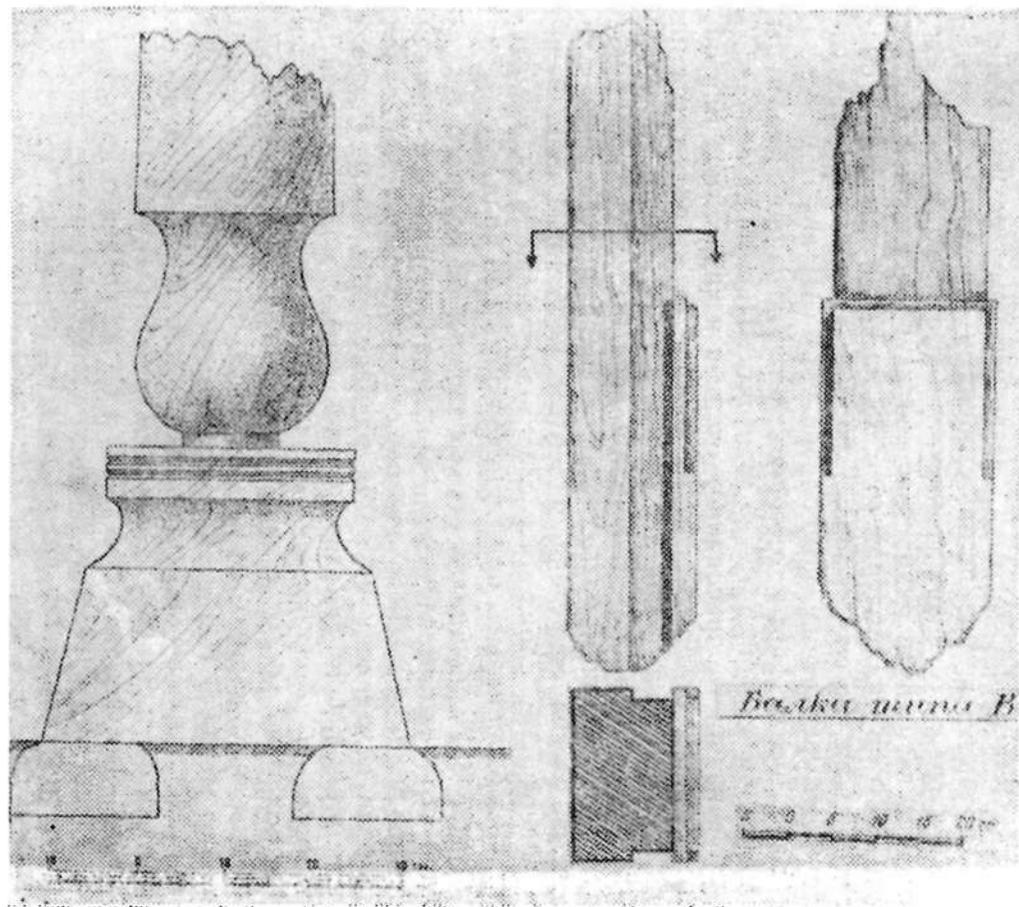

Рис. 28. Уртакурган. Реконструкция деревянной базы колонны по отпечатку и фрагменту обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой.

Эти углы были оформлены вертикальными квадратными в плане выемками, в которых некогда стояли поддерживавшие потолок деревянные колонны. Одна из колонн, ствол и венчание которой, к сожалению, не сохранились, была вставлена в прямоугольную вертикальную выемку угла северо-западного стыка коридоров — подобно тому, как позже устанавливались трехчетвертные гюльдаста и боковые колонны порталов, поддерживающие арочный антаблемент. Перед нами, таким образом, древний конструктивный прототип формы, которая уже в X—XII вв. становится чисто декоративной. Благодаря такому трехчетвертному расположению база колонны двумя своими сторонами отчетливо отпечаталась на гранях угловой выемки, так что представилось возможным выполнить реконструкцию давно истлевшей базы с точностью до миллиметров (рис. 28, *слева*) и тем самым обогатить наши все еще довольно скудные знания о формах деревянного среднеазиатского ордера VII—VIII вв.

База имела форму усеченной четырехгранной пирамиды с наклоном сторон в 75° к горизонту. Пирамида венчалась крутой, изящно прорисованной скоцией и квадратной плитой, вертикальные боковые стороны которой были разделены на три горизонтальные пояса с помощью двух узких треугольных в сечении прорезей. Нижний пояс был несколько шире других. Основанием базы служили два прямоугольных чурбака со слегка скругленным верхом, уложенные параллельно поперечному коридору и слегка выступавшие с двух сторон. Они были скрыты под глиняной обмазкой пола.

Выше базы начинался ствол колонны, от которого сохранился его нижний элемент — округлая «кузача» с нижней частью цилиндрического ствола самой колонны, найденная в завале неподалеку от места расположения базы. Сохранность этой детали довольно плоха, однако можно заметить, что «кузача» имела кувшинообразную форму и соединялась со стволом колонны плавной выкружкой. Диаметр ствола колонны был, видимо, 23—25 см, а диаметр «кузача» — несколько меньше. Интересно, что формой и пропорциями уртакурганская «кузача», датировка которой совершенно бесспорна, по существу не отличается от типа «кузача», известного по памятникам XI—XII вв. и более позднего времени.⁵¹ Не хватает, по существу, лишь лопастей, которые в каноническом типе «кузача» спускаются от основания ствола на кувшинообразную форму.⁵² Поскольку наиболее ранние образцы среднеазиатских деревянных колонн из долины Зарафшана не имеют точной датировки, а находки деревянных колонн в Пенджикенте демонстрируют иное решение («кузача» совершенно круглая или со слабо выраженной кувшинообразностью).⁵³ то уртакурганская находка должна счи-

таться древнейшим образцом формы, широко распространеннейшей впоследствии в зодчестве Средней Азии и дожившей в народной архитектуре, почти не изменившись, до наших дней.

Что касается самой базы, то она, несомненно, представляет собой общераспространенный и едва ли не канонический для преарабского зодчества Средней Азии тип. Деревянная база колонн из Актепа (тоже реконструированная по отпечатку в завале) состоит из тех же элементов, расположенных в той же последовательности: усеченного пирамидального объема, скоции и полочки, украшенной двумя горизонтальными прорезями треугольного сечения⁵⁴. В. Л. Воронина отмечает близость этой формы к форме баз, изображенных на биянайманских оссуариях,⁵⁵ и базы, найденной в Пенджикенте. Последняя, правда, лишена украшенной прорезями верхней полочки. С актепинской базой ее объединяет наличие восьмигранной подушки, имеющей форму плоской усеченной пирамиды и расположенной непосредственно под основанием ствола. Во всяком случае все образцы колонных баз деревянного ордера Средней Азии VI—VIII вв., найденные при раскопках и известные по изображениям, представляют собой варианты одного определенного типа, отличающиеся один от другого лишь незначительными деталями. Теперь, после находки уртакурганской базы, есть все основания полагать, что в преарабскую эпоху этот тип был широко распространенным традиционным местным среднеазиатским каноном, в противном случае он едва ли мог быть использован в архитектурном декоре оссуариев. Любопытно, что если облик деревянной среднеазиатской колонны претерпел, как теперь ясно, сравнительно небольшие изменения в течение веков, то на форму базы эта устойчивость не распространилась. Определенная трансформация древнего канонического типа базы видна уже в декоративных колоннах мавзолея Саманидов, расположенных внутри на уровне пояса тропов: здесь еще видны все характерные элементы, присутствующие в базе из Уртакургана, однако скоция спрямлена и превращена в продолжение пирамидального основания, как бы сломанного под более крутым углом. В результате верхняя плита, лишенная упругой поддержки скоции, повисает своими краями в воздухе, и вся база теряет в тектонической логике и художественной цельности. Более поздние базы деревянных колонн, изготавливаемые обычно не из дерева, а из камня, лишь общей пирамидальной формой указывают на свою преемственность от древнего прототипа.

Мы не беремся решать вопрос о происхождении формы раннесредневековой деревянной колонны и ее характерной базы. Предположение В. Л. Ворониной о зависимости такой

формы базы от форм классического ионического ордера⁵⁶ еще окончательно не обосновано: достаточного сходства между обеими формами, за исключением скоции, нет. Огождественные же верхней профилированной полочки со сколотыми по вертикали валиками, а нижней: пирамидальной части — с валом представляется несколько субъективным. Скорее всего мы имеем здесь дело с местной архитектурной формой, возникшей на базе народных эстетических представлений и традиционного мастерства художественной обработки дерева.

Возвращаясь к базе из Уртакургана, отметим ее некоторые индивидуальные особенности. Несмотря на большую простоту, по своим изящным пропорциям и энергичной прорисовке деталей она должна быть признана более совершенной, чем базы из Актепа и Пенджикента. В последней, например, нижняя пирамидальная часть и скоция почти равны по высоте, что сообщает пропорциям определенную вялость. В уртакурганской базе решительное преобладание пирамидального объема подчеркивает его главенствующую роль в композиции и вносит тектоническую ясность в сочетание несущих и несомых элементов. Скоция уртакурганской базы изогнута энергично и упруго, тогда как в базах из Актепа и Пенджикента она представляет собой слабую, невыразительную вогнутость. Типологически можно было бы принять базу из Уртакургана за образец, а базы из Актепа и Пенджикента — за его огрубленное подражание. Практически же здесь, очевидно, нашли отражение индивидуальная одаренность и художественный вкус выполнявших работу мастеров.

Едва ли может быть сомнение в том, что колонны, вставленные в прорезанные на углах четверти, поддерживали деревянный потолок над стыком коридоров. В таком случае им должна была соответствовать вторая пара колонн, стоявших по обеим сторонам прохода в малый зал. От последних ничего не осталось, хотя вертикальная полоса обгоревшей глиняной обмазки слева от входа в зал косвенно подтверждает это предположение. Конструктивный смысл такого решения не совсем ясен: строителям ничто не мешало положить прогоны потолка прямо на пахсовые стены коридоров. Они, однако, предпочли нагрузить ими деревянные стойки, примкнутые вплотную к стенам, но конструктивно, видимо, не связанные с последними. Этот принцип (его можно сформулировать так: дерево опирается на дерево, глина — на глину) прослеживается и на некоторых других памятниках преарабской эпохи, имевших деревянные перекрытия. Так, деревянный потолок первого буддийского храма в Акбешиме опирался не на мощные пахсово-сырцо-

вые стены, а на ряд деревянных стоек, расположенных заподлицо со стенами в вертикальных выемках⁵⁷. Вероятно, такое решение было вызвано учетом сейсмических воздействий и стремлением поставить деревянные перекрытия вне зависимости от состояния пахсовых стен.

Сравнительно большое количество сохранившихся фрагментов потолка делает возможной попытку его реконструкции. Правда, огонь пощадил в основном небольшие части балок, но все же почти все они сохранили свои основные габариты сечения и достаточное количество деталей.

Прежде всего классифицируем фрагменты в соответствии с их размерами и характером резного декоративного убранства, начиная с наиболее крупных в сечении.

Балки группы А (рис. 26, *сверху*) — сечение 22×13 см. Две соседние грани их украшены резьбой. Вдоль широкой грани тянется длинный стебель с симметричными отростками-завитками, которые заканчиваются трилистниками. Края этой грани оконтурены узким выступающим бортиком-рамкой той же высоты, что и рельефный стебель с побегами (5—7 мм). У основания рельефного стебля расположено уступчатое утолщение высотой 3 см (в наименее обгоревших фрагментах) — этими местами балки, видимо, опирались на колонны. Таким образом, описанные грани балок должны были быть обращены вниз, а соседние с ними узкие грани, также украшенные резьбой, являлись боковыми.

Резьба на этих гранях располагалась тремя горизонтальными полосами. Наиболее узкая нижняя полоса состояла из цепочки выпуклых кружков-перлов; средняя — самая широкая — из пятилепестковых пальметт, прорисованных и вырезанных с большим мастерством; наконец, верхняя — из сплошной ленточной насечки, образующей граничные выпуклые ромбы.

Две другие грани балок группы А, расположенные, как и предыдущие, под прямым углом одна к другой, не были украшены резьбой.

Балки группы Б (рис. 26, *снизу*) сохранились особенно плохо. Ширина их узких граней составляет 11 см, широкие же грани пострадали так сильно, что их размеры можно определить лишь приблизительно. Задача усложняется еще и тем, что одна из узких граней здесь не перпендикулярна соединению, а скошена под углом 72° . Таким образом, ширина этих соседних граней была различной и составляла примерно 19 и 22 см. Слабые следы орнаментальной резьбы, заметные на одной из них (шириной 19 см), не поддаются реконструкции. Узкая же наклонная грань, как и в предыдущем случае, была украшена полоской пятилепестковых пальметт и ромбовидной насечки, однако

без полосы перлов. За этот счет высота пальметт была несколько увеличена, а также появился более широкий гладкий бордюр у выступающего угла узкой грани. Форма пальметт в целом та же, что и на балках группы А, но отличается деталями пририсовки: боковые лепестки имеют здесь туповатую округлую форму, тогда как и в предыдущем случае они были заострены и слегка изогнуты. Быть может, это различие в трактовке широко распространенного (судя по материалам Пенджикента) мотива отражает стиль разных мастеров-исполнителей.

Небольшой фрагмент резного дерева с изображением пятилепестковой розетки в выпуклом кольце относится, вероятно, к этой же группе балок. Он не находит места ни на балках группы А, ни на балках других групп, лишенных орнаментального резного убранства. Очевидно, такими розетками были украшены грани балок группы Б шириной 19 см, сохранившие слабые следы рельефных украшений.

Балки группы В (рис. 27, 28, *справа* и 29, *слева*), довольно многочисленные, имели сечение 19x14 см. Общее описание их профилировки было дано выше. В целом же характер этой профилировки, несомненно, указывает на то, что перед нами монолитное, вырезанное из одного куска воспроизведение многослойной архитравной конструкции. Ее реальный прототип должен был состоять из двух балок, уложенных одна на другую (причем верхняя балка, более широкая, с обеих сторон нависала над нижней), и подбалок, также сбитых из двух досок, верхняя из которых по ширине равна верхней балке, а нижняя, более узкая, — нижней балке. В некоторых случаях нижние доски как бы делятся на два еще более тонких слоя равной ширины, но не одинаковой длины; таким образом, открытые внутренние торцы всех подбалочных элементов, двух или трех, последовательно нависают один над другим. Нижние досчатые элементы (при двух досках—один, при трех—два) не распространяются на всю длину подбалок; ближе к торцам балок они расширяются уступом и как бы сливаются с верхними элементами. Свободное пространство между подбалками составляет 42—43 см.

Габариты сечения балок группы Г (рис. 30, *сверху*) такие же, как и у балок предыдущих групп. Характерная особенность их профилировки состоит в том, что выемка, образованная промежутком между подбалками, не охватывает здесь всю ширину бруса. Она занимает немногим больше ее половины и с трех сторон окаймлена двуступенчатым контуром слившихся подбалок. Соответственно и верхняя балка только с этой стороны нависает над нижней, противоположная узкая грань балки не имеет уступа.

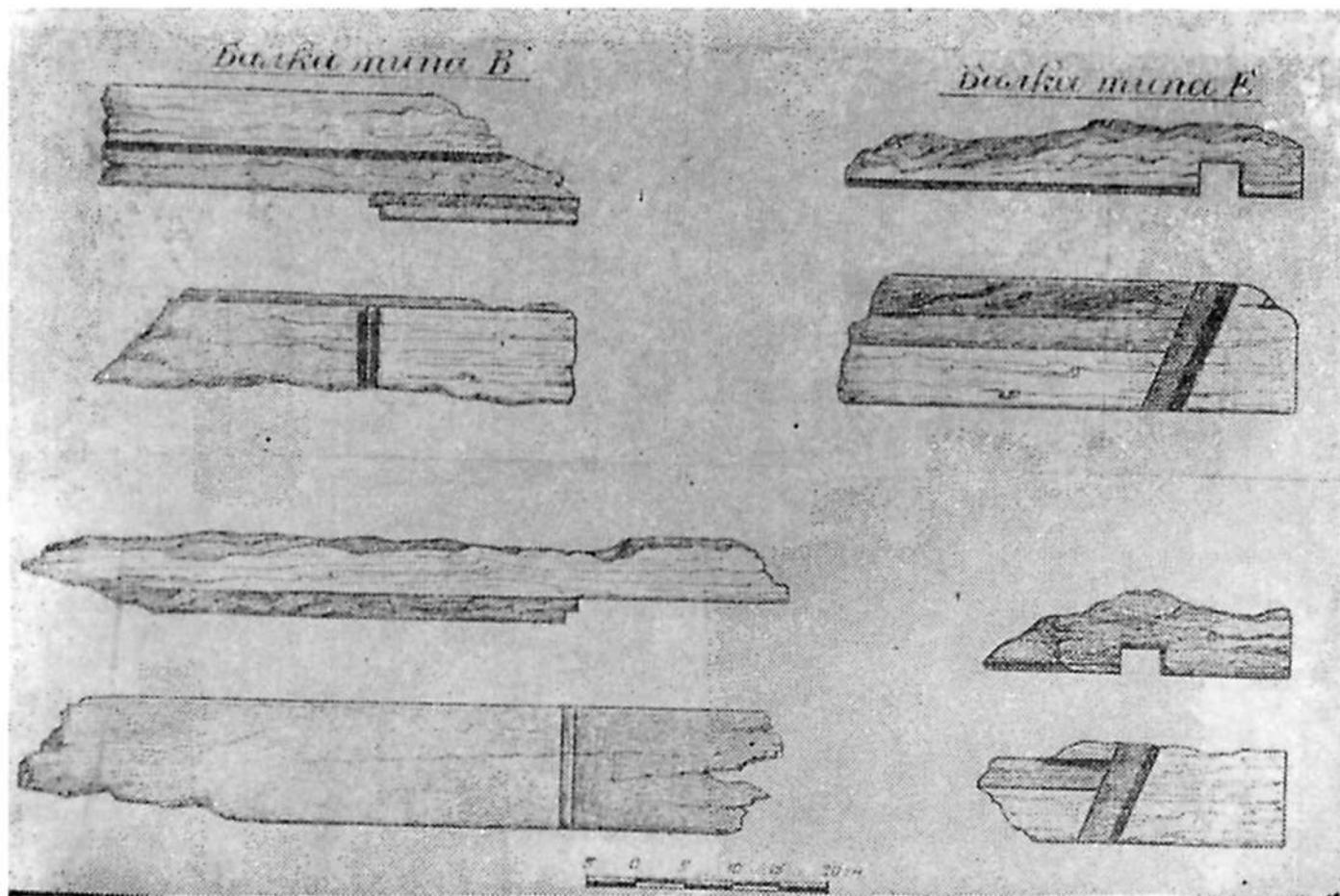

Рис. 29. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой.

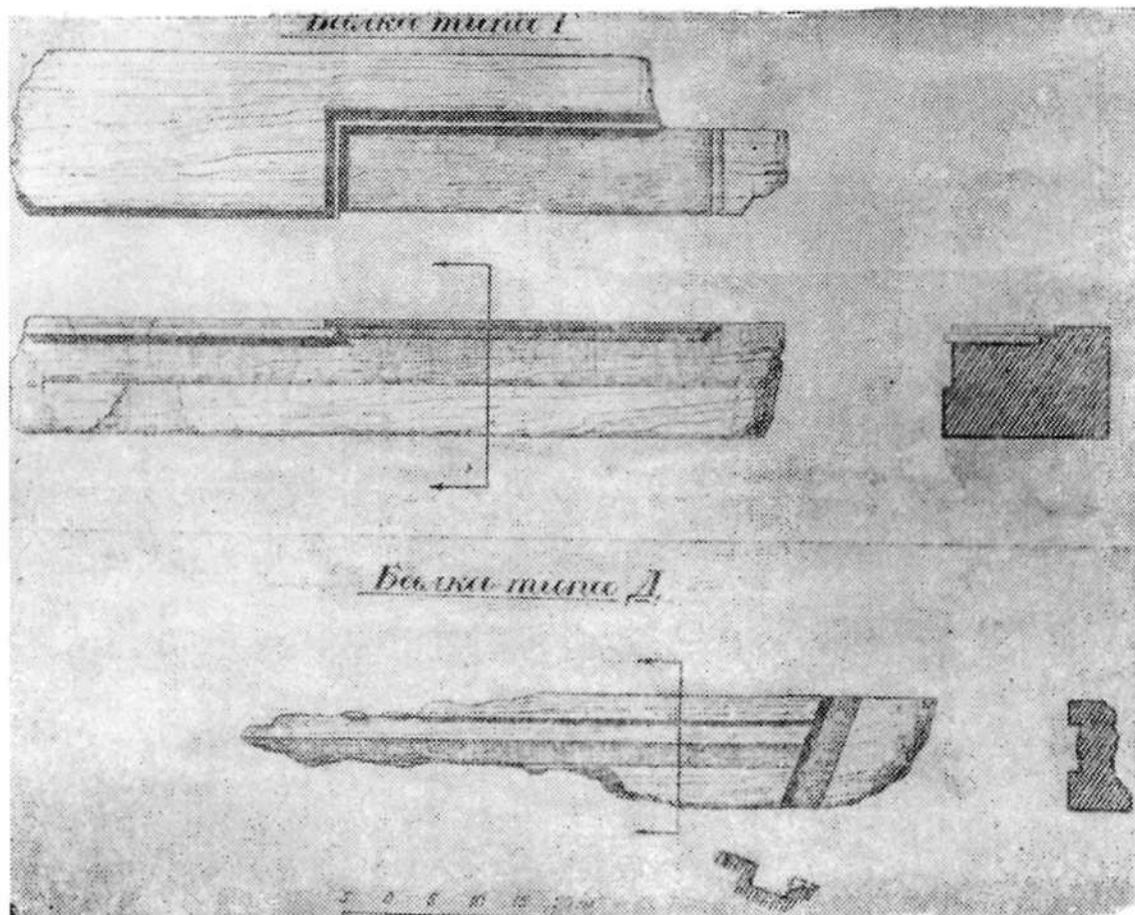

Рис. 30. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой.

Балки группы Д (рис. 30, *снизу*) и Е (рис. 29, *справа*) имели сечение 13х13 см и более простую профилировку. Одна грань балок Д украшена продольной двускатной врезкой шириной 10,5 см, слегка сдвинутой относительно оси; другая соседняя грань оформлена плоской прямоугольной впадиной, тоже сдвинутой к одной стороне. Профилировка балок группы Е сведена к узкой прямоугольной прорези, которая тянется вдоль одной грани; она тоже сдвинута в сторону от оси.

Остатки балок каких-либо других типов обнаружены не были. Видимо, их и не существовало: в массе обгорелого дерева было найдено множество мелких (сечением 5—6 см) круглых палок, и едва ли в тех же условиях более крупные элементы деревянной конструкции могли бесследно исчезнуть.

Итак, классификация выявляет 6 типов балок, отличающихся один от другого размерами и характером резного декоративного убранства. Такое разнообразие типов исключает возможность реконструкции плоского балочного перекрытия; даже если предположить, что оно состояло из прогонов, несущих балок и из сплошного брусчатого настила, то это дает лишь три типа элементов, вдвое меньше, чем найдено. Кроме того, балки такого перекрытия могли быть украшены либо с трех сторон (если они располагались вразбивку), либо только с одной, нижней стороны. В нашем же случае четыре типа балок (А, Б, Г и Д) несут декоративное убранство на двух взаимно перпендикулярных гранях.

Существует, собственно, только один тип деревянного перекрытия, состоящего из балок различных по величине сечений, — перекрытие «рузан». Распространение этой конструкции было в древности очень широким и охватывало территорию от Закавказья до Дальнего Востока.

Ныне потолки типа «рузан» сохранились в некоторых районах горного Таджикистана. Прежде ареал их распространения в Средней Азии и прилегающих странах был более широким (Хорезм, Семиречье, Восточный Туркестан, Хорасан, Афганистан); на это указывает, например, выполненная в сырце имитация перекрытия «рузан» над лестничной площадкой Малой Кызкалы в древнем Мерве. Факт широкого употребления «рузан» в древней среднеазиатской архитектуре обосновывается исследованием и реконструкцией ряда памятников рабовладельческой и раннефеодальной эпохи⁵⁸.

Система «рузан» позволяла перекрывать крупные помещения балками сравнительно небольшой длины, меньшей, чем пролет помещения. Практически это достигалось тем,

Что на квадратное основание из четырех прогонов укладывались четыре балки меньшего сечения и меньшей длины под углом 45° к предыдущим. При расположении концов верхних балок над серединами нижних образовывался новый, меньший квадрат; если же балки сдвигались к углам нижнего квадрата — получался (с добавлением промежуточных брусев, параллельных нижним) восьмиугольный венец. Следующие венцы, квадратные или восьмиугольные, укладывались таким же образом, под углом 45° (квадрат) или $22,5^\circ$ (восьмиугольник) к нижележащему. При этом размеры каждого вышележащего венца и сечение составляющих его балок последовательно уменьшались.

В целом, таким образом, «рузан» представлял собой многогранную брусчатую пирамиду с невысоким подъемом и отверстием в вершине, последнее играло роль светового люка и вентиляционного прохода.

Отмеченные выше косые прорезы, расположенные у торцов целого ряда балок, как будто подтверждают предположение о «рузанной» конструкции перекрытия. Такие прорезы, в которые входили соответствующие выступы, создавали жесткую связь между соседними венцами и располагались под определенным углом: при квадратных венцах — 45° , при восьмиугольных — $22,5^\circ$; этому соответствовало поперечное расположение выступов.

В данном же случае все без исключения прорезы уртакурганских фрагментов расположены под углом 60° к продольным сторонам балок; отклонения составляют не более 4° . Практическое равенство углов говорит о том, что мы имеем здесь дело не с ошибкой строителей, а с системой, которая обусловлена формой и конструкцией перекрытия. Легко убедиться, что форма эта могла быть только шестиугольной: при брусчатых венцах, образующих правильные шестиугольники, поперечный выступ одного венца должен был входить в прорезь соседнего, расположенную под 60° к сторонам балки.

Шестиугольные перекрытия «рузан» принципиально возможны и конструктивно вполне осуществимы, однако история архитектуры не знала их реальных образцов. Вероятно, дело здесь в том, что правильный шестиугольник, как известно, не вписывается в квадрат: его трехсторонняя проекция имеет несколько большую длину, чем двусторонняя. Поэтому шестиугольный «рузан» должен быть основан не на квадрате, легко разбиваемом в натуре, а на несколько вытянутом прямоугольнике с определенным соотношением сторон, что влечет за собой известные практические трудности. Таким образом, квадратная форма уртакурганского потолка, если бы она была точно установлена, опро-

вергла бы возможность предполагать здесь «рузан» шестиугольной формы.

Между тем выявленный раскопками план Уртакурмана второго горизонта позволяет с достаточной точностью определить размер и конфигурацию погибшего в огне потолка. Они определяются расстоянием между внутренними углами четвертных выемок у начала поперечного коридора (в этих выемках стояли колонны) и расстоянием от этих углов до противоположной стены продольного коридора, что соответственно составляет 334 и 289 см. В прямоугольник с именно таким соотношением сторон может быть вписан правильный шестиугольник. Таким образом, вероятность существования здесь деревянного перекрытия «рузан» необычайной шестиугольной формы находит реальное подтверждение. При этом оказывается, что вход в малый зал и его четырехступенчатая лестница располагались точно на поперечной оси шестиугольника, почти полностью совпадая с одной из его сторон.

Вышеизложенные соображения дают, как нам кажется, достаточный материал для реконструкции уникального перекрытия (рис. 31). Очевидно, лежащая на колоннах нижняя прямоугольная обвязка состояла из наиболее крупных балок типа А. Их боковые обращенные внутрь грани были украшены трехчастным фризом, состоящим из горизонтальных поясов перлов, пальметт и ромбической нарезки. Нижние же грани были декорированы побегими с симметричными стеблями-трилистниками, шедшими от колонн, от торцовых утолщений, выполнявших роль подбалок.

Лежащий на обвязке нижний, самый крупный шестигранный венец состоял из балок типа Б. Их внутренние боковые грани, украшенные двурядным фризом из пальметт и ромбической нарезки, были наклонены внутрь для лучшего восприятия тонкой, высокохудожественной резьбы. Нижние поверхности этих балок были, возможно, украшены заключенными в круги розетками, сохранившимися в единственном образце, — во всяком случае иного места для этой декоративной детали нельзя найти.

Далее шел венец, составленный из балок типа В, уже не имеющих скульптурно-орнаментальной резьбы, но имитирующих двухслойную архитравную конструкцию с гипертрофированно развитыми подбалками. Изображение в масштабе позволяет выявить еще одно доказательство верности нашей реконструкции: оказывается, что глубина заглубленной части нижней поверхности балок (промежуток между декоративными подбалками) именно такова, чтобы разместиться в углу, образованном балками нижнего венца; будь эти части немного длиннее, они оказались бы частич-

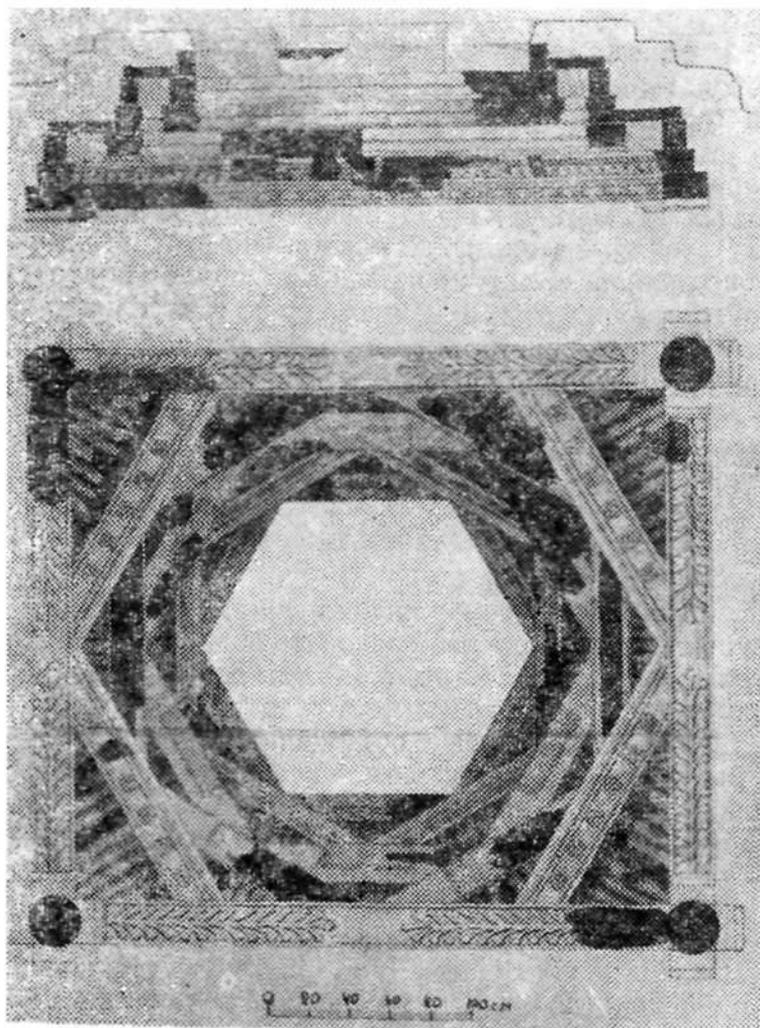

Рис. 31. Уртакурган. Реконструкция деревянного «рузанного» перекрытия центральной части осевого коридора здания Уртакургана.

но скрытыми нижними балками. Их изящно профилированные края были бы в этом случае недоступны обозрению.

Следующий венец состоял из балок типа Г. И здесь избранная система реконструкции позволяет понять необычность их односторонней профилировки. Поскольку предыдущий венец уже сильно сократился в размерах по сравнению с нижним, сократилось и пространство между его углами. Расстояние между подбалками, такое же, как и в балках типа В, было здесь уже слишком велико, в противном случае профилированные внутренние края подбалок

оказались бы частично заслоненными нижним венцом. Мастера не захотели сокращать длину заглубленной части, т. е. открытой снизу поверхности самой балки; они уменьшили ее ширину, избежав таким образом соприкосновения профилировки с балками нижнего венца.

Два последних венца должны были состоять из балок типа Д и типа Е. Такая последовательность обоснована тем, что балки Д имели сравнительно более сложную и к тому же двустороннюю профилировку, в балках же Е продольная прорезь украшала, по-видимому, только одну нижнюю грань.

Очевидно, круглые палки небольшого сечения, найденные в большом количестве, служили для заполнения треугольных промежутков между балками соседних венцов. Без них конструкция «рузан» осталась бы сквозным каркасом и не могла бы выполнять функции перекрытия. Они являются прототипом тех жердей-васа, которые и в наши дни используются как настил потолочных перекрытий в народном зодчестве Средней Азии.

Так в общих чертах воссоздается форма эффектного, изысканно украшенного брусчатого купола над перекрытием коридоров Уртакурмана. Поднятый на высоких колоннах, местерски орнаментированный и раскрашенный, он, несмотря на небольшие размеры, был четким композиционным ядром этого богатого, сложно организованного здания. Воссозданный в своих изначальных формах, он расширяет наши знания не только о деревянных архитектурных конструкциях древнего зодчества Средней Азии, но и о существовавших здесь некогда перекрытиях типа «рузан».

Хотя шестиугольные «рузан» до сих пор не были известны, форма и конструкция уртакурманского потолка едва ли были уникальными. Теперь есть некоторые основания подозревать наличие такой же конструкции в другом памятнике древнего зодчества Шахристана на Калаи Кахкаха II⁵⁹.

Главное помещение третьего яруса этого здания представляло собой прямоугольную лоджию, открытую во двор широким оконным проемом. Его перекрытие было деревянным, о чем говорят найденные здесь многочисленные остатки украшенных резьбой балок. Характер этого перекрытия в свое время не был установлен, теперь, в свете открытия на Уртакурмане, он может быть в известной мере уточнен.

Здесь обращают на себя внимание следующие уже знакомые нам факты: ряд балок недалеко от торцов имеет косые прорези, причем наклон этих прорезей к продольным сторонам балок близок к 60°; пропорции помещения таковы, что в него с большой точностью вписывается правиль-

ный шестиугольник. При этом передняя обращенная к фасаду сторона шестиугольника точнейшим образом совпадает с пролетом широкого оконного проема таким образом, что расположенные у углов проема деревянные стойки (от них сохранены вертикальные, прямоугольные в плане пазы) точно совмещаются с соответствующими углами шестиугольника. Следовательно, ширина проема лоджии, видимо, не была случайной; она, вероятно, была связана с конструкцией перекрытия и зависела от нее. Стойки, на которые опиралась передняя часть шестиугольного «рузан», одновременно играли роль конструктивного обрамления проема.

Таковы соображения, позволяющие думать, что шестиугольные «рузан» были распространены в предарабском зодчестве Уструшаны, а может быть и несколько шире. Едва ли случайно совпадение многих орнаментальных мотивов резного дерева в Уртакургане и «Замке»; можно думать, что эти мотивы были связаны с определенной, теперь известной нам, архитектурной конструкцией. С этой точки зрения интересно, что сходные мотивы (пятилепестковые пальметты, ромбическая нарезка) в подобном же сочетании обнаружены в резном дереве Пенджикента. Не означает ли это, что необычная форма шестиугольных перекрытий «рузан» была известна и там?

Как отмечалось, своеобразная изящная и строгая профилировка балок уртакурганского потолка не имеет прямых аналогий в зодчестве Средней Азии. Она находит, однако, близкую параллель в архитектуре буддийских пещерных храмов Бамиана (Афганистан). Помещение одного из них, вырубленное в скале, увенчано имитацией свода «рузан» со всеми характерными для него элементами: системой убывающих по величине венцов, последовательно повернутых под углом 45° , и даже рядами пристенных стоек, на которые опирается не связанный со стенами нижний венец-обвязка⁶⁰. Вся эта ложная конструкция имитирует истинную деревянную конструкцию с исключительной достоверностью. В связи с этим особенно интересно, что каменные балки бамианского храма оформлены такой же системой плоских выемок и профилей, что и балки из Уртакургана. Все различия сводятся, по существу, лишь к тому, что выемки на балках бамианского храма оконтурены одним уступом, а на балках уртакурганского потолка — двумя и тремя. Тот факт, что такой прием был употреблен для оформления именно перекрытия «рузан», причем в далеком от Северного Таджикистана Афганистане, говорит, во-первых, о его некогда широком распространении и, во-вторых, еще раз свидетельствует о достоверности нашей реконструкции. Пещера Бамиана наверняка воплотила в своих каменных

формах традиционный и повсеместно известный прием древнего деревянного зодчества.

Исключительный интерес представляет собой открытый в Уртакургане прием пластического оформления потолочных балок с помощью тонких и сложных профилировок без применения орнаментальных или изобразительных сюжетов. Если анализ последних нередко дает основание для их истолкования с точки зрения религиозно-культурной и магической символики, то здесь возможность подобной трактовки исключена. Употребление этого эффектного, сложно разработанного приема говорит о высоко развитом чувстве пластического восприятия архитектуры, не осложненном никакими символическими ассоциациями. Вместе с тем уже отмеченная неожиданная и чрезвычайно близкая аналогия, которую находит этот прием в архитектуре пещерных храмов Бамиана, позволяет уяснить место искусства ранне-средневековой Уструшаны в широком кругу художественной культуры народов Ближнего и Среднего Востока.

В большинстве случаев система профилировок уртакурганских балок логично выражает работу конструкции и характер сил, действующих на балку. Она сводится к усилению торцовых частей балки и соответствующему утончению ее средней части, иначе говоря, воспроизводит структуру деревянного архитрава, усиленного подбалками в местах опоры на колонны. Однако особенности перекрытия «рузан» (верхние балки опираются на середину нижних) заставили свести разницу сечений к минимуму и превратили конструктивно логичный прием в способ изысканного художественного убранства архитектурных поверхностей.

Этот принцип пластической обработки балок перекрытия, выявляющей характер их работы, прослеживается в народном зодчестве Средней Азии вплоть до недавнего времени. Утончение средней части балки с помощью фигурной обтески, профилировки и резьбы наблюдается на большом количестве образцов жилой народной архитектуры XIX — начала XX вв.⁶¹ Однако конкретное художественное воплощение этого принципа здесь уже совершенно иное, чем в древних памятниках Шахристана и Бамиана.

Наша реконструкция, конечно, не может претендовать на полную точность. Нет гарантии, что некоторые элементы потолка не погибли полностью во время пожара или, наоборот, не истлели в земле, лишены спасительного для сохранения дерева обугливания. Однако общий принцип реконструкции представляется нам правильным. Если это так, то уртакурганская находка не только еще раз характеризует древний Шахристан как выдающийся центр ис-

кусства художественной обработки дерева, но и дает исключительный по ценности материал для изучения, казалось бы, почти бесследно исчезнувшей деревянной архитектуры Средней Азии эпохи раннего преарабского средневековья, — материал, значение которого особенно велико ввиду возможности его бесспорной датировки.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

В связи с изложением хода раскопок нижнего строительного комплекса центрального холма нам уже приходилось говорить об обнаружении обуглившихся фрагментов дерева. В этом разделе остановимся на характеристике некоторых деревянных архитектурных конструкций, а затем — на анализе художественной резьбы уртакурганского дерева⁶².

В здании нижнего строительного комплекса, сочетавшем в себе функции дехканского жилища и дворца для приемов, деревянные перекрытия имели три наиболее обширных помещения. В двух из помещений характер перекрытия определяется хорошо сохранившимися прямоугольными гнездами у углов периметральных суф, где помещались исчезнувшие деревянные базы колонн. Таким образом, выясняется, что колонн в каждом зале было четыре, и эти залы имели структуру, подобную структуре помещений, образующих нижний ярус замка на Калаи-Кахкаха II, или квадратных залов Пенджикента. Судя по размерам прямоугольных гнезд в главном юго-западном зале Уртакургана, стволы колонн должны были здесь достигать внушительного размера.

В большинстве дверных проемов сохранились следы деревянных порогов обычного вида: два гнезда, прорезанных на уровне пола один против другого в стенках проема, заподлицо с его наружным краем, указывают на бывшее наличие здесь бруса. Такая конструкция порогов, судя по многочисленным находкам, была почти повсеместно распространена в преарабском зодчестве Средней Азии. Маленькое квадратное помещение в восточной стороне здания было снабжено двойным порогом подобного типа. Внутренний брус, почти вплотную примыкавший к наружному, расположен несколько выше, чем, вероятно, должно было подчеркиваться впечатление замкнутости, недоступности этого помещения.

Низкий проем, ведущий из коридора в северо-западное помещение, сохранил отчетливые следы деревянной дверной рамы. Ее устройство было своеобразным: вертикальные стойки, расположенные у передних углов проема, опи-

рались не на сплошной брус порога, а на две отдельные плахи длиной 38 и шириной 15 см, утопленные в поверхность пола. Верхние поверхности плах были ровными, нижние — закругленными у торцов. На стойки опиралась лишь наружная часть горизонтальной перемычки. Внутренняя часть, закрепленная торцами прямо в пахсовой кладке, представляла собой брус шириной 22 и высотой 12 см. Любопытно, что полный размер этого сечения распространялся лишь на крайние запущенные в кладку части бруса; его центральная часть, воспринимавшая давление вышележащей кладки, была стесана сверху и сзади более чем наполовину, так что сечение бруса получило здесь форму лежащей буквы Г. Понять смысл этого странного приема, ослабившего перемычку и вызвавшего ее заметный прогиб, пока — без достаточного количества аналогов — не представляется возможным.

В большом юго-западном зале Уртакурмана найдены следы пристенных деревянных стоек (рис. 18), имеющие вид вертикальных выемок в стене, шириной около 15 и глубиной 7—8 см. Судя по этим размерам, стойки наполовину выступали из поверхности стены и должны были иметь вид узких деревянных лопаток. Две такие стойки располагались на «тронной» (северной) стене зала, симметричной оси находящейся здесь ступенчатой эстрады, на расстоянии 280 см одна от другой. Они, очевидно, представляли собой заднюю пару колонок, поддерживавших перекрытие (деревянное или матерчатое) над тахтом хозяина дома, стоящим на эстраде. Менее вероятным представляется предположение, что к этим заделанным в стену стойкам крепились какие-то изображения, рельефные или скульптурные, возвышавшиеся по сторонам тахта. Во всяком случае расположение стоек с несомненностью говорит об их участии в общем композиционном замысле «тронного» зала.

След аналогичной стойки был найден на восточной стене зала, у начала огибающей стены суфы. Эта стойка, по всей вероятности, поддерживала матерчатый навес над суфой, необходимость в котором вызывалась, видимо, характером происходящих здесь церемоний. Изображение подобного тента-навеса, под которым сидят пирующие дехкане, сохранилось на пенджикентских росписях⁶³. Такое решение предполагает целый ряд стоек как пристенных, так и передних, свободно стоящих у наружного края суфы. К сожалению, плохая сохранность большей части восточной стены зала и примыкающей к ней суфы не позволяет уточнить количество и место расположения остальных стоек. Однако сохранившаяся деталь сама по себе достаточно интересна.

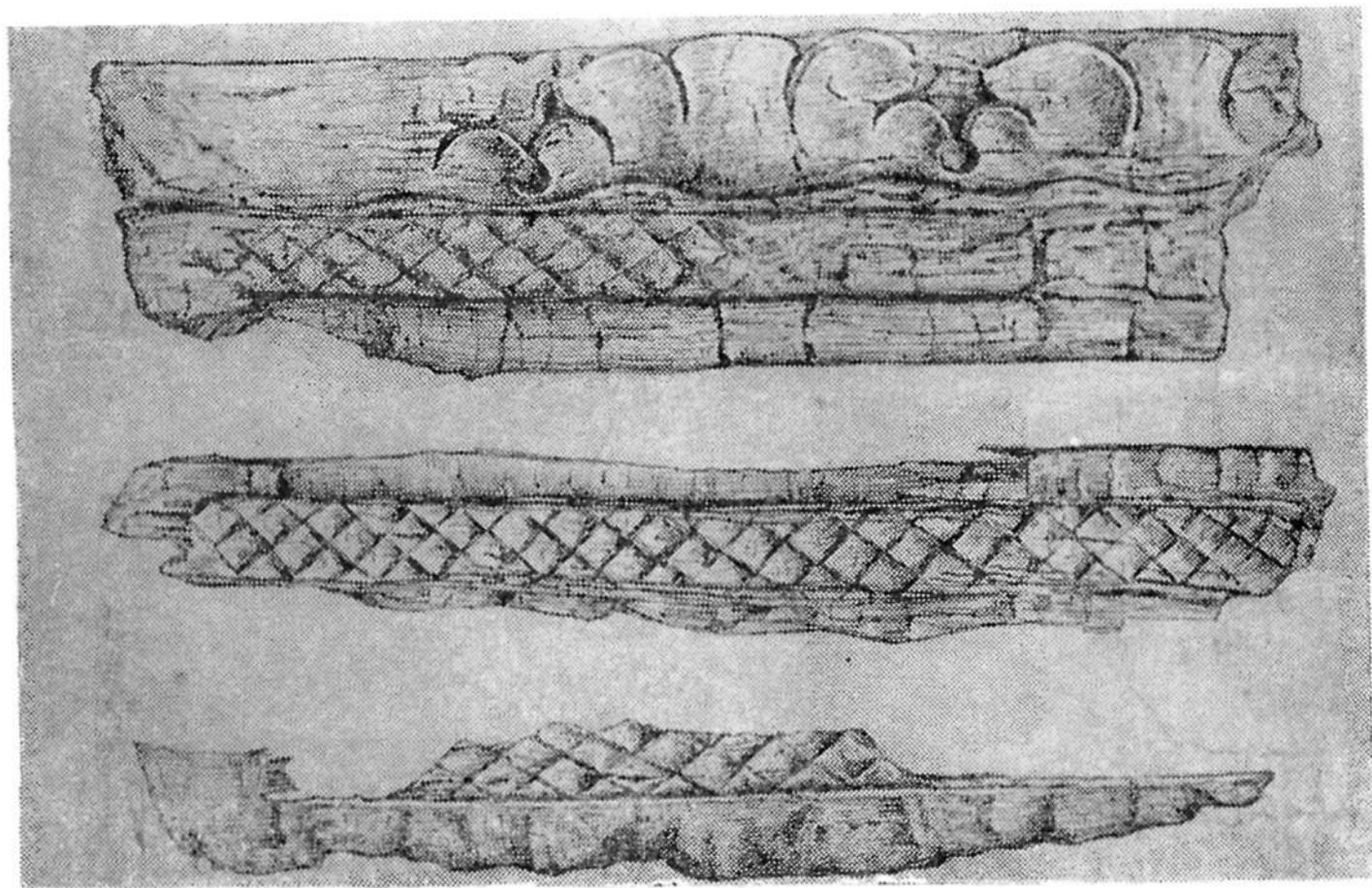

Рис. 32. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося резного дерева.

Найденные в Уртакургане образцы художественной резьбы по дереву (рис. 26, 32—35) непосредственно связаны с аналогичным материалом Калаи Кахкаха II и Пенджикента. Это — явление не только одного стиля, но и общего художественного направления, одной школы. Здесь вновь наблюдается, в пределах одной орнаментальной композиции, сочетание характерно трактованных пятилепестковых пальметт и ромбовидных гирлянд, украшающих боковые поверхности балок (рис. 26, 32, 34, 35, *снизу*); вновь встречаются известные по Пенджикенту мотивы пятилепестковых розеток и круглых перлов, образующих бордюрные цепочки (рис. 34, *снизу справа*). Вместе с тем уртакурганские находки обогащают наши знания древнего искусства Таджикистана не известным ранее материалом. Прежде всего здесь нужно указать на своеобразный орнаментальный мотив, которым, видимо, были украшены нижние плоскости основного прямоугольного венца перекрытия «рузан». Он образован прямым стеблем, расположенным по оси балки, и отходящими от него в обе стороны побегами, плавно изогнутыми и заканчивающимися трилистником (рис. 26, *второй сверху*, 33, 35, *сверху*). Подобная трактовка традиционного для среднеазиатского искусства мотива трилистника, насколько нам известно, нигде больше не встречается.

Резное дерево Уртакургана стилистически очень близко резному дереву, найденному в тронной лоджии замка на городище Калаи Кахкаха II. Последнее, как отметила В. Л. Воронина, представляет собой ближайшую и непосредственную аналогию образцам художественной резьбы по дереву, открытым в Пенджикенте⁶⁴. Среди фрагментов, найденных в Уртакургане, большое место занимают такие мотивы, уже известные по Пенджикенту и Шахристану, как бордюры из пятилепестковых пальметт, ромбовидных насечек и пятилепестковых розеток (в Пенджикенте они четырехлепестковые), — мотивы, выполненные в той же технике невысокого сочного рельефа и в большинстве своем восходящие, как справедливо указывает В. Л. Воронина, к кругу орнаментальных сюжетов эллинистического искусства. Характерно, что двойной бордюр, состоящий из полосы пальметт и полосы ромбовидных нарезок (трансформированный мотив гирлянды), украшал в Уртакургане не только балки деревянного потолка над стыком коридоров, он был выполнен глиняным рельефом на тонкой стене тамбура малого зала (рис. 36 и 37), причем, несмотря на разницу материалов и техники, характер мотива в обоих случаях почти идентичен.

Естественно, что особенный интерес представляет собой не встречавшийся нигде ранее выразительный мотив побе-

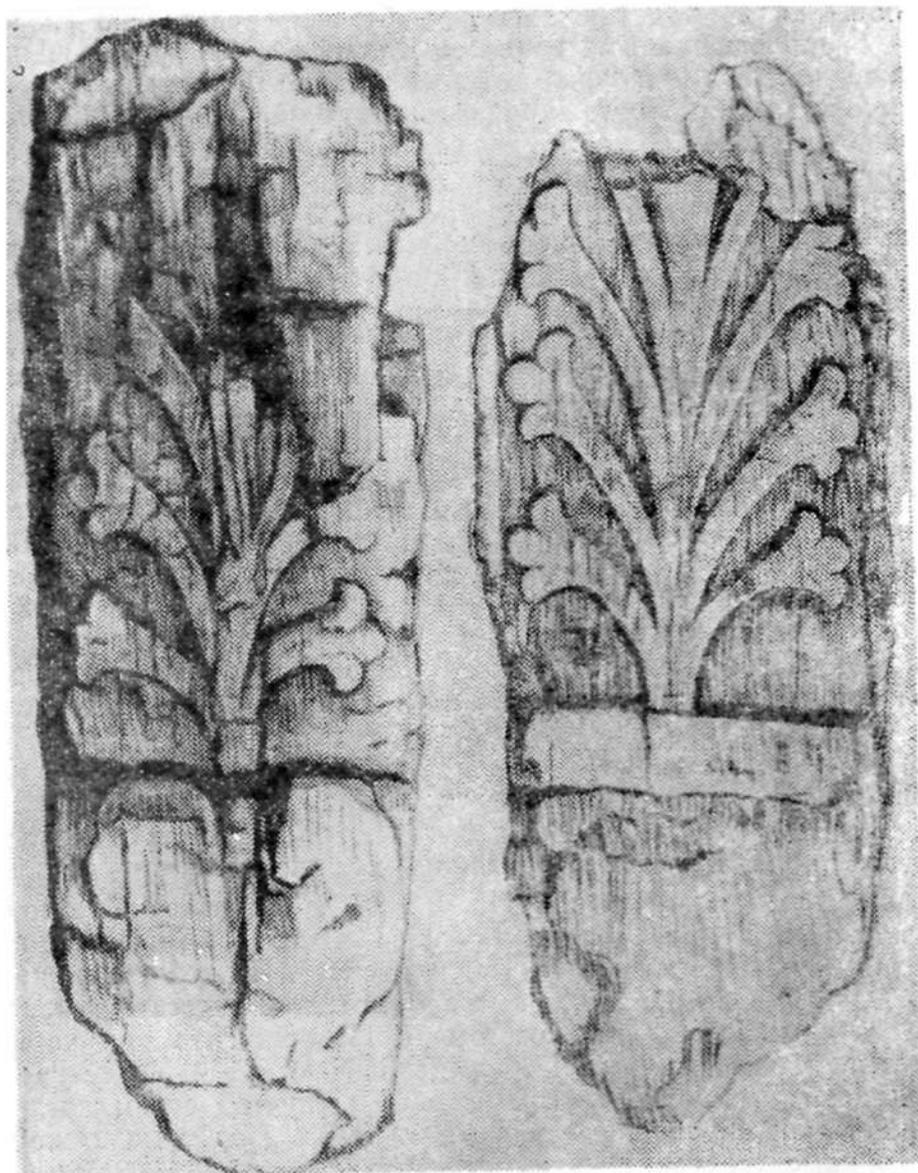

Рис. 33. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося резного дерева.

га дерева или цветка с симметричными изогнутыми отростками, расходящимися в обе стороны от центрального стебля и заканчивающимися трилистниками. Этот крупный и сочный рельефный узор украшал нижнюю поверхность наиболее крупных балок. Судя по тому, что он повсюду начинается недалеко от края балки (который имеет значительно большую толщину), можно думать, что он образовывал на каждой балке две симметричные ветви, шедшие от обо-

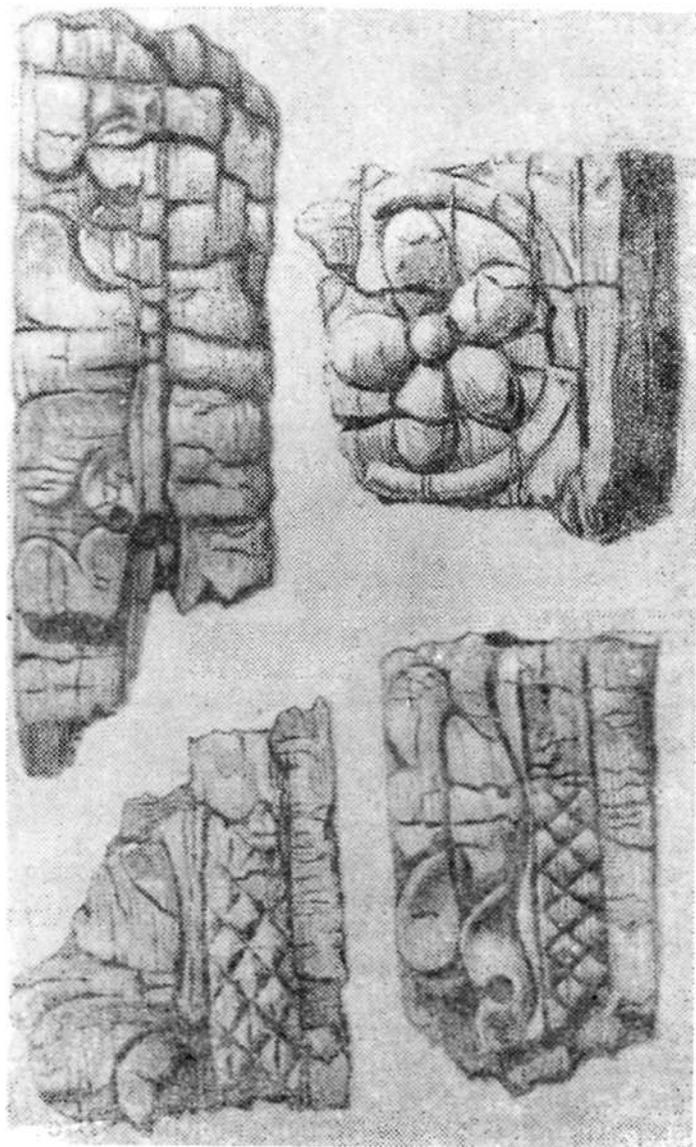

Рис. 34. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося резного дерева

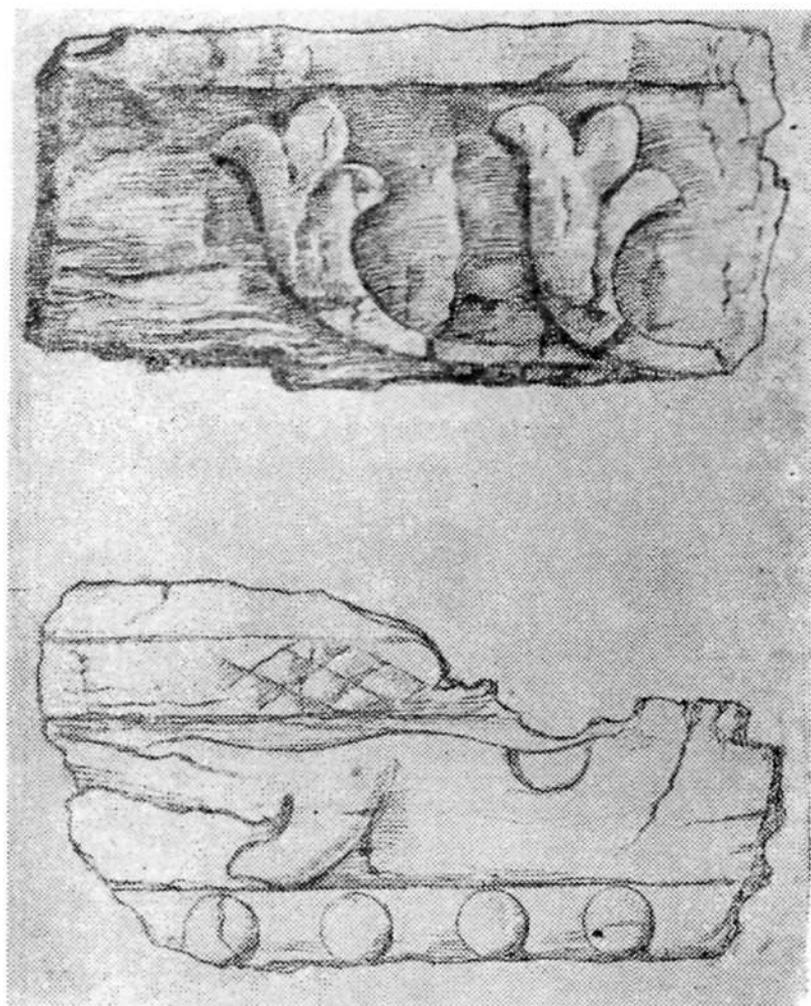

Рис. 35. Уртакурган. Фрагменты обуглившегося резного дерева.

их торцов к середине. Боковая сторона подобных балок (каждый раз только одна) повсюду украшена сплошным тройным бордюром, последовательно образованным узким пояском выпуклых кружков-перлов, пятилепестковых пальметт и ромбовидных нарезок гирлянды. Выше гирлянды идет узкий неорнаментированный пояс. Этот мотив трех орнаментальных полос, расположенных в строгой последовательности, встречается особенно часто. В тех случаях, когда он не связан с мотивом многоотросткового побега, в нем отсутствует верхняя полоса перлов, причем общая высота балки, составляющая 10,5 см, остается той же за счет укрупнения пояса пальметт.

Кое-где на фоне рельефной резьбы сохранились пятна темно-алой, вероятно, потемневшей от огня и времени краски.

Довольно многочисленные находки произведений художественной резьбы по дереву в Шахристане, их несомненная стилистическая общность с аналогичными находками в Пенджикенте позволяют поставить вопрос об их роли и месте в широкой перспективе исторического развития искусства Средней Азии. О долгом, гораздо более раннем пути развития этого вида изобразительного искусства говорит высокое художественное качество открытых в Шахристане (и в частности на Уртакургане) образцов, несомненная каноничность отдельных мотивов и их сочетаний. Мастерство выполнения сочных, изысканно моделированных рельефов косвенным образом свидетельствует о развитом искусстве круглой деревянной скульптуры, подтверждая тем самым неслучайность открытия отдельных (пока еще малочисленных) образцов такой скульптуры в Пенджикенте и Шахристане. Расцвет пластических искусств в преарабской Уструшане и соседнем с ней Согде не может теперь, таким образом, вызывать сомнений.

Другой вопрос — в какой мере это богатое и высокоразвитое искусство с его древними традициями отразилось на изобразительном и орнаментальном искусстве Средней Азии послеарабской поры. Этот вопрос имеет несколько аспектов.

Прежде всего выясняется, что художественная обработка дерева — одна из известнейших и ярчайших областей народного среднеазиатского искусства — своими корнями уходит в далекое прошлое. Причем на самых ранних этапах оно, как и ныне, было теснейшим образом связано с архитектурой, в арсенале форм которой художественно обработанное дерево играло выдающуюся и разнообразную роль. В этом наиболее широком плане преемственность мастерства прославленных современных художников-резчиков из Ура-Тюбе от древних резчиков Шахристана кажется несомненной, несмотря на разделяющие их века. В народном зодчестве Северного Таджикистана резное дерево и ныне занимает не менее важное место, чем 1200 лет назад.

Другое дело — сами орнаментальные мотивы. Лишь очень немногие из них находят продолжение в искусстве последующих веков. Понятно, что человеческие и антропоморфные образы (такие, как идущий мужчина и двуххвостый тритон из замка на Калан Кахкаха II) уже не встречаются в искусстве мусульманского времени. Однако и круг чисто декоративных мотивов резного дерева древнего Шахристана находит сравнительно мало близких аналогий в резном дереве более позднего времени.

Два таких мотива известны по замку на Калаи Кахкаха II. Это бордюры из волнообразного побега со спирально закрученными отростками и фризы, украшенные сеткой выемчатых крестиков. Первый стал исключительно распространенным в декоративном убранстве средневековой архитектуры Средней Азии и просуществовал в ней, почти не меняясь, в течение всей ее истории. Второй, воплощенный в ином материале (терракоте), использован в убранстве северного мавзолея в Узгене.⁶⁵ Мотив арочного фриза, также известный по замку Калаи Кахкаха II, находит неожиданную, но очень близкую параллель в народной среднеазиатской вышивке «дорпеч», причем здесь, по-видимому, сохранилась даже композиционная роль мотива, украшавшего верхние части стен помещения.⁶⁶ Однако нужно отметить, что в декоративную резьбу по дереву этот мотив пришел как отголосок реальной архитектурной формы, запечатленной на Аниковском и Берлинском блюдах, а позднее — в архитектуре бухарского мавзолея Саманидов.

Что касается резного дерева Уртакурмана, то из встречающихся здесь орнаментальных мотивов лишь один находит аналогии в искусстве более позднего времени. Это узкий бордюр, украшенный круглыми рельефными перлами, которые в научной литературе обычно, но необоснованно называются сасанидскими. В «рузанном» потолке Уртакурмана он, судя по всему, располагался на внутренней поверхности прямоугольной брусчатой обвязки, у ее нижнего края. Мотив этот был широко распространен как в доарабской архитектуре (о чем свидетельствует его указанное название), так и позже. Он воплощался в самых разнообразных материалах: живописи, глиняной лепнине, терракоте, металле, но всегда сохранял роль бордюра. В интересующей нас технике резьбы по дереву он находит территориально близкую аналогию во фрагменте деревянного эпиграфического фриза из ленинабадского мавзолея шейха Муслихиддина. К сожалению, датировка этого фрагмента неясна и колеблется между XII—XIV вв. Цепочки перлов, оконтуривающие сверху и снизу сильно стилизованную куфическую надпись, очень напоминают аналогичные детали уртакурманской резьбы. Цепочки перлов украшают, опять-таки в виде узких бордюров, ряд капителей и баз деревянных колонн хивинской джума-мечети; эти колонны, по классификации В. Л. Ворониной, относятся ко II стилю и датируются XI—XII вв.⁶⁷

Таким образом, мотив составленного из перлов бордюра, отмеченный в деревянной резьбе Уртакурмана, сохранился в последующее время, хотя, вероятно, не был чрезмерно распространен. Прочие мотивы уртакурманской резьбы: сте-

бель с симметричными лилиеобразными ответвлениями, ленты пятилепестковых пальметт и ромбической нарезки, а также пятилепестковая розетка с круглой сердцевинкой — совершенно неизвестны в богатейшем арсенале декоративных мотивов среднеазиатского искусства более поздних эпох.

И это, видимо, не случайно. Дело в том, что все эти исчезнувшие впоследствии сюжеты, даже наиболее плоскостные из них, тесно связаны с характерной пластической моделировкой объемных форм, которая могла развиваться лишь на базе искусства круглой скульптуры. Гибель этого искусства после утверждения идеологии ислама привела к постепенной утрате прежних пластических качеств деревянной резьбы, которые в средневековом искусстве уже никогда не были восстановлены. В дальнейшем даже самые сложные произведения средневековой резьбы по дереву представляют собой, по существу, сочетание нескольких плоско трактованных планов с графическим решением их. Глубина изображения достигается теперь контрастным сочетанием различных планов резьбы, каждый из которых полностью или почти полностью лишен скульптурной моделировки. В этом принципиальное отличие древнетаджикской резьбы по дереву от этого же искусства мусульманского времени.⁶⁸

ГЛИНЯНАЯ ДЕКОРАТИВНАЯ ЛЕПНИНА

На Уртакургане мы имеем второй случай находки художественной глиняной лепнины в Шахристане. В обоих случаях лепным декором украшались стенки тамбуров у входов в залы. Первый случай был зафиксирован в одном из залов нижнего яруса замка на городище Калан Кахкаха II; воспроизведенный здесь мотив кунгура украшал нижний угол стенки, обращенный к помещению.⁶⁹

Тамбурную стенку восточного зала Уртакургана украшала бордюрная глиняная лепнина, состоящая из пятилепестковых пальметт и ромбической гирлянды (рис. 36 и 37). По своей трактовке этот лепной тонко моделированный рельеф очень близок резному дереву и даже типичен для него. Однако в нем есть и характерные особенности. Полоса гирлянды имеет здесь отчетливую выпуклость, благодаря чему приобретает характер невысокого полуваала; образующие гирлянды ромбы менее рельефны и лишь намечены диагональными прорезями.

Эта находка свидетельствует о воплощении одних и тех же мотивов архитектурного орнамента Средней Азии в различных художественных техниках и материалах.⁷⁰ При этом трактовка формы уртакурганской лепнины убедительно под-

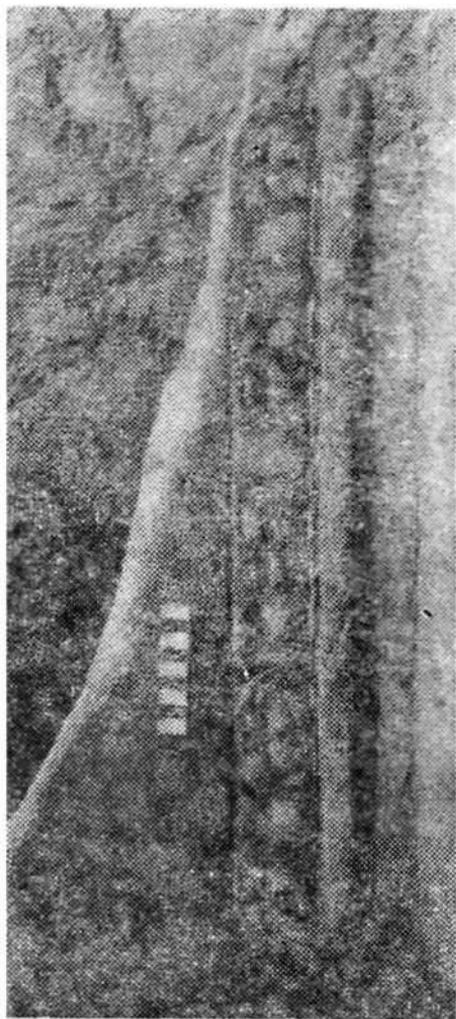

Рис. 36. Уртакурган. Малый зал (помещение № 5). Стенка тамбура с остатками лепнины.

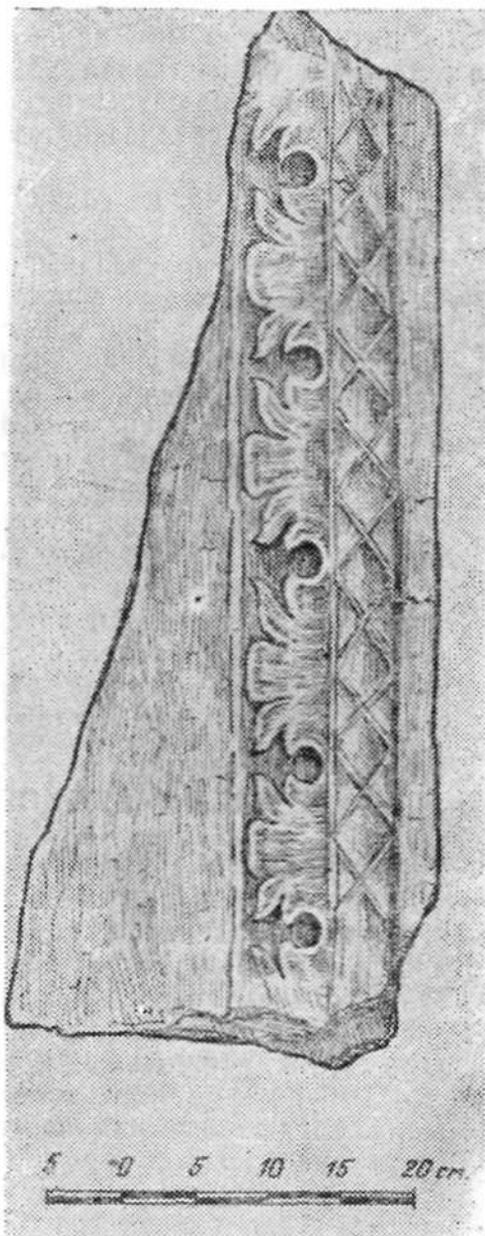

Рис. 37. Уртакурган. Малый зал (помещение № 5). Глиняная лепнина.

тверждает высказанное В. Л. Ворониной предположение о том, что гирлянды пенджикентского и шахристанского резного дерева представляют собой трансформированный мотив лавровой гирлянды, характерный для эллинистической архитектуры. В нашей глиняной лепнине этот мотив в большей степени сохранил свой первоначальный характер, чем в деревянной резьбе.

КЕРАМИКА И ДРУГИЕ НАХОДКИ

КЕРАМИКА

Количество найденной при раскопках замка Уртакурган керамики сравнительно невелико, причем вся она неполированная. Это обломки хумов, хумча, кубышек, кувшинов, кухонных котлов, горшков, кружек и некоторых других сосудов. Целых сосудов очень мало. Ассортимент форм довольно ограниченный: это главным образом сосуды для хранения продуктов и варки пищи и питьевые кружки. Почти нет столовой посуды типа чаш и мисок.

Крупные широкогорлые сосуды представлены тремя формами: хумы, хумча, кубышки.

Обнаружено лишь 10 фрагментов венчиков хумов. Все они ручной работы, сделаны из красной и красноватой глины, иногда с примесью измельченного камня; некоторые из них выделяются очень хорошей выделкой. Обжиг равномерный, за исключением отдельных сильно перекаленных темно-серых в изломе обломков. Половина имеющихся фрагментов снаружи покрыта светлым ангобом разной степени густоты и качества, на двух венчиках ангоб переходит и на внутреннюю поверхность сосудов. Формы и размеры венчиков приведены на рис. 38. У трех сосудов венчики массивные, согнутые, округлой в сечении формы (КП 359/71; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 440}$, рис. 38, 4; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 445}$, рис. 38, 18),⁷¹ у трех других закраины менее массивны: одна—округлая в сечении, две—подтреугольные, с плоской вершиной ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 405}$, рис. 38, 2; $\frac{\text{ЛМ}-50}{\text{К}-\text{T} 458}$, рис. 38, 15; $\frac{\text{ЛМ}-60}{1963/94}$). Два венчика, обнаруженные там же, имеют совершенно одинаковые сильно отогнутые закраины с четко отмеченными желобками; верхняя сторона их плоская, по ее внутреннему краю идет слабо выделенное углубление для крышки ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 401}$, рис. 38, 1; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 428}$, рис. 38, 9). Наконец, два других венчика хумов, с вытянутыми вверх закраинами, имеют по наружной стороне линию зубцов (вдавлений, причем на втором фрагменте, более четко профилированном, зубцы идут не на всем протяжении венчика ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 461}$, рис. 38, 10; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 459}$, рис. 38, 8). Некоторые хумы, судя по одному фрагменту стенки, поверх светлого ангоба были расписаны вертикальными темно-коричневыми полосами (КП 542/47, рис. 39, 14). Все фрагменты хумов, за исключением последнего, найденного у сте-

ны ограды двора замка, обнаружены в здании нижнего горизонта центрального холма.

Хумча представлены исключительно фрагментами, причем лишь в одном случае собирается полностью венчик. Все эти сосуды можно разделить на три группы. Первая группа очень тщательной станковой выделки из красной отмученной глины, хорошего равномерного обжига; повер-

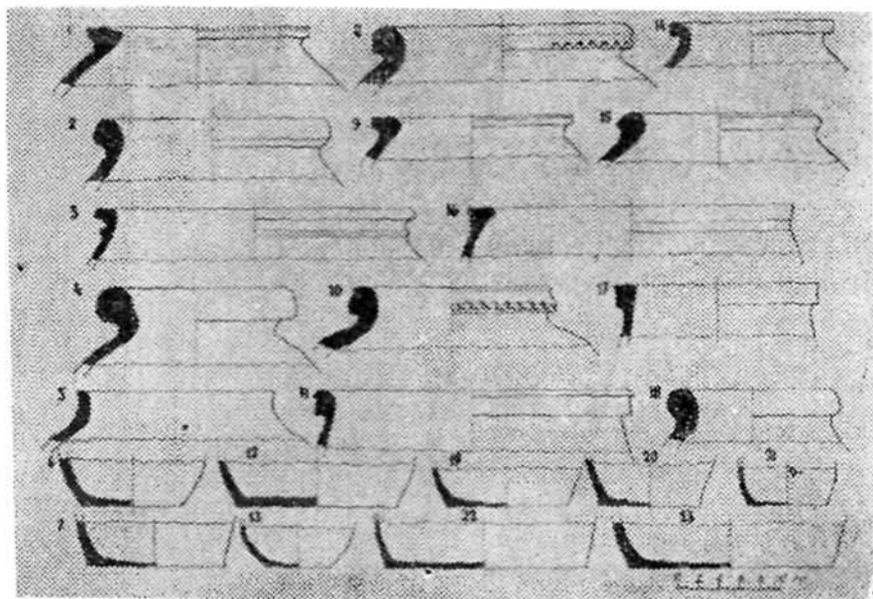

Рис. 38. Уртакурган. Керамика.

ность одного сосуда покрыта светлым ангобом. Эти хумча тонкостенные, судя по упомянутому венчику (диаметр 15,8 см), имеют низкую горловину и две ручки, идущие от плечиков к четко выделенной отогнутой под прямым углом закраине. Фрагменты их найдены в здании нижнего горизонта центрального холма Уртакургана ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 411}$, рис. 40, 9; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 419}$, рис. 39, 3).

Вторая группа представлена тремя фрагментами венчиков, тоже станковой выделки, из красной глины, хорошего обжига, но с более толстыми стенками. Венчик в одном случае сложно профилирован: он имеет валик, разделенный желобком, а закраина подтреугольной в сечении оттянутой наружу формы. Этот фрагмент обнаружен в верхней постройке центрального холма (КП 359/47, рис. 38, 3). Закраина второго венчика имеет более прямые четкие грани и также оттянута наружу. Найден данный обломок при раскопке

стены ограды двора (КП 542/15, рис. 39, 9). Третий венчик тоже подтреугольной в сечении формы с острой выступающей наружу гранью. Найден в здании нижнего горизонта центрального холма ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{Т} 466}$, рис. 41, 10).

Третью группу составляют два венчика и одно донце. Они ручной работы, несколько небрежной выделки, сделаны из глины красноватого оттенка; донце с большой примесью зернистого песка, обожжено докрасна. Первый венчик обнаружен в здании нижнего горизонта центрального холма, а второй и донце — при расчистке южной стены ограды двора ($\frac{\text{ЛМ}-30}{\text{К}-\text{Т} 402}$, рис. 38, 14; КП 542/41, рис. 38, 5; КП 542/35, рис. 38, 23).

От сосудов типа кубышек найдены три фрагмента венчиков. К категории кубышек мы относим широкогорлые невысокие сосуды баночной формы (два таких сосуда были найдены в замке Калаи Кахкаха II).⁷² Один из уртакурганских фрагментов обнаружен при расчистке южной стены ограды двора, два других — в здании нижнего горизонта

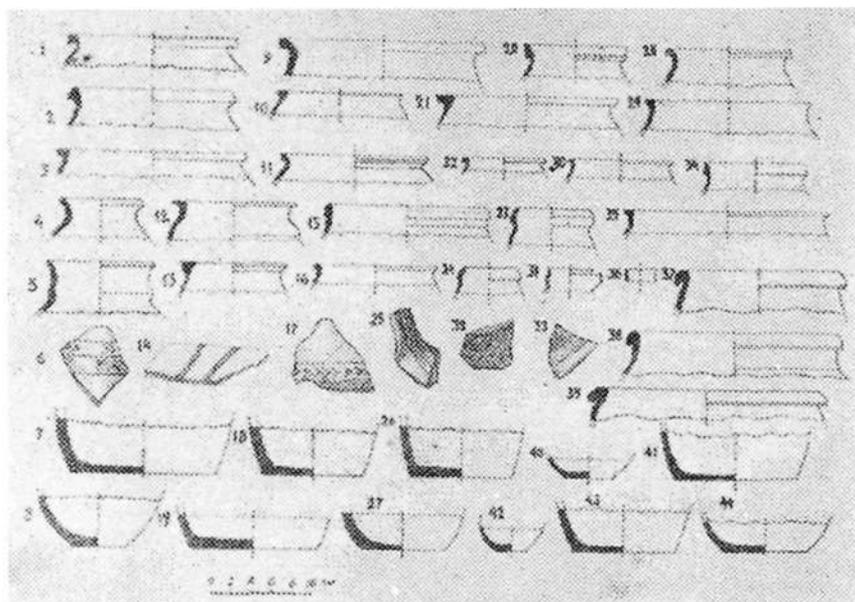

Рис. 39. Уртакурган. Керамика.

центрального холма. Все они имеют вертикальные стенки, переходящие в вертикальные же не очень массивные закраины. Первый (КП 542/28, рис. 38, 11) и второй ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{Т} 413}$, рис. 38, 17) венчики изящно профилированы дву-

гранными выступами, а третий ($\frac{Л-М 60}{К-Т 441}$, рис. 38. 16) фрагмент завершается прямой подтреугольной в сечении широкой закраиной, одинаково выдающейся во внутрь и наружу сосуда. Все три кубышки были сделаны на станке из крас-

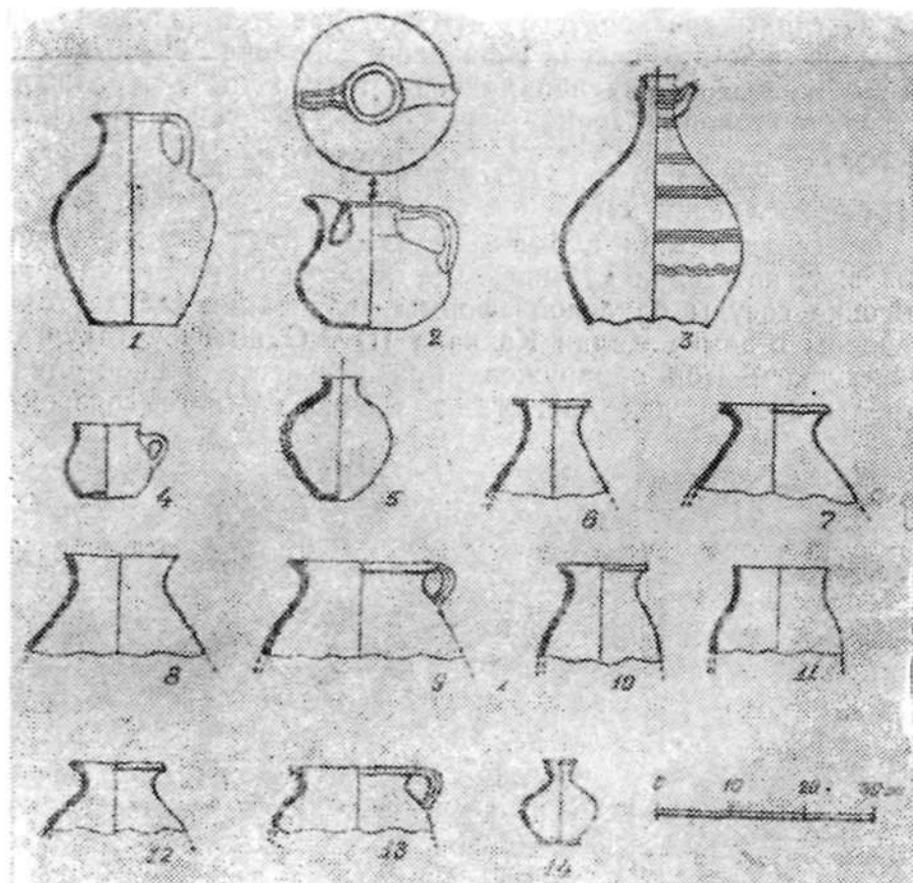

Рис. 40. Уртакурган. Керамика.

новатой глины разного оттенка; обжиг у них различный по качеству. Ни один из уртакурганских венчиков кубышек не повторяет венчики таких сосудов из Калан Кахкаха II; ввиду редкости этой формы керамики новые находки безусловно представляют интерес.

Кувшины. Они представлены сравнительно большим числом обломков и, кроме того, несколькими целыми сосудами.

В нижнем культурном слое банкета южной стены были обнаружены многочисленные обломки, из которых удалось

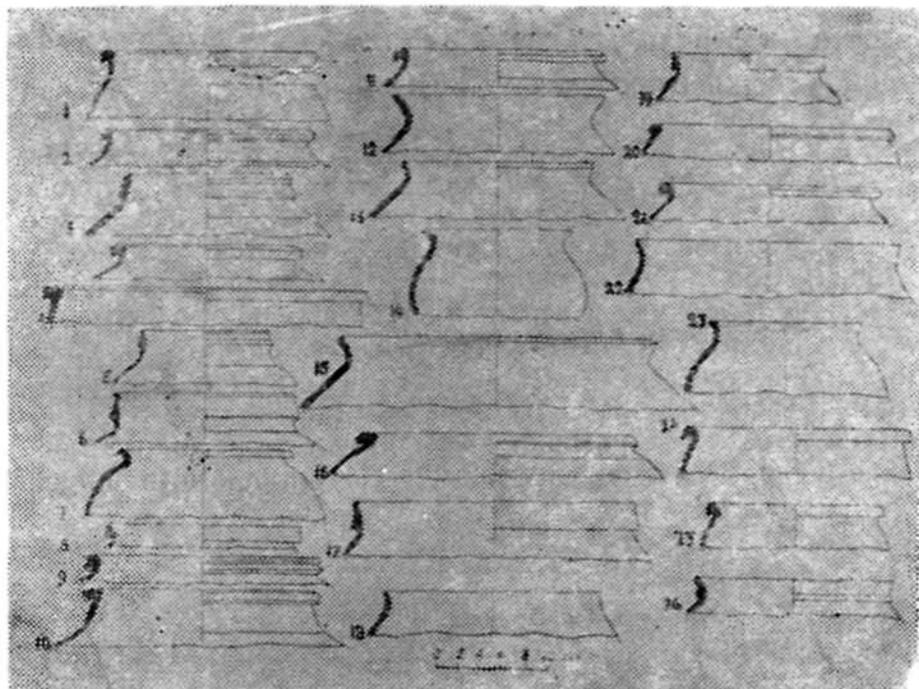

Рис. 41. Уртакурган. Керамика.

склеить кувшин (КП 542/71а, рис. 42, 1 и 40, 1). Он изготовлен на гончарном круге из чистой хорошо отмученной красной глины. Поверхность тщательно заглажена и покрыта тонким слоем красного ангоба. Форма тулова яйцевидная, горловина невысокая, завершающаяся отогнутым венчиком. Ручка пластинчатая (из сильно уплощенного жгута глины) идет от венчика. Оба конца ее прилеплены неаккуратно, особенно нижняя часть, которая расположена несколько криво. Размеры кувшина: высота 28,9 см, диаметр широкой части тулова 22—22,3 см, горлышка — 8,3, венчика — 9,6, дна — 11,7 см. Кувшин еще в древности был подвергнут починке: отломившийся кусок стенки был закреплен скорес всего сухожилиями, для чего в трех местах просверлены парные сквозные отверстия. Подобная починка сосудов была широко распространена в недавнем прошлом, а иногда практикуется и в настоящее время, что неоднократно фиксировалось этнографами. Описываемый кувшин свидетельствует об использовании данного способа реставрации еще на заре средневековья.

Второй, совершенно целый, кувшин шаровидно-сплюсненной формы с низкой горловиной, довольно крупной ручкой и вертикальным (даже несколько загнутым назад к

венчику) смятым сливом обнаружен в здании нижнего горизонта центрального холма замка (ЖМ—60 К—Т 450, рис. 42, 2 и 40, 2). Он изготовлен из хорошо отмученной чистой красной глины, поверхность была покрыта красным ангобом, следы которого сохранились, однако, лишь местами. Ручка (из одного жгута глины) идет от широкой части тулова к венчику. Венчик с едва намеченным горбиком и скатами в обе стороны, в верхней части его имеется полочка для крышки. Слив, начинающийся от плечика в виде круглой в сечении трубочки, в верхней части сильно утончен и расширен, а затем примят в виде клювообразного желобка. По верхней части его намечены две орнаментальные бороздки. Размеры кувшина: емкость 2,5 литра, высота 18,5 см (в том числе высота горлышка 4,4 см), диаметр венчика по внутреннему краю 6,4, по наружному—8,4 см, диаметр широкой

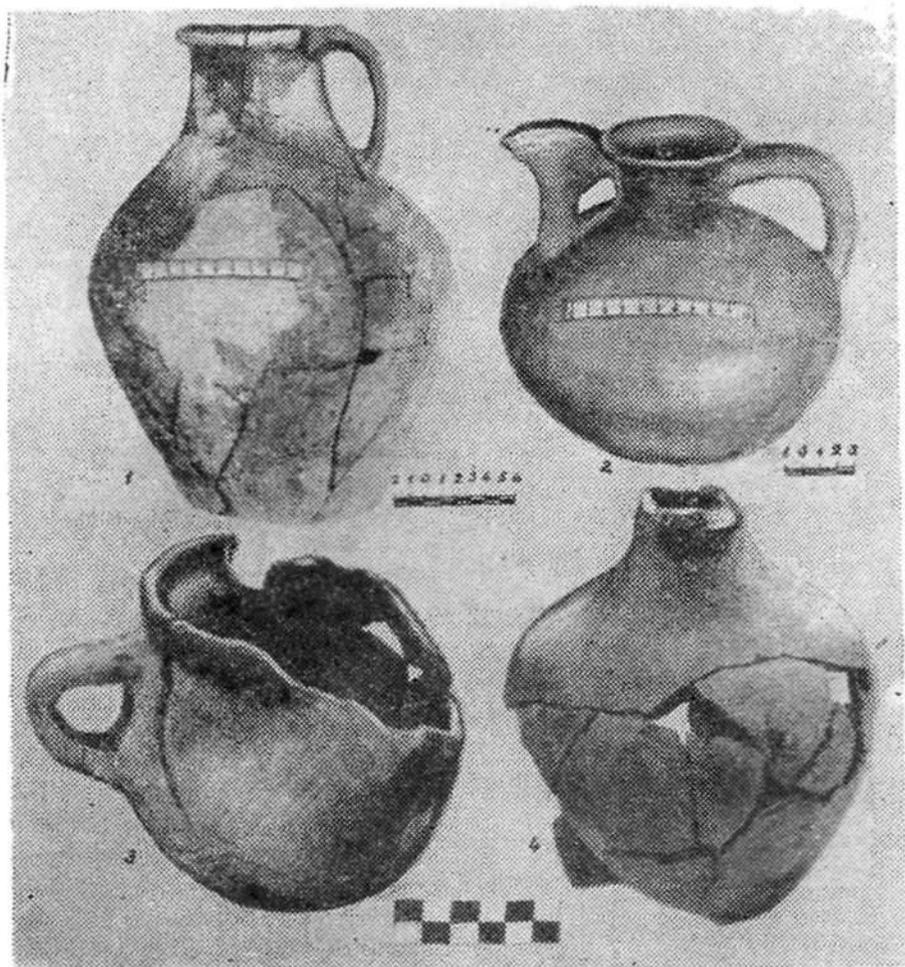

Рис. 42. Уртакурган. Керамика.

части тулова 20,3 см, диаметр дна 10,3 см. В целом кувшин довольно изящен, пропорции его отдельных элементов вполне согласованы с формой и размером оригинально сделанного тулова.

Среди керамических находок имеются еще три мелких обломка от разных энохоевидных сливов сосудов; один из них очень похож на слив описанного кувшина (КП 359/42), остальные более тонкостенные и, видимо, принадлежат более мелким сосудам (КП 542/31; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T}447}$).

Из обломков удалось частично скленть третий кувшин, по форме резко отличающийся от вышеописанных (КП 542/1, рис. 40, 3). Обломки эти найдены при расчистке южной стены двора замка. Кувшин чрезвычайно тонкостенный (4 мм в широкой части), станковой работы, из серой тщательно отмученной глины, отличного обжига. Почти шаровидное тулово переходит в непропорционально маленькую горловину, которая завершается узкой (диаметр 3,6 см) прямой закраиной, выделенной снаружи невысоким рельефным валиком. Ручка кувшина имела длинный пролет почти от широкой части боковины до горлышка, причем верхняя ее часть сначала шла вертикально вверх до уровня венчика. Горловина и верхняя часть тулова кувшина были украшены пятью поясами горизонтальных прямых линий, а нижняя часть тулова — полосой волнистых линий; кроме того, на горловине и на тулове ниже плечиков имеется вертикально расчесанная «гребенка». Там же найдены обломки от другого близкого по форме и орнаментации кувшина из такой же глины.

Из Уртакургана происходит также миниатюрный красноглиняный безручный кувшинчик ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T}415a}$, рис. 40, 14) шаровидной формы с непропорционально маленьким, узким горлышком и отогнутой расширяющейся закраиной, профилированной снаружи бороздочкой. Кувшинчик толстостенный — особенно в нижней части. Донышко было сначала выделено широким валиком, но еще в сыром состоянии небрежно подрезано. Высота кувшинчика 10,4 см, диаметры: венчика 3,7 см, горлышка 2,7, широкой части тулова 9,4, донышка 5,5 см. Емкость 220 г.

Найденные при раскопках венчики кувшинов (в количестве 11 экземпляров) делятся по размерам на большие (3 экз.) и малые (8 экз.); по форме же они распадаются на четыре группы:

1. Невысокая горловина с чуть отогнутой закраиной (на некоторых имеются едва намеченные желобки). В эту группу входят венчики трех больших кувшинов (КП 542/54,

рис. 39, 5; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 422}}$, рис. 39, 4; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 415}}$, рис. 39, 28) и один обломок венчика малого кувшина (КП 542/63, рис. 39, 16). Все они изготовлены из красной глины; два первых несколько грубой выделки, третий более изящен и четче профилирован (покрыт коричневым ангобом).

2. Высокая прямая горловина, завершающаяся в плоской верхней части в сечении закраиной, в одном случае массивной ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 415}}$, рис. 39, 13), в другом — слабо выраженной ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 433}}$, рис. 39, 30). Сосуды, от которых они происходят, малые, тонкостенные, изготовленные из красной глины.

3. Третья группа представлена лишь одним фрагментом. Это верхняя часть горловины с прямой ничем не выделенной закраиной, принадлежащая миниатюрному кувшинчику вышеописанного типа $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 415 а}}$, рис. 40, 14). Одна сторона закраины сверху чуть придавлена и примята. Сосудик (КП 359/49, рис. 39, 36) изготовлен из красной глины, покрыт с обеих сторон светлым ангобом.

4. Фрагменты венчиков, относимые нами к последней группе, принадлежат малым кувшинам с прямой, узкой, высокой горловиной, переходящей в чуть вогнутую внутрь и заостренную вверху закраину с несколько расширенной накладным слоем наружной спинкой. Таких фрагментов насчитывается лишь 2 (от разных сосудов). Оба тонкостенные, изготовлены на гончарном круге из красной глины и отлично обожжены (КП 542/57, 64, рис. 39, 23, 24). К той же группе можно отнести еще один обломок венчика с прямой тоже заостренной закраиной и с расширяющимся перегибом на спинке венчика снаружи (КП 542/65, рис. 39, 34).

Горлышко миниатюрного кувшинчика (КП 359/43) найдено в постройке верхнего горизонта центрального холма, все фрагменты с шифром КП 542 — при расчистке стены ограды двора, а обломки с шифром ЛМ-60 — в здании нижнего горизонта центрального холма.

Кувшинам же принадлежат 2 обломка горловины: первый из них покрыт светлым ангобом и имеет врезной орнамент в виде вписанных один в другой кружочков и пояса косых насечек (КП 359/38, рис. 39, 33; КП 542/66); кроме того, найдено 3 обломка стенок: сероглиняный, покрытый светлым ангобом (КП 542/30), красноглиняный с поясками гребенчатого и волнистого орнамента (КП 542/56) и красноглиняный с выполненными при вращении на круге горизонтальными вдавленными поясами, придающими сосуду довольно эффектный вид (КП 542/13).

При раскопках было обнаружено 17 обломков днищ кувшинов. Из них 15 из красноватой глины разного оттенка, а 2 из серой; 14 сосудов изготовлено на гончарном круге, а 3 обломка не поддаются точному определению. Обжиг сосудов различный: в большинстве случаев он равномерен, но есть два днища от крупных кувшинов совершенно пережженных с темно-серой поверхностью.

Судя по имеющимся обломкам, днища принадлежат как крупным (9 экземпляров — КП 359/36; КП 542/32, 44, 48, 53, 61, 62, 72, 72а, соответственно рис. 38, 22; 39, 19, 26, 7 и 38, 7, 12, 19, 20), так и малым (8 экземпляров — 542/27, 34, 37, 39, 43, 60, 60а; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 404}$, соответственно рис. 39, 27, 43; рис. 38, 21, 6; 39, 41, 18 и 38, 13) кувшинам. Днища крупных кувшинов характеризуются очень четким острым углом перехода к стенкам (но два экземпляра отличаются более плавным тупым углом перехода). Среди днищ малых сосудов, наоборот, лишь в одном случае наблюдается резкий период к стенке, у всех же остальных — плавные, несколько закругленные переходы. Малые кувшины тонкостенны, лучшего качества выделки, наружная поверхность большинства из них тщательно заглажена, а 2 экземпляра (КП 542/43 и $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 404}$), покрыты красным ангобом. Рассматриваемые донца обнаружены в числе подъемного материала (КП 359/36), в здании нижнего горизонта центрального холма ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 404}$), и при расчистке внутренней стороны стены двора.

В числе находок имеется также 15 обломков ручек кувшинов (КП 359/35; КП 542/23, 25, 40, 50, 55; $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 427, 430, 445}$). Все они изготовлены из красной довольно чистой глины разных оттенков и хорошо обожжены. Рис. 43, 4, 10, 11, 15, 19, 20, 27—34 дает полное представление о их формах и характере украшений.

Ручки нижней частью располагались на плечике сосуда, а верхний их конец непосредственно переходил в венчик. Все они сделаны из одинарного глиняного жгута, варьирующего по толщине и форме в сечении от тонкого, почти круглого или плоского, до массивного, сильно уплощенного. В последнем случае наружная сторона украшена вертикальными желобками (от одного до трех), придающими ей ребристый характер. Нижние части ручек на месте стыка с плечиком сосуда имеют ямки-вмятины, обеспечивающие прочный стык. На одном обломке сохранились следы красного ангоба (КП 542/25).

Из 15 обломков ручек один обнаружен в числе подъем-

ного материала, 11 — при расчистке стены ограды двора замка с внутренней стороны и 3 — в здании нижнего горизонта центрального холма.

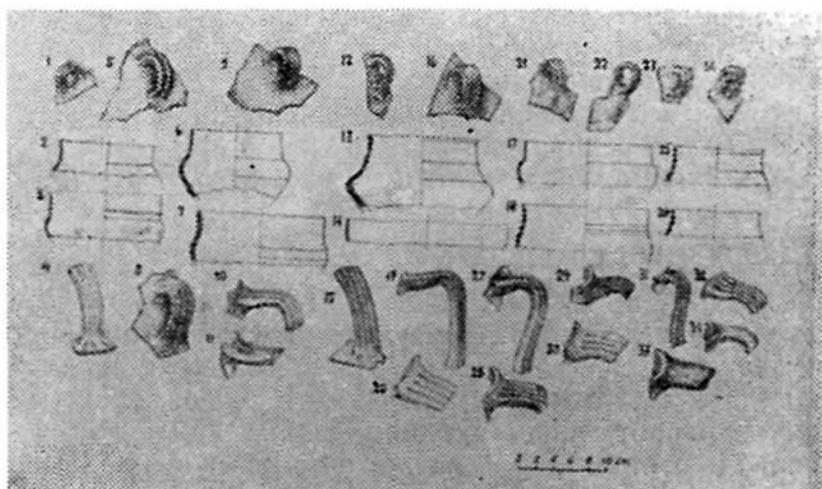

Рис. 43. Уртакурган. Керамика.

Из описанных выше кувшинов может быть выделена группа относительно ранних: это склеенный кувшин (КП 542/71а, рис. 42, 1; 40, 1), целый кувшин с энохоевидным сливом ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 450}}$, рис. 40, 2; 42, 2), миниатюрный кувшинчик ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 415a}}$, рис. 40, 14) и два обломка доньшек малых кувшинов, покрытых красным ангобом (КП 542/43 и $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 404}}$, рис. 38, 13).

Чтобы подтвердить это, обратимся к некоторым аналогиям. Кувшин КП 542/71а, хотя он похож на таковые из многих памятников VII—VIII вв.⁷³, все же по форме и отделке поверхности близок и к ряду более ранних сосудов. Сходные кувшины известны в Хорезме еще в слоях позднекангюйского времени (I в. до н. э. — I в. н. э.), Гяуркале № 174 и особенно часты в слоях позднекушанского периода (III—IV вв. н. э.).⁷⁵

Кувшины со сходной формой венчика найдены также в Айртаме⁷⁶ и на Мудинтепа 2,⁷⁷ они датируются тоже III—IV вв. н. э. Эти аналогии указывают на то, что наш кувшин можно отнести если не к этим же столетиям, то во всяком случае к близкому времени.

Переходя ко второму уртакурганскому кувшину с вертикально расположенным энохоевидным сливом, прежде все-

го отметим, что обломки точно таких же (но без ангоба) сосудов были уже обнаружены в Шахристане: в замке Калаи Кахкаха I и на городище Калаи Кахкаха II⁷⁸.

Сосуды разного размера со смятыми сливами известны на городище Тали Барзу в слое ТБ III (I—IV вв. н. э.),⁷⁹ обломки сосудов V—VI вв. с энохоевидными сливами-носиками — на холме Тудай Калон в Аште.⁸⁰ Очень близкий кувшин происходит из нижнего слоя пенджикентского городища (конец V — начало VII вв.).⁸¹ Родственные сосуды типа крупных кувшинов с широким устьем, смятым с боков сливом, расположенным под венчиком, и непропорционально маленькой ручкой обнаружены в нижнем⁸² и верхнем (VII—VIII вв.) слоях древнего Пенджикента,⁸³ а также на памятниках соседней Магиан-Дарьи.⁸⁴ Имеются они и на городище Аултапа в Кашка-Дарьинском оазисе.⁸⁵ Подобные сосуды очень характерны для Согда; появившись там еще в первых веках н. э., они бытуют до VII—VIII вв.

Вообще появление небольших кувшинчиков с энохоевидными горлышками, возможно, относится к позднекушанскому времени. Такие сосудики со сферическим туловом, не утяжеленным книзу, и энохоевидным горлышком имеются в слое Беграм II (II — середина III вв. н. э.).⁸⁶ Сосуды типа энохойи с узкой горловиной и смятым сливом, снабженные одной ручкой, в Мерве появляются во II—III вв. н. э. Они отнесены к пятой группе узкогорлых крупных кувшинов и к седьмой группе мелких кувшинчиков⁸⁷. Сосуды этого же типа с низким горлом, слегка отогнутым наружу венчиком, профилированным снаружи рельефными линиями, с одной ручкой, идущей от края венчика, и широким туловом имеются и среди больших мервских кувшинов IV—VI вв.⁸⁸ «Небольшой энохоевидный кувшинчик с подтреугольным устьем, несколько утяжеленным книзу туловом, чуть выпуклым дном и овальной в сечении ручкой», отнесенный к III—началу IV вв. н. э., найден в юго-западном доме халчаянского городища.⁸⁹ Сосуды с энохоевидными горлышками, точно датирующиеся позднекушанскими и раннесасанидскими моментами III—IV вв. н. э., обнаружены на Хайрабадтепа, а также на Балалыктепа (V—VI вв.)⁹⁰. Подобные миниатюрные сосудики, а также крупные кувшины с невысоким узким горлом со сливом, сдавленным с боков, имеются в верхнем слое пенджикентского городища.⁹¹

Таким образом, энохоевидные кувшины бытуют с первых веков н. э. до VI—VIII вв. включительно. Уртакурганская находка перекликается с сосудами поздней группы, однако наличие красного ангоба и более «античный» облик позволяют нам несколько изменить его датировку, беря ее ориентировочно в пределах IV—VI вв.

Что же касается миниатюрного кувшинчика $\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 415 \text{ а}}$, то по своей форме он аналогичен красноангобированному кувшинчику из керамической печи № 1 на поселении Джинтепа Мервского оазиса, датированному последними веками до н. э.—первыми веками н. э.⁹², а также кувшинами из Мерва II—III вв. н. э., особенно восемнадцатой группы по классификации Л. М. Рутковской.⁹³ Кувшинчики с круглым туловом, невысоким горлом, узким отогнутым к внешнему краю венчиком и гладким донцем, изготовленные на гончарном круге и покрытые красноватым ангобом, были найдены в помещении № 12 замка Балалыктепа⁹⁴. Похожий сосуд, но с несколько приземистым горлышком и с носиком найден при проведении разведок в Гиссарской долине⁹⁵. Много сходных сосудов имеется среди материалов из могильников западно-ферганской части Северного Таджикистана⁹⁶. Весьма близкой формы миниатюрный кувшинчик без ручки и слива (VII—VIII вв.) был обнаружен и на городище древнего Пенджикента⁹⁷; другой такой же сосудик, но со сливом происходит из нижнего слоя объекта XII пенджикентского городища.⁹⁸ Учитывая все приведенные аналогии, уртакурганский кувшинчик можно предположительно отнести также к периоду IV—VI вв.

Заканчивая характеристику уртакурганских кувшинов, отметим еще находки фрагментов трех миниатюрных узкогорлых грубых лепных кувшинчиков. Первый (рис. 40, 11) изготовлен из красной глины с примесью толченого камня; он имеет не очень выпуклое тулово, вертикальное горлышко с прямой невыделенной закраиной. Второй ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 482}$, рис. 40, 10) — толстостенный, вылеплен из грубой глины болотного цвета также с примесью измельченного камня; он имеет короткое узкое горлышко, постепенно расширяющееся книзу тулово и сильно отогнутую тонкую закраину. Третий (рис. 42, 4 и 40, 5) кувшинчик почти целый, но склеен из обломков; он имеет маленькое неустойчивое дно, широкое выпуклое тулово, непропорционально маленькое горлышко, завершающееся чуть отогнутой закраиной. Высота кувшинчика 18 см, диаметр дна и венчика по 5 см.

Все три описанные кувшинчика имели явно кухонное назначение; особенно очевидно это на втором, который сильно перекален на огне.

Кухонные глиняные котлы. Они представлены многочисленными обломками венчиков, боковин, а также донных частей. Среди них имеются экземпляры как ручной лепки, так и изготовленные на круге; все сделаны из красноватой глины (за исключением одного сероглиняного фрагмента), в тесте большая примесь измельченного кам-

ня сланцевых, известковых и других пород. Многие котлы покрыты красноватым и светлым ангобом. Обжиг равномерный, но некоторые перекалены.

По форме венчиков котлы можно разделить на 7 типов.

Первый тип представлен четырьмя обломками от верхней части крупного широкогорлого толстостенного котла с прямой высокой горловиной и довольно массивной закраиной, отогнутой наружу под прямым углом. На плечиках две ручки в виде массивных полукруглых сильно выступающих налипных валиков с зубчатыми гранями. Диаметры венчика: внутренний 33, внешний 37 см. Котел комбинированной выделки: нижняя часть ручной лепки, а горловина и венчик отформированы на гончарном круге ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 454}}$, рис. 41, 4; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 455}}$, рис. 41, 5; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 456}}$, рис. 44, 4; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 476}}$, рис. 41, 2).

Второй тип представлен обломками верхних частей семи средних и малых котлов. Все они грубой ручной лепки, но сравнительно тонкостенные, имеют прямые невысокие (1,5—3 см) несколько отогнутые наружу закраины ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 426}}$, рис. 44, 12; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 439}}$, рис. 41, 1; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 457}}$, рис. 44, 15; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 477}}$, рис. 41, 3; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 479}}$, рис. 44, 13; КП 542/78, 79, рис. 44, 22, 18).

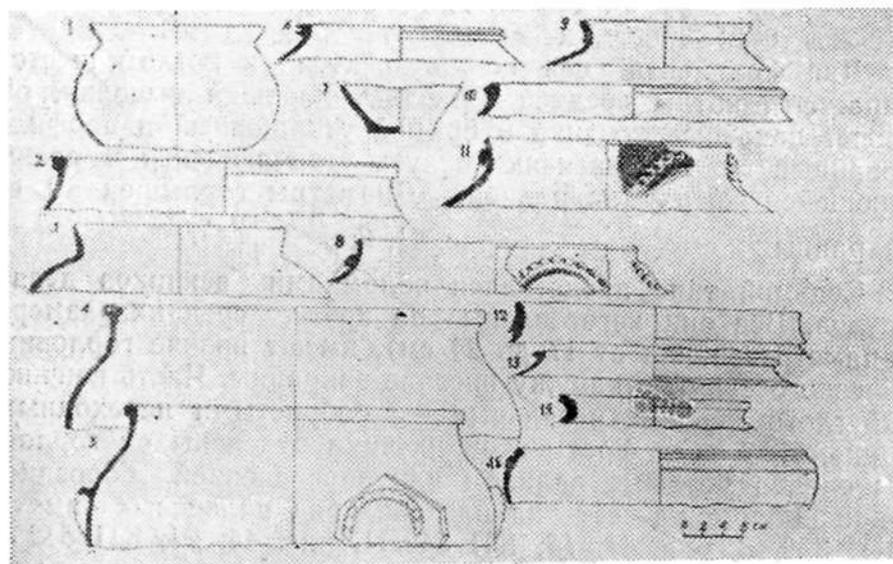

Рис. 44. Уртакурган. Керамика.

К третьему типу могут быть отнесены два фрагмента закраины широкогорлых котлов. Они несколько лучшей выделки, видимо, подправлены на круге. Закраины толстостенные, также прямые и невысокие, чуть отогнутые наружу. На обоих фрагментах сохранились ручки — налепы в виде овально уложенного жгутика, расположенного на венчике ниже закраины. Верхняя часть налепа для лучшего укрепления на всю длину продавлена пальцами. Диаметр закраины 33 см (КП 542/14, рис. 41, 8; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 424}}$, рис. 41, 11).

К четвертому типу котлов мы относим два фрагмента венчиков широкогорлых крупных сосудов. Они сделаны на гончарном круге, толстостенные. Венчики невысокие, прямые, но в отличие от предыдущих очень массивные (почти удвоенной толщины) и с наружной стороны отделены от горловины широким валиком. Диаметр венчиков: 37 и 24 см (КП 542/59, рис. 41, 12; КП 542/71, рис. 44, 17). К этому же типу можно отнести венчик от котла среднего размера (диаметр венчика 16 см) такой же формы, но с дополнительным валиком по верху закраины. Венчик этот отформован на круге (КП 359/49, рис. 44, 6).

К пятому типу относятся малые и средние довольно изящной формы коглы станковой работы. Они имеют, судя по сохранившимся фрагментам, шаровидное тулово, непосредственно переходящее в низкий, прямой четко выделенный и профилированный венчик. Диаметры венчиков: 17 см, 12, 11 и 14 см (КП 542/52, рис. 44, 8; КП 542/77, рис. 44, 19; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{КТ-438}}$, рис. 44, 5; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{КТ-484}}$, рис. 44, 3).

Два фрагмента венчиков относятся к котлам шестого типа. Эти котлы средней величины, хорошей выделки, они имеют покатные плечики и прямой утолщенный и профилированный снаружи венчик с чуть утончающейся и расширяющейся кверху закраиной. Диаметры горлышек 19 см, закраины 22 см ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 416}}$, рис. 41, 9; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 453}}$).

Седьмой тип представлен обломками венчиков девяти котлов. Все они изготовлены на круге, средних размеров (диаметр венчика от 17 до 24 см), имеют низкие горловины и резко отогнутые наружу висячие закраины. Часть венчиков округлого сечения, остальные — с ребристыми переходными гранями. У всех фрагментов плечики отделены от горловины едва заметным валиком или прочерченной бороздкой. Один обломок имеет на плечике ряд пальцевых вмятин (КП 359/48, рис. 41, 13; КП 542/11, рис. 44, 21; КП 542/36, рис. 44, 10; КП 542/69, рис. 39, 38, 39; КП 542/70, рис. 44, 20; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 417}}$, рис. 44, 3; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 425}}$, рис. 44, 25; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 442}}$, рис. 44, 1;

рис. 44, 10; КП 542/69, рис. 39, 38, 39; КП 542/70, рис. 44, 20; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 443}}$, рис. 44, 24; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 463}}$, рис. 44, 2). К этому же типу можно отнести фрагмент сероглиняного котла с низкими выпуклыми плечиками и непропорционально миниатюрной отогнутой наружу висячей закраиной ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{КТ-452}}$, рис. 44, 7) и обломок венчика котла с утолщенной горловиной и несколько отогнутой наружу закраиной ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 405}}$, рис. 41, 14).

Кухонные котлы были как плоскодонные, так и круглодонные, но имеется еще один фрагмент плоского устойчивого (диаметр 13 см) доньшка (КП 542/22, рис. 41, 7).

подавляющее большинство обломков котлов найдено во дворе при расчистке южной и юго-западной его стен и лишь несколько фрагментов — в постройке верхнего горизонта центрального холма.

Кружковидные водокипятильники. Это вторая разновидность кухонных сосудов, которые представлены одним почти целым сосудом ($\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 483}}$, рис. 42, 3 и 40, 4), двумя обломками с ручками (КП 359/33, рис. 43, 5; КП 542/49, рис. 43, 9) и фрагментами верхних частей других сосудов (КП 542/74, рис. 44, 23; $\frac{\text{ЛМ-60}}{\text{К-Т 460}}$, рис. 44, 14).

Полную форму можно охарактеризовать как кумганчик в виде крупной кружки с почти прямыми стенками, прямой чуть выделенной закраиной и плоским несколько вогнутым доньшком. Закраины у упомянутых фрагментов больше отогнуты наружу. Три из пяти имеют петлевидные ручки (в одном случае — из двух жгутиков). Размеры целого кумганчика: высота 10,5 см, диаметр закраины 10 см, средней части 11,5, доньшка 7,5 см. Диаметр закраин двух других обломков 12 и 15 см. Все фрагменты перекалены и закопчены.

Горшковидные сосуды. Представлены только обломками и значительным количеством венчиков. За исключением двух случаев, все выполнены на гончарном круге. Глина красноватая разных оттенков, иногда с примесью песка; обжиг в большинстве случаев равномерный, но некоторые фрагменты перекалены до темно-серого цвета. Четыре обломка покрыты светлым ангобом.

Поскольку целых экземпляров этих сосудов не сохранилось, мы лишены возможности судить об их облике в целом. Что касается представленных венчиков, то они могут быть подразделены на семь типов, варьирующих от простых закраин до довольно сложно профилированных.

Первый тип характеризуется высокой расширяющейся

кверху горловиной, с прямой, ничем не выделенной закраиной. Таких фрагментов два: первый ($\frac{LM-60}{K-T 492}$, рис. 40, 8) ручной выделки, диаметр закраины 12 см.

Второй тип, представленный целой верхней частью узкого горлого сосуда, имеет почти такую же высокую расширяющуюся кверху горловину, но отличается отогнутым, четко выделенным снаружи венчиком. Диаметр горловины снаружи 7,5 см, диаметр венчика 10 см. Сосуд этот толстостенный, ручной выделки, на плечиках украшен неровным рядом ногтевых вырезов, а по всей окружности внутренней поверхности горлышка еще по сырой глине прочерчен ряд (более 20) довольно частых вертикальных линий (КП 359/32, рис. 40, 6).

Третий тип сосудов имел низкую, резко расширяющуюся книзу горловину и округлый плавно отогнутый наружу венчик. Один такой венчик склеен из нескольких обломков ($\frac{LM-60}{K-T 407}$, рис. 40, 12), диаметр его 12,5 см, диаметр горлышка 10,9 см. Диаметр второго фрагмента такого венчика 11 см ($\frac{LM-60}{K-T 473}$, рис. 39, 22).

Четвертый тип горшков имел низкую горловину, хорошо профилированный плавно отогнутый наружу венчик с четкими и острыми в двух случаях висячими наружными гранями. Нижняя наружная грань одного сосуда украшена волнистыми пальцевыми вдавлениями. Фрагментов этого типа всего пять. Их диаметр от 12 до 17 см (КП 542/12, рис. 39, 20; КП 542/46, рис. 39, 1; КП 542/52, $\frac{LM-60}{K-T 444}$, рис. 39, 2; $\frac{LM-60}{K-T 494}$, рис. 39, 11).

Пятую группу составляют венчики с гладкой верхней полочкой и отогнутой под прямым углом закраиной. Горлышки этих сосудов прямые, чуть сужены кверху под венчиком. Диаметры венчиков от 13 до 20 см. В эту группу входят фрагменты пяти горшков (КП 542/33, рис. 39, 35; КП 542/58, рис. 39, 29; $\frac{LM-60}{K-T 423}$, рис. 39, 10; $\frac{LM-60}{K-T 436}$, рис. 39, 12; $\frac{LM-60}{K-T 462}$, рис. 39, 21).

Шестой тип венчиков представлен фрагментами двух широкогорлых горшков. Венчики имеют почти ровную верхнюю полочку, снаружи изящную профилировку двумя выступающими острыми гранями — ушками. Диаметр венчиков 20—22 см (КП 542/24, рис. 41, 6; КП 542/52, рис. 44, 9).

Единичный фрагмент дает основание предполагать на-

личие седьмого типа рассматриваемых сосудов — с узким горлом и чашеобразно расширяющейся массивной головкой-венчиком (КП 542/51, рис. 39, 15).

Обломки горшков обнаружены среди подъемного материала (1 фрагмент), в здании нижнего горизонта центрального холма (8 фрагментов) и при расчистке южной и юго-западной стен двора замка.

Чаш и миски. Они представлены всего несколькими фрагментами закраин (2 шт.) и донышек (4 шт.). Первый фрагмент закраины принадлежит плоской и широкой миске (диаметр 23—24 см), сделанной на круге из красной глины и покрытой бледно-коричневым ангобом ($\frac{LM-60}{K-T 437}$). Второй мелкий обломок происходит от глубокой чаши с закругленной прямой закраиной. Снаружи под закраиной имеются две горизонтальные бороздки, профилирующие верхнюю часть стенки чаши ($\frac{LM-60}{K-T 448}$, рис. 41, 15).

Донышки чаш и мисок разных размеров сделаны на круге, но довольно небрежно; глина красноватая разных оттенков; снаружи стенки над донышками подрезаны ножом. Среди обломков лишь один имеет поддон.

Фрагменты чаш и мисок обнаружены в постройках верхнего и нижнего горизонтов центрального холма и при расчистке стены двора (КП 359/44, рис. 39, 42; КП 542/16, рис. 39, 40; КП 542/17, КП 542/38, рис. 39, 44).

Кружки. Количество обломков их — стенок, закраин и ручек — значительно (23 экз.). Все они принадлежат тонкостенным сосудам малого размера (за исключением двух) изящной профилированной формы, изготовленным на круге. Глина чистая, хорошо отмученная, красноватая (в большинстве) и сероватая, обжиг хороший. Лишь 4 фрагмента покрыты красным ангобом, а 1 — коричневым.

Представление о формах кружек дает рис. 43 (верхние ряды). Они имеют плоское не очень устойчивое дно ($\frac{LM-60}{K-T 498}$, рис. 43, 22), выпуклое, сильно расширяющееся в средней части тулово, суженную вертикальную шейку, завершающуюся прямой утонченной закраиной (закраины малых кружек имеют диаметр 8—13 см, а средних — 17—20 см). Лишь у одной кружки закраина оформлена в виде чуть выступающего наружу валика ($\frac{LM-60}{K-T 491}$, КП 359/46, рис. 43, 13). На широкой части тулова двух кружек при формовке были сделаны пальцевые вмятины (КП 542/45; $\frac{LM-60}{K-T 470}$, рис. 43, 3).

На большинстве рассматриваемых сосудов переход от

шейки к тулову отмечен валиком. Ручки обычно расположены в широкой части тулова; они петлевидной формы, некоторые посередине имеют едва заметные вертикальные горбы или желобки. У двух крупных кружек ручки овальные в сечении и более массивные (КП 542/21, рис. 43, 8; КП 359/41, рис. 43, 16). На верхней части одной ручки имеется наклепной глиняный диск для упора большого пальца руки ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 431}$, рис. 43, 12).

Обломки кружек⁹⁹ обнаружены в постройке верхнего горизонта (шифры с КП 359), в здании нижнего горизонта центрального холма (шифры с ЛМ-60) и при расчистке юго-западной стены двора замка (шифры с КП 542).

Единичные типы сосудов. В постройке верхнего горизонта центрального холма обнаружен фрагмент светильника (чирага) в виде миниатюрной глубокой площадки с едва намеченным носиком с одной стороны (КП 359/37). Среди подъемного материала, собранного на поверхности холма Уртакурмана, имеется фрагмент стенки кувшиноподобного сосуда с отверстием (диаметр 1 см) — вероятно, типа керамических маслоек (КП 359/34).

Наконец, особо следует отметить фрагменты кувшинов с интересным геометрическим узором; сосуда эти, видимо, представляют собой подражания металлическим изделиям.

Два из них (части плечиков) ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 488, 487}$, рис. 39, 6, 17) происходят от различных сосудов, но имеют одинаковый узор, разделенный на две горизонтальные полосы, окаймленные горизонтальными же прорезными линиями. Верхняя полоса заполнена рядом глубоко врезанных остроконечных стреловидных фигур; на нижней полосе через определенные промежутки расположено три треугольных врезки, отделенные барьерчиками, также украшенными рядом треугольных миниатюрных врезочек.

Два других фрагмента ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 414, 421}$, рис. 39, 25, 32) принадлежат одному кувшину. Первый из них — обломок прямоугольной в сечении ручки с уплощенным подрезанным ножом ромбовидным основанием нижней части. Лицевая сторона ручки имеет вертикальный валик, украшенный двумя рядами трапециевидных зубцов. Второй фрагмент — плечики сосуда; на нем вырезан узор, состоящий из двух горизонтальных примыкающих друг к другу поясов. Верхний пояс образуют вписанные один в другой треугольники, основания которых, чередуясь, обращены вверх и вниз; нижний пояс состоит из квадратных рамок, в которых вырезано по четыре небольших треугольника. Поверхность этого кувшина тщательно заглажена и залощена до блеска.

Весь узор на описанных фрагментах выполнен по сырой глине острым, видимо, ножеподобным инструментом специального назначения.

Сосуды с резным или штампованным орнаментом подобного характера имеются среди мервской и самаркандской керамики саманидского и караханидского периодов,¹⁰⁰ однако рассматриваемые здесь фрагменты обнаружены в здании нижнего горизонта центрального холма замка и соответственно датируются более ранним временем.

Заканчивая обзор керамики, найденной при раскопках на Уртакургане, следует отметить, что она заметно дополняет имевшееся ранее представление о неполивной раннесредневековой уструшанской керамике, первая коллекция которой с трех городищ Калаи Қахқаха была опубликована в предыдущей книге¹⁰¹. Уртакурганская неполиваная керамика в целом характеризуется высоким качеством выделки и сравнительным разнообразием форм сосудов. Основная масса ее относится ко времени функционирования здания нижнего горизонта центрального холма, которое, судя по находкам монет, падает на вторую половину VIII в. н. э. Лишь единичные изделия, возможно, следует относить к предыдущим столетиям. Однако точное определение их времени пока еще невозможно, поскольку эволюция форм сосудов на протяжении IV—VI вв. не установлена.

ДРУГИЕ НАХОДКИ

Кроме обломков глиняных сосудов, при раскопках замка Уртакурган обнаружены также металлические и стеклянные изделия, прясла, предметы из камня и кости.

Металлические изделия. Они немногочисленны: это маленький бронзовый колокольчик, обломок бронзовой пластины неясного назначения и около 10 фрагментов железных предметов.

Бронзовый колокольчик имеет полушаровидную форму, чуть заостренную закраину и следы (отломанной) вертикальной тонкой пластинки, видимо, имевшей отверстие для подвески. Следы петель для язычка отсутствуют ($\frac{\text{ЛМ}-60}{\text{К}-\text{T} 495}$, рис. 45, 7). Высота колокольчика 11 мм, диаметр 22 мм. Найден он в северном конце осевого коридора здания нижнего строительного комплекса центрального холма.

К числу железных предметов относится часть однолезвийного железного ножа с очень длинным и узким острием, обнаруженная при зачистке внутренней поверхности стены ограды двора (КП 542/6, рис. 45, 5). Также найден другой железный предмет в виде массивной круглой выпукло-вог-

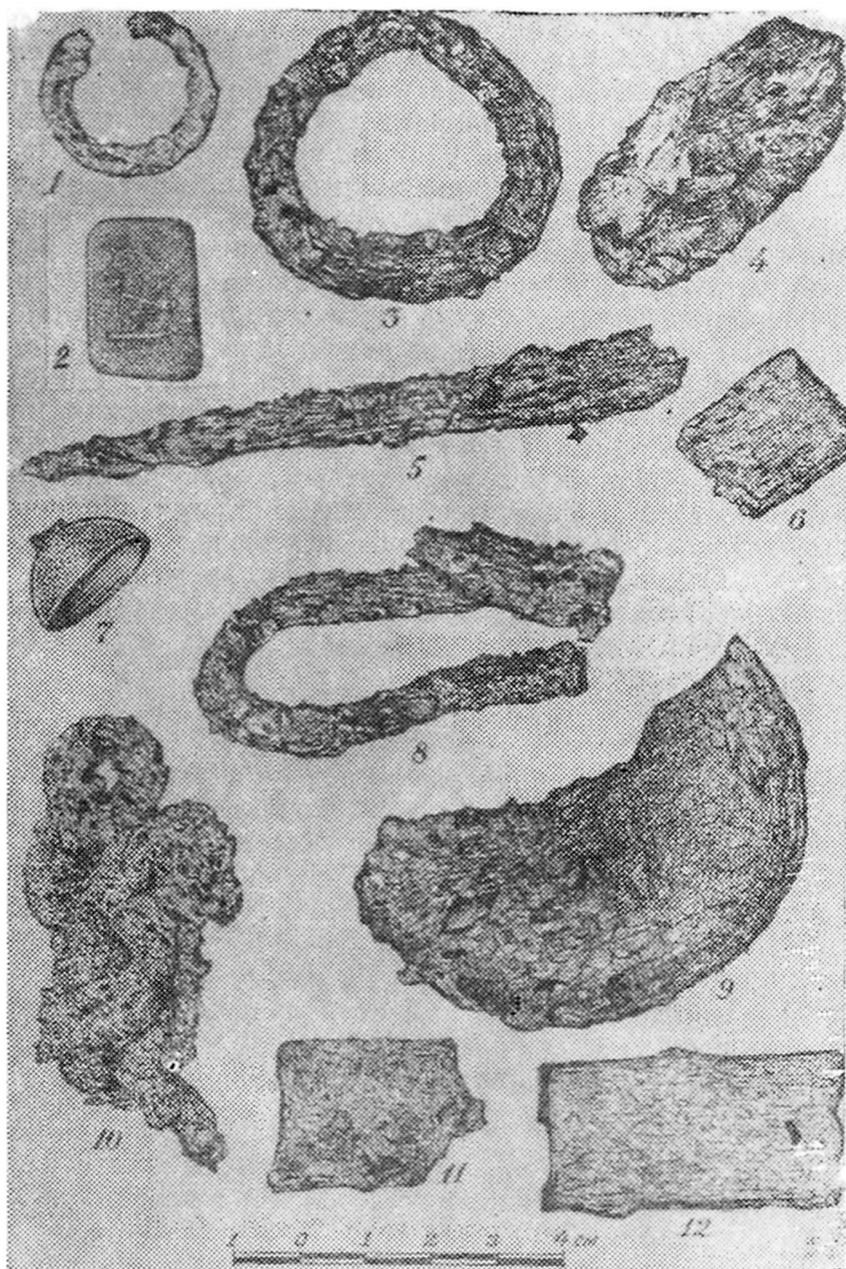

Рис. 45. Уртакурган. Находки.

нутой пластины. Диаметр 67 мм, наибольшая вогнутость поверхности 6 мм ($\frac{LM-60}{KT-498}$, рис. 45, 9). Назначение неясно. Вместе с упомянутым обломком ножа обнаружено небольшое несомкнутое железное кольцо с утолщением на одном конце, возможно, изображавшем змеиную головку (?). Диаметр его 15—17 мм (КП 542/8, рис. 45, 1).

Следует упомянуть также находку неплохой сохранности железной петли сердцевидной формы с округлой уплощенной верхней частью, в центре которой имеется отверстие для ушка (максимальный диаметр 30 мм). Такие петли могли принадлежать конской сбруе ($\frac{LM-60}{K-T 501}$, рис. 45, 3). Среди находок имеются сильно проржавевшие, но безошибочно определяемые звенья железной цепи ($\frac{LM-60}{K-T 499, 500}$, рис. 45, 8, 10), а также два фрагмента железной продолговатой пластинки со следами маленьких отверстий, видимо, от ручки ножа ($\frac{LM-60}{K-T 496}$, рис. 45, 6, 12) и другие неясные железные обломки (КП 542/7, рис. 45, 4; $\frac{LM-60}{K-T 497}$, рис. 45, 11).

Стеклянные изделия. Они представлены лишь тремя обломками крупных сосудов, которые все обнаружены при расчистке внутренней стороны стены двора. Из них два — от донышек, видимо, бутылковидных сосудов, причем одно дно было плоским (КП 542/20, рис. 46, 13), а другое — вогнутым (КП 542/19, рис. 46, 9, изображено в перевернутом состоянии). Третий фрагмент — нижняя часть сосуда типа изящных тонкостенных высоких плоскодонных графинов. Диаметр донышка 9,8 см, толщина его 3 мм (КП 542/18, рис. 46, 11).

Сосуд этот, видимо, близок графинам-бутылям со слегка конусообразным резервуаром, которые по классификации А. А. Абдуразакова, М. А. Безбородова и Ю. А. Заднепровского выделены в типы № 15 и 18 средневековых стеклянных изделий¹⁰². Они имеются в коллекциях Самаркандского музея¹⁰³, Ленинградского Эрмитажа¹⁰⁴, обнаружены также в замке Калаи Боло¹⁰⁵.

Каменные изделия. Их обнаружено только два. Одно из них — массивный короткий отшлифованный пестик близкой к сфероконической формы, с утончающимся выпуклым рабочим концом. Для удобства держания от него отбиты отдельные пластины и сделаны упоры для пальцев руки. Длина пестика 8,8 см, диаметр: у рабочего конца 3,7 см, у места охвата рукой 3,5 см, вес 420 г. Найден он при расчистке южной стены ограды двора (КП 542/9, рис. 46, 14).

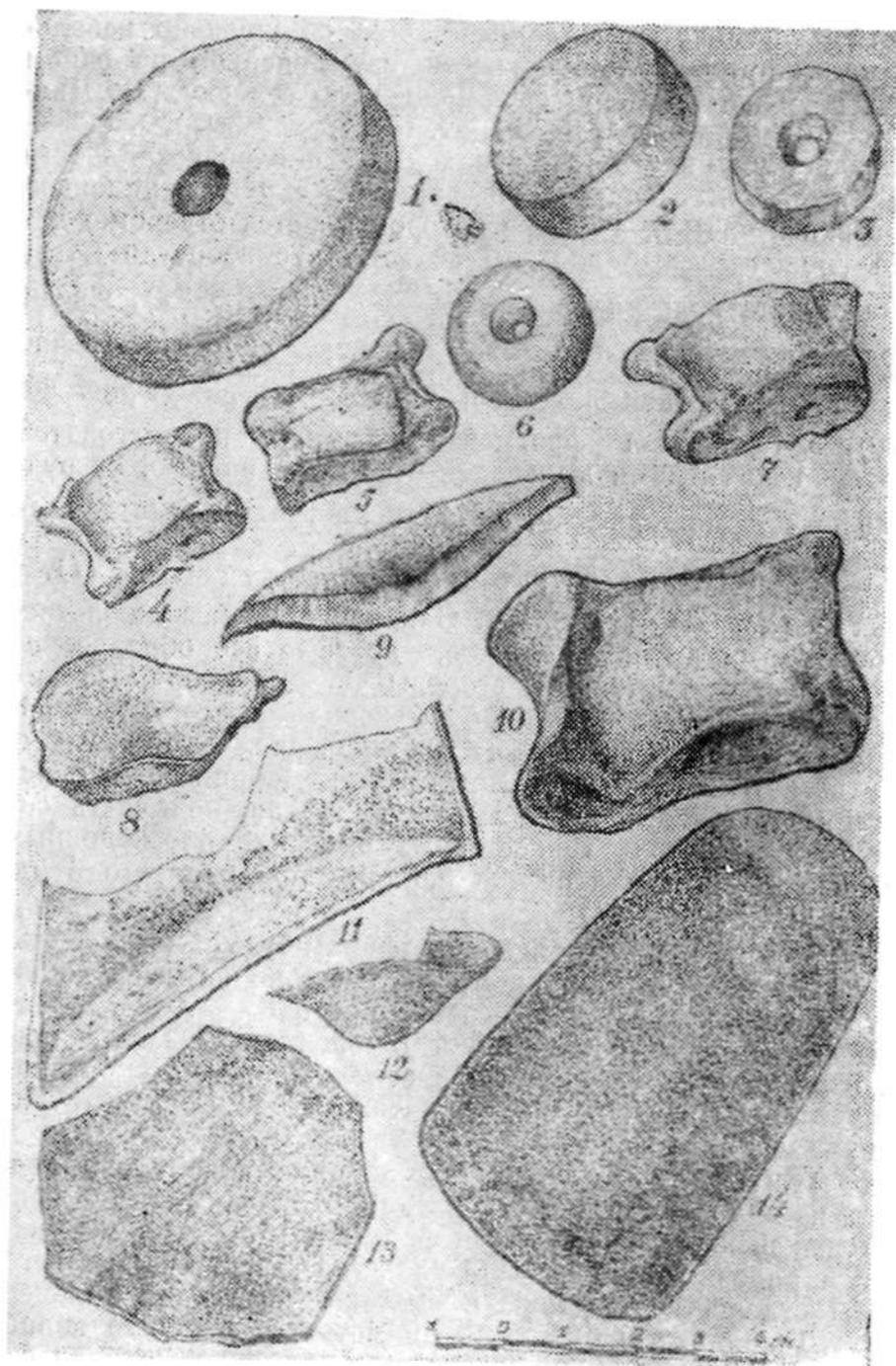

Рис. 46. Уртакурган. Находки.

Интересен второй каменный предмет. Это миниатюрная отшлифованная тонкая черная галечка прямоугольной формы (длина 24 мм, ширина 17, толщина 4—5 мм). На одной поверхности ее процарапан рисунок, трудно поддающийся точному определению, но, возможно, изображающий стилизованного шахматного коня. Галька эта найдена в постройке верхнего горизонта центрального холма (КП 359/77, рис. 45, 2).

Прясла. Их найдено четыре — все керамические (в том числе одна заготовка). Самое крупное прясло специально изготовлено из красной глины хорошего обжига; одна сторона несколько выпуклая (видимо, лицевая), покрыта светлым ангобом. Диаметр 58 мм, толщина 11 мм, диаметр отверстия 9 мм. Прясло это найдено у южной стены ограды двора (КП 542/2, рис. 46, 1). Второе пряслице, собственно заготовка, вырезано из обломка красноглиняного сосуда; отверстие не просверлено. Диаметр 30 мм, толщина 10 мм. Найдено на поверхности холма (КП 542/5, рис. 46, 2). Третье пряслице также вырезано из красноглиняного керамического обломка довольно грубо. Диаметр прясла 23 мм, диаметр отверстия 8 мм, толщина 8 мм. Найдено у южной стены ограды Уртакургана (КП 542/3, рис. 46, 3). Четвертое, самое маленькое, пряслице (диаметр изделия 22 мм, диаметр отверстия 5 мм, толщина 10 мм) обнаружено в постройке верхнего горизонта центрального холма Уртакургана. Оно изящной округлой в сечении формы, специально изготовлено из красной глины, покрыто тонким слоем красного ангоба (КП 359/75, рис. 46, 6).

ДАТИРОВКА И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УРТАКУРГАНА

Для датировки здания второго горизонта холма Уртакурган особенно большое значение имеют монеты, которых здесь найдено пять¹⁰⁶. Одна из них, обнаруженная на полу осевого коридора в 135 см от входа в помещение № 4, из низкопробного серебра, чеканена по образцу сасанидских монет после арабского завоевания. Такого типа монеты в письменных источниках назывались дирхемами мусейяби, мухаммади или гитриффи. Найденный экземпляр мог обращаться в Средней Азии с конца VIII в. до конца X в. Четыре другие монеты были найдены в кирпичном завале дверного проема помещения № 4, на уровне 1 м выше пола. Все они — медные аббасидские фельсы, чеканенные в Бухаре и Самарканде в 60-х годах VIII в. На одной сохранилась дата — 148 г. хиджры (765—766 г. н. э.).

Эти монеты, а также другие находки и некоторые архи-

тектурные особенности позволяют относить период интенсивной обжитости здания второго горизонта холма Уртакурган ко второй половине VIII в. и началу IX в. н. э. Здание погибло в результате пожара, связанного, может быть, с военными действиями, завершившимися окончательным завоеванием Уструшаны в 822 г.¹⁰⁷ Но указанная датировка, как представляется, нуждается в уточнении: постройка здания, насколько можно судить по отмеченным выше своеобразным формам керамики, возможно, должна быть отнесена к несколько более раннему времени. В пользу этого говорит также наличие прямоугольных башен. Процесс усовершенствования фортификации, проявившийся, в частности, в переходе от прямоугольных башен к более совершенным, овальным или округлым, был отмечен С. П. Толстовым для памятников Хорезма VI—VII вв. (Тешиккала и др.).¹⁰⁸ и Г. А. Пугаченковой — для Южного Туркменистана на примере Хосровкалы¹⁰⁹.

Но все высказанное ни в коей мере не влияет на основное заключение, которое мы вправе сделать относительно хронологического места Уртакургана: это, несомненно, раннесредневековый замок.

Результаты исследования Уртакургана представляют интерес прежде всего для изучения истории среднеазиатского и в особенности уструшанского замкового строительства.

На протяжении последних десятилетий в различных районах Средней Азии изучено сравнительно большое количество раннесредневековых замков. Значительная группа их подробно исследуется в беркуткалинском и яккепарсанском оазисах Хорезма¹¹⁰, раскопан замок Актепа в Чаче,¹¹¹ монографически изучены Қалаи Боло в Западной Фергане¹¹² и Балалыктепа в Тохаристане¹¹³, исследованы замки Большая и Малая Нагимкала, Большая и Малая Қызкала и другие в Мервском оазисе¹¹⁴. Эти и другие замки дают реальную основу для правильного понимания довольно частых упоминаний средневековыми арабоязычными авторами дехканских кешков в сельских округах среднеазиатских городов и областей.

Нами приводились имеющиеся скудные сведения письменных источников о замках-крепостях Уструшаны, которых указывается 400. Согласно ал-Якуби: «Уструшана — страна обширная, говорят, что в ней 400 крепостей-замков и множество больших городов». Ахмад ал-Катиб пишет, что Уструшана — это «растянувшаяся и важная страна, которая заключает, как говорят, 400 крепостей и несколько больших городов», а по ад-Димешки, в округе Уструшаны свыше 400 замков и несколько городов¹¹⁵.

У исследователей истории Средней Азии, рассматривав-

ших эти известия, вызывала определенные сомнения многочисленность замков; этому способствовало и отсутствие каких-либо подробностей, раскрывающих их характер.

Многолетние раскопки в районе Шахристана, а также разведочное исследование памятников других основных районов Уструшаны позволяют отбросить всякие сомнения в правильности указаний письменных источников; кроме того, мы можем уже более конкретно поставить вопрос о характере раннесредневековых замков Уструшаны. Конечно, замковое зодчество Средней Азии, взятое в целом, имеет близкую архитектурно-фортификационную схему, что обусловлено общей феодализирующейся социальной средой, сходными природно-географическими условиями, этническим родством населения и тесными, разносторонними взаимоотношениями отдельных его групп; однако все же в этом зодчестве закономерно предполагать наличие некоторых локальных особенностей в планировке конструкций, строительных материалах и пр.

К настоящему времени в районе Шахристана — столичном округе Уструшаны — раскопано три сооружения замкового типа: Калаи Кахкаха II¹¹⁶, ныне публикуемый Уртакурган и (подготавливаемая к изданию) Чильхуджра. Остатки четвертого большого монументального замка, построенного, вероятно, в IV—V вв., вскрыты в толще крупного многослойного строительного массива в западном секторе северо-восточной части городища Мунчактепа (Раскоп I). К сожалению, в силу ряда причин, замок этот, как и все городище в целом, не был полностью раскопан, а подробный отчет о проведенных здесь работах пока еще не опубликован¹¹⁷. Ввиду неясности планировки этого памятника, в частности соотношения с городищем, мы лишены возможности использовать его в полной мере для предпринимаемой ниже попытки различить типы уструшанских замков.

Интересующие нас замки при наличии историко-функциональной общности характеризуются определенными различиями конкретных приемов зодчества. Часть из них в настоящее время может быть с точки зрения их общепланировочной структуры и удельного веса военно-фортификационных сооружений разделена на два типа.

Первый тип представлен сейчас двумя памятниками: Калаи Кахкаха II и Уртакурган. Общей особенностью их является доминирующее место монументальной парадно-жилой внутренней постройки, поднятой на высокой искусственной платформе, при наличии комплекса оборонительно-фортификационных сооружений вокруг двора, включающего в себя в одном случае мощные стены, снабженные прямоугольными башнями и внутренним банкетом (Уртакур-

ган), а в другом — дополнительным внешним рядом стен-фасила (Калаи Кахкаха II). Но в то же время они отличаются друг от друга в некоторых деталях планировки и представляют собой два варианта одного типа. Калаи Кахкаха II имеет обширный прямоугольный двор, расположенный фактически с одной стороны, и трехъярусную постепенно повышающуюся в сторону двора постройку. Эта ярусная система возведения постройки позволила вынести высоко над осью двора парадную (тронную) комнату-лоджию с открытой во двор стороной; таким образом, постройка и двор объединены единой планировочной идеей. Данный вариант замков первого типа условно можно назвать столичным, с учетом того, что Калаи Кахкаха II является составной частью комплекса города, идентифицированного со столицей Уструшаны Бунджикатом¹¹⁸.

Уртакурган может быть отнесен ко второму, условно — сельскому варианту первого типа. Его внутренняя постройка расположена в центре двора, она одноярусная, хотя и поднята высоко на платформе; двор круговой, узкий (лишь в юго-западной части он несколько расширяется). Замок стоит обособленно, не входя в какую-либо более крупную общую оборонительную систему (как это имеет место в Калаи Кахкаха II), и поэтому здесь более четко выражены элементы фортификации: его внешняя ограда-стена снабжена частыми башнями (куртина между двумя зачищенными юго-западными башнями 19,75 м) и банкетом — помостом для защитников. Заметим также, что в силу фортификационных соображений в юго-западной стене замка, где имеется максимально удобный подступ к нему, нет ворот; судя по зачисткам, именно эта сторона более укреплена.

Второй тип замков Уструшаны представлен пока одной Чильхуджрой. Основная особенность этого типа — укрепленность самого здания. Во-первых, использовано удобное естественное расположение — на конечном гребне узкого выдающегося в долину «языка», во-вторых, налицо значительное утолщение высоких внешних стен (всех строительных периодов), которые в последнем строительном периоде были снабжены угловыми башнями.

Оборонительный характер основного здания Чильхуджры сочетается с наличием боковой южной постройки; она имеет мощные высокие глухие наружные стены и выходящие во внутренний дворик помещения жилого и кухонного назначения — таков в целом ансамбль замка. Следует отметить, что укрепленный характер упомянутой дворовой постройки подчеркнут также длинным двухколенчатым пандусным подъемом с мощными боковыми стенами и выносной башней у входа.

Возможно, к этому же типу принадлежит и мунчактепинский замок. Хотя мы не имеем достаточных данных о соотношении его с городищем и не можем проследить отдельные элементы планировки (наличие двора и пр.), все же сопоставление с Чильхуджрой позволяет выявить отдельные черты сходства: наличие галерей с внутренними помещениями и очень высокой платформы.

Конечно, все сказанное выше — лишь первая попытка классификации замков Уструшаны, сделанная на основе анализа их общепланировочной структуры и фортификационной системы. Базируется она пока на очень малом количестве полностью раскопанных памятников и поэтому в будущем неизбежно подвергнется уточнению.

Предлагаемое разделение замков на типы внешне сходно с классификацией беркуткалинских сельских замков-усадб раннесредневекового Хорезма, однако сами типы здесь отличны. Беркуткалинские замки на основании их планировки разделены «на две большие группы: усадьба с донжоном и без него». Как показали раскопки и разведки, памятники обеих групп представляют собой большие дома-массивы с подведенной под общую крышу сплошной застройкой, делившейся пополам коридором или располагавшейся вокруг небольшого дворика.¹¹⁹ Количественно преобладающей является первая группа.

Выделенные нами типы различаются по двум признакам: планировке и удельному весу фортификационной системы. Например, замки первого типа, казалось бы подходящие под определение «усадьба с донжоном», таковыми фактически не являются прежде всего потому, что их основные внутренние постройки не снабжены специальными укреплениями и соответственно не могут быть названы донжонами.

Однако в некоторых общих моментах сходство все же прослеживается. Е. Е. Неразик считает усадьбы без донжона, следующие по своей планировке принципам хорезмийского античного крепостного зодчества, включающим в себя наличие обходной галерей вдоль стен, более ранними, чем замки с донжонами.¹²⁰ Последние она относит в основном к VII—VIII вв. Это мнение находит подтверждение и в исследованиях замков Уструшаны. Чильхуджа, в принципе родственная беркуткалинским усадьбам без донжонов, построена несколько раньше (V—VII вв.) Уртакурмана и Калаи Кахкаха II (VII—VIII вв.), сопоставляемыми с беркуткалинскими усадьбами с донжонами. По наличию укрепленных стен, двора и внутреннего основного здания первый тип замков Уструшаны внешне сходен с большой группой беркуткалинских и яккепарсанских замков с донжонами: Тешиккала, Яккепарсан, Уйкала, Адамликала, Кошпарсан № 2, замками № 82, 11, 10,

16 (во всех этих крупных замках донжоны расположены в центре двора и являются многокомнатными жилыми сооружениями), а также № 94, 37, 55, 15 и др.¹²¹ Что же касается второго типа, то он имеет некоторую общность с такими усадьбами без донжона, как № 66 (IV—VI вв.), 68 (IV—VII вв.), 32 (VI—VIII вв.), 12 и 58, ряд из которых снабжен обходными галереями,¹²² а также с замками № 92 и 19 с отдельно стоящим зданием — донжоном № 59. Но последние, в отличие от уструшанских замков, очень малы и просты по планировке.¹²³

Если сопоставить уструшанские замки с замками других областей Средней Азии, то тут выявляется больше сходства. Так, прослеживается общее сходство замков первого типа с Тали Барзу (V—VIII вв.)¹²⁴ и кухандизом известных развалин Шахри Вайрон, отождествляемых с раннесредневековым городом Тававис между железнодорожными станциями Кизилтепа и Каттакурган,¹²⁵ и с замком Мунчактепа (Кабадиян).¹²⁶ С первым вариантом первого типа внешне сопоставлены три раннесредневековых еще не раскопанных городища Чуйской долины: безымянное близ колхоза им. Коминтерна, Петропавловское и Новопокровское II,¹²⁷ а также покинутые жителями в VII—VIII вв. Мудинтепа в 20 км к северо-западу от г. Карши¹²⁸ и Дуньетепа на севере Джизакского оазиса.¹²⁹ Кроме того, возможно, что с замками первого типа имеют отдаленное родство жилые башни в комплексах домов IX—X вв. Мервского оазиса (на городищах Дурнали, Мунонттепа).¹³⁰

Ближайшую аналогию второму типу замков представляет собой замок Актепа (V—VII вв.). Он близок Чильхуджре и замку на Мунчактепа по планировке и фортификационным элементам основного двухэтажного здания, а также по наличию сильно укрепленного и частично застроенного двора, расположенного с одной стороны.¹³¹ Близок к нему и согдийский замок V в. н. э. Аултапа, располагавшийся на среднем течении Кашка-Дарьи, на месте плотины Чимкурганского водохранилища. Основным элементом первого этажа, видимо, двухэтажного квадратного в плане Аултапа, так же, как и Чильхуджры, замка на Мунчактепа и Актепа, является обходной коридор, связывающий все помещения.¹³²

К замкам второго типа близки исфаринская Калан Боло,¹³³ тохаристанские Балалыктепа (V—VII вв.),¹³⁴ Зангтепа (V—VII вв.),¹³⁵ Джумалактепа (V—XI вв.),¹³⁶ бухарские Ганчтепа (близ с. Хазара),¹³⁷ Суббуктепа (близ Варахши)¹³⁸ и Бад-Асия (VIII—IX вв.) под Пайкендом,¹³⁹ фальгарский замок Калаи Давлатобод у слияния Фандарьи с Матчой.¹⁴⁰ Много дехканских замков (кахов и кешков), близких типу II, имеется в Мервском оазисе. Это в первую очередь Большая и Малая Нагимкала, Большая и Малая Кызкала (VI—

VII вв.), а также ряд кешков VIII—X вв., в том числе три безымянных, и Харамкешк, Сулукошук, Акуйликошук.¹⁴¹ Однако связь здесь лишь общего порядка, вероятно, в конечном счете генетическая, а конкретная же художественно-планировочная структура — отличная.

Вопрос о причинах последнего весьма сложен, но решение его следует искать прежде всего в той социально-экономической среде, которая обусловила массовое замковое строительство в раннее средневековье. Характеристика ее с учетом данного аспекта уже давалась неоднократно, но особенно подробно в последние годы это сделали Е. Е. Неразик¹⁴² и В. А. Нильсен.¹⁴³

Уструшанские замки очень четко показывают, какое большое внимание придавалось развитию частной фортификации. Это диктовалось спецификой эпохи, характеризующейся становлением феодализма со всеми присущими ему формами эксплуатации земледельцев-общинников, захватом их земель и ответной реакцией последних; диктовалось присущими процессу феодализации общества тенденциями к политической и хозяйственной самостоятельности земельных аристократов, внешним показателем которых в первую очередь и являются укрепленные замки. Немаловажную роль в развитии частной фортификации сыграло, вероятно, также отсутствие в это время в Средней Азии сильных государственных объединений, способных обеспечить оборону всей страны, и усиление опасности иноземных вторжений как кочевых племен на северных окраинах, так и Арабского халифата с юго-запада. В архитектуре замков четко и лаконично выражены черты крепостного сооружения. Они проявляются прежде всего в мощи глухих, высоких стен и башен, поднятых на высоких цоколях. В то же время этой архитектурой нарождающийся феодальный господствующий класс подчеркивал свое влияние и власть. Господствуя над прилегающей округой с невысокой застройкой рядовых, обычно ныне редко сохранившихся селений и усадеб, кешки являли собой зримое воплощение этой власти.

При строительстве замков Уструшаны очень тщательно выбиралось наиболее удобное место: Калаи Кахкаха II, Чильхуджа и Уртакурган расположены на естественных возвышенностях, Мунчактепа — на развалинах более ранних построек. При этом, естественно, учитывались вопросы водоснабжения (Уртакурган и Калаи Кахкаха II находятся на берегу Шахристансая, Чильхуджа — у мощных родников, Мунчактепа — на берегу Сыр-Дарьи). Все они располагаются высоко (8—25 м) над водными источниками, и, надо полагать, что к последним имелись потайные ходы. Практика устройства скрытых ходов к воде, так называемых обдуздов, в

уструшанском крепостном зодчестве уже известна. Такиеходы зафиксированы в прибрежном «форте» Калаи Кахкаха III,¹⁴⁴ в одном из памятников на берегу Босмандыся — Денгактепа близ поселка Ганчи,¹⁴⁵ а также в ряде горных поселений Старой Матчи и Фальгара.¹⁴⁶

Основным элементом фортификаций уструшанских замков являлись мощные внешние стены и башни двора (в первом типе) и массивные стены и башни самого здания (во втором типе); они везде наиболее толстые и высокие, а у Калаи Кахкаха II с легко доступных сторон — юга и запада — удвоенные. Большое внимание уделялось укреплению входа. В замке Калаи Кахкаха II въездная сторона усилена вторым рядом внешних стен, и пандусный подъем к воротам шел между стенами; пандусный коленчатый въезд во дворец Чильхуджры был фланкирован башней.

Замки были рассчитаны на длительную осаду и должны были выдерживать штурм. Не исключено, что именно для целей обороны были припасены несколько сот крупных булыжников, обнаруженные в средней комнате южной галереи Чильхуджры.

Бойницы в исследованных замках не обнаружено. Защитники Уртакургона пользовались для обстрела противника банкетом стены, видимо, снабженным парапетом. Такое же положение, вероятно, было и на Калаи Кахкаха II. Что касается Чильхуджры, то отсутствие бойниц в стенах и угловых башнях было компенсировано открытой узкой галереей, идущей на уровне второго этажа вокруг всего здания, а также наличием парапета по краю башен и крыш замка, куда ведет внутренний винтовой пандус. Поэтому защитники Чильхуджры могли вести по осаждающим двухъярусный сгонь (с открытой галереей второго этажа, а также с башен и крыши замка), причем в случае прорыва штурмующих еще оставался последний сильный рубеж — высокая и надежно укрепленная крыша замка. Она могла быть изолирована закрытием верхней пандусной клетки и светового люка главного зала второго этажа.

Весьма интересные материалы дали раскопки Уртакургона и для изучения раннесредневекового уструшанского и общесреднеазиатского зодчества. Напомним здесь прежде всего находки обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой, дающие возможность восстановить уникальное перекрытие типа рузан; важно также, что стало возможным выявить форму деревянных колонн. Все это позволяет более точно понять роль деревянных конструкций в раннесредневековом зодчестве, о которой раньше можно было судить лишь по письменным источникам и ограниченным археологическим данным. Теперь можно наглядно представить себе казалось

бы несуществующую форму деревянного перекрытия рузан с шестью венцами.

Заслуживают внимания как общепланировочная структура здания, так и отдельные элементы архитектуры — оформление юго-западного зала с его тронной суфой и сырцовой колонкой тамбурной стенки, выделение купальной культовой «капеллы» с передним камерным айваном и оригинальными суфами, композиционное выделение восточного зала здания.

В целом архитектура здания сочетает в себе широко распространенные и локальные местные черты, что дает материал для уяснения некоторых особенностей культуры населения Уструшаны.

Особо следует отметить, что открытие второго после Ка-лаи Кахкаха II памятника, давшего художественную резьбу по дереву, представляет собой важное событие в области изучения истории искусства Уструшаны. Это заметно расширяет и обогащает наши представления о среднеазиатском искусстве домусульманской эпохи, дает новые материалы для выявления локальных особенностей и внешних связей его.

При раскопках Уртакурмана прямых следов производств не обнаружено. Но если учесть сделанные здесь находки, то до некоторой степени все же можно судить о занятиях его обитателей.

Большое число костей домашнего скота свидетельствует о наличии скотоводства, причем в стаде, очевидно, преобладал мелкий рогатый скот. Обитатели замка, несомненно, занимались земледелием, о чем говорят многочисленные находки злаков (они представлены не только в Уртакурмане, но и в других изученных памятниках Шахристана). Бунджикатцы возделывали во всяком случае такие виды злаков, как пшеница, ячмень, просо, горох и т.д. На это косвенно указывают и многочисленные обломки крупных хумов, предназначавшихся для хранения не только жидких, но и сыпучих веществ.

Находки косточек винограда в хуме на Уртакурмане и косточек разных фруктов в других соседних памятниках говорят о существовании в округе Шахристана садоводства и виноградарства. Но эти отрасли занимали в хозяйстве бунджикатцев, вероятно, лишь вспомогательное положение, о чем в некоторой степени можно судить по роли их в современном Шахристане. Низкая среднегодовая температура часто препятствует созреванию винограда и ограничивает его урожай.

Обитатели замка занимались прядением и ткачеством. Об этом можно говорить довольно уверенно, учитывая находки керамических прясел.

ТИРМИЗАКТЕПА

ПАМЯТНИКИ ШАХРИСТАНСКОГО КАТТАСАЯ

Среди археологических памятников Уструшаны значительный интерес представляет цепочка одиночных холмов, тянувшаяся от комплекса шахристанских городищ Калан Кахкаха по узкому ущелью Каттасая вплоть до его выхода на саватскую равнину, т. е. оживленных дорог из Савата в Шахристан. Первый холм этой цепи — Тирмизактепа был обследован в 1950 г. Уструшанским отрядом Таджикской археологической экспедиции под руководством О. И. Смирновой при участии одного из авторов настоящей работы.¹ В 1956 г. Ходжентско-Уструшанским отрядом Таджикской археологической экспедиции было осуществлено обследование остальных памятников Каттасая,² что показало необходимость раскопок хотя бы одного из них. В следующем 1957 г. и частично в 1960 г. был полностью раскопан холм Тирмизактепа. Оказалось, что вершину его занимают остатки весьма интересного сооружения, позволяющего понять назначение всей цепочки.³

В свете произведенных исследований можно считать, что по этому ущелью, начиная от Саватской равнины почти до самого Шахристана, тянется цепь сторожевых постов (караултепа). Все они расположены на изгибах ущелья с тем расчетом, чтобы защитникам любого поста были видны предыдущий и последующие, и тем самым возможна сигнализация о появлении со стороны Саватской равнины противника. Первый из этих памятников — № 73, Шаштепа (шесть холмев),⁴ расположен при входе в ущелье, в 7 км от узбекистанского селения Сават. Холм стоит в середине ущелья, справа от Каттасая. Он имеет почти круглую форму, высота 12—13 м, размер верхней площадки 13×18 м. В центре верхней площадки имеется небольшая впадина. Вся поверхность холма сильно задернована. Подъем на холм наиболее удобен с востока. На поверхности встречаются обломки неполивной керамики. Обнаруженные здесь фрагменты — грубой выделки с различными примесями в тесте; в числе их обломок венчика с плечиком от небольшого тонкостенного

хума. В квадратном разрезе холма, сделанном топографами, видны обломки сырцового кирпича.

На 9-м км от Савата стоит второй холм — № 74, носящий тоже название Шаштепа. Он конусообразный, с узким пандусным подъемом с юга, что придает ему неправильную грушевидную форму. Подъем на холм скрыт от идущего со стороны Савата. Это, возможно, указывает на то, что последнее направление считалось опасным: именно отсюда можно было ожидать неприятеля, для предупреждения о приближении которого были устроены сторожевые посты. Высота холма от уровня ложа сая около 30 м, размер верхней площадки (следовательно, возможный размер сторожевой постройки) составляет 6×15 м. Поверхность сильно заросла травой.

Холм расположен на правом берегу сая и господствует над ближайшей частью ущелья; к подножию его со всех сторон примыкают невысокие площадки, высота западной составляет около 2 м. В обресе этой площадки, разрушенной дорогой, у подножия холма виден обгоревший лёсс, а под ним — куски гончарного шлака. Среди подъемного материала — неполивной керамики — имеются фрагменты хумов и кувшинов, покрытых белым ангобом, обломок кувшина, украшенного волнистой линией, заключенной между двумя прямыми линиями, венчик хума и ручка кувшина.

На 11-м км от Савата, также на правой стороне сая, находится третий холм — № 75. Он расположен на естественном возвышении, имеет конусовидную форму.

На 12-м км стоит четвертая тепа — № 76. Здесь ущелье резко поворачивает влево и памятник расположен на образованном им углу. Тепа имеет коническую форму, но вершина ее слегка уплощена, в основании имеются камни. Далее, при новом повороте ущелья вправо, на сланцевом возвышении стоит пятая по счету тепа — № 77.

Почти на 13-м км от Савата, на высоте около 25 м, у очередного изгиба сая, стоит шестой — № 78 памятник цепочки (возможно, небольшое городище). Оно прямоугольной формы, поверхность задернована; у его подножия бьет родник.

На 14-м км, над селением Ходжа Мишкент, стоит седьмая тепа — № 79. Здесь ущелье раздваивается, и далее цепь тепа тянется по его правому ответвлению.

На 15-м км от Савата расположена тепа № 80, а через 0,5 км далее — тепа № 81. На 17-м км, на правом берегу сая, расположены два небольших холма конусообразной формы — № 82 и 83. На 18-м км — холм № 84 округлой формы, с плоской верхней площадкой. Поверхность его задернована.

Далее ущелье, постепенно расширяясь, выходит в Шахристанскую котловину; количество памятников здесь заметно увеличивается.

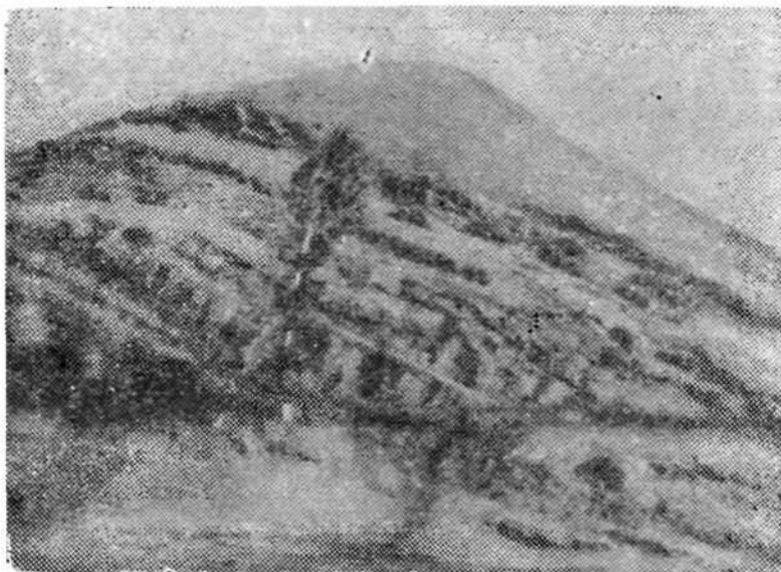

Рис. 47. Тирмизактепа. Вид до раскопок.

Из числа их к интересующей нас цепочке тепа, видимо, следует отнести следующие:

На 20-м км, слева от сая на ровной предгорной террасе, располагается небольшое городище Мугтепа (№ 85) с холмом в северо-западной части и небольшим возвышением у подножия. Далее, на 24-м км, на левом берегу сая, имеется безымянная небольшая конусообразная тепа — № 86, на 27-м км, под самой горой, стоит Тирмизактепа II (№ 87), на 28-м км, на предгорной террасе — огромная Чилпактепа (№ 88). Последний памятник цепи — Тирмизактепа I (№ 5) располагался уже на подступах Калаи Кахкаха.

Тирмизактепа I (№ 5) — это оплывшая и частично задернованная небольшая тепа (рис. 47), имеющая форму усеченной пирамиды, высотой примерно 4—5 м. Разровненная недавно местным населением верхняя площадка имела округлую форму диаметром 12 м. Памятник расположен на гребне естественной возвышенности (высотой до 20 м), представляющей собой крайнюю восточную оконечность предгорной гряды, которая выклинивается узкой полосой в долину Шахристансая. Его стратегическое расположение исключительно удачно: отсюда на север, восток и запад открывается широкая панорама окрестности. Эти особенности:

расположения были оценены и местными жителями, давшими памятнику его второе название — Караултепа (сторожевой холм). Последнее давало основание еще до раскопок предполагать, что древнее здание, расположенное на вершине Тирмизактепа — осиротевшего (одинокого) холма — имело сторожевое или оборонительное назначение.

РАСКОПКИ ТИРМИЗАКТЕПА

Раскопки Тирмизактепа производились планомерно, с подразделением памятника на 4 сектора. В первую очередь был исследован северо-восточный сектор, затем последовательно — 3 остальные (северо-западный, юго-восточный и юго-западный). Помещения получали нумерацию по мере их раскрытия (рис. 48 и 49).

Помещение № 1 узкое и длинное, вытянутое с востока на запад, размером $15,3 \times 2,2$ м. Южная и северная стены его сохранились на полную высоту, на последней имеется даже пята свода. Восточная и западная стены — плохой сохранности, они прослежены только в нижних частях.

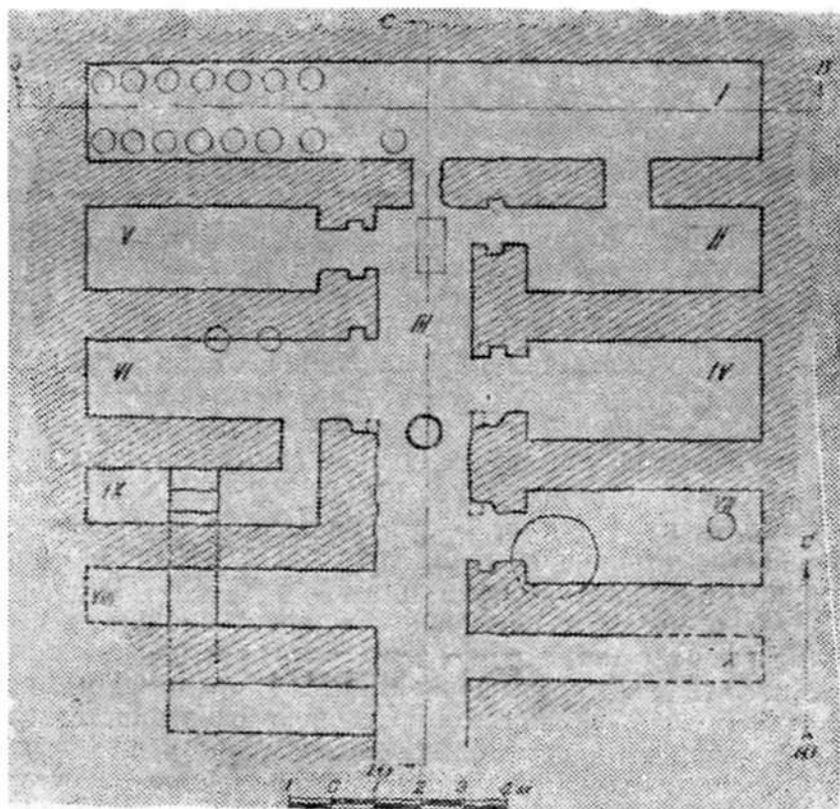

Рис. 48. Тирмизактепа. План здания.

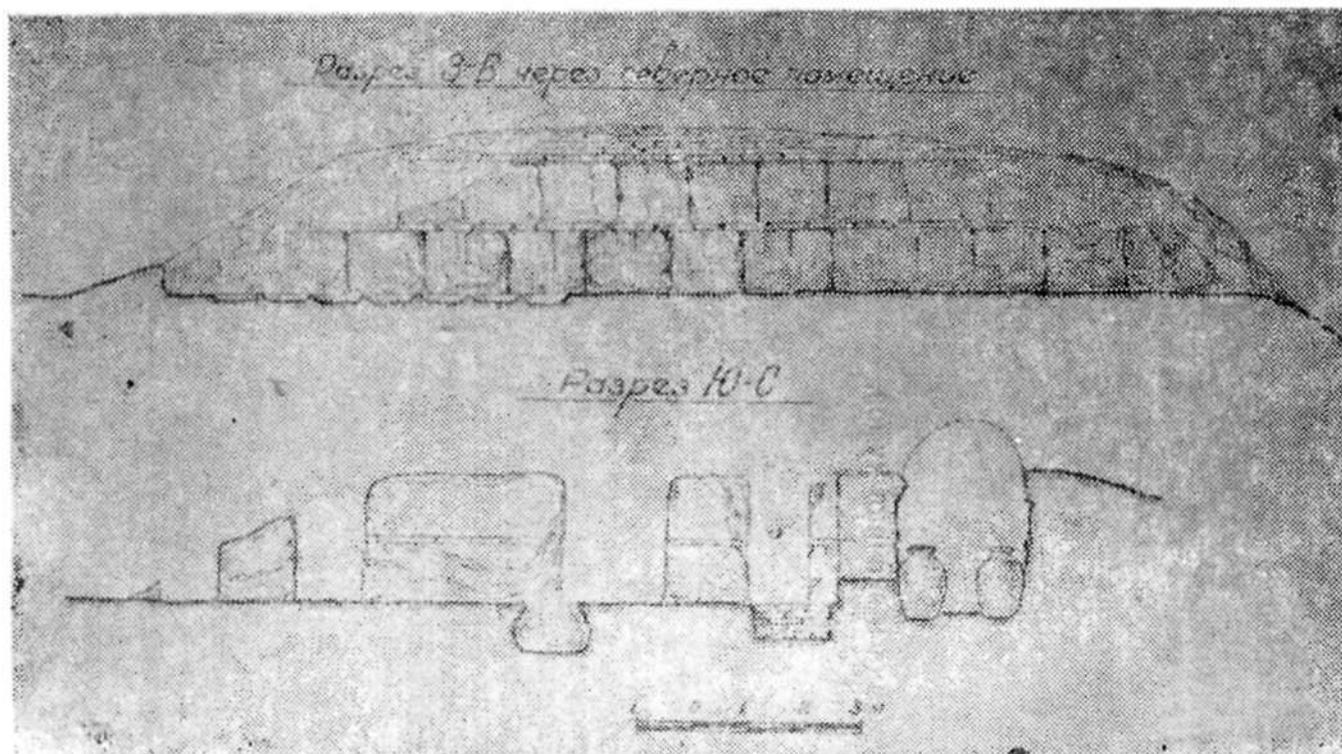

Рис. 49. Тирмизактепа. Разрез здания.

Дверной проем шириной в 110 см соединял помещение № 1 с соседним № 2; кроме того, на каком-то этапе жизни здания был пробит узкий проход, ведущий в центральный вестибюль — помещение № 3.

Верхняя часть заполнения описываемого помещения состояла главным образом из обломков сырцовых кирпичей и глиняных комьев. Ниже оно состояло (в основном) из желтоватого рыхлого лёсса, содержащего большое количество обломков керамики; встречались в нем также камни. Вдоль северной и южной стен на высоте в среднем 1 м от уровня пола прослеживались узкие полосы обгорелого лёсса коричнево-бурого цвета с прослойками золы и вкраплениями угольков. Полосы эти расширяются в западной части помещения. На указанном уровне найдены железная игла, остатки какого-то железного изделия, костяное пряслице и несколько обломков поливной керамики; кроме того, обнаружены также целый кувшин в перевернутом положении, обломки кувшина и венчики хумов.

Примерно в 45 см выше уровня пола, напротив прохода, ведущего в помещение № 3, была обнаружена полуогнившая плаха длиной 65 см; рядом с ней — обуглившаяся (?) цветки растения, лежащие на плотно спрессовавшейся слоистой темной массе. Несколько ниже (30 см выше уровня пола) в западной части помещения у южной стены найдены грецкие орехи и плоды миндаля.

Над полом в восточной части помещения лежал толстый слой мягкой золы желтовато-коричневого цвета, в нем было найдено много обломков крупных хумов. На полу в западной части помещения зафиксированы отдельные участки гладкой тонкой ганчевой обмазки. На ней залегала обгоревшая прослойка бурого цвета (толщиной 10—16 см), в которой у южной стены обнаружены зерна пшеницы, кусок витой проволоки, горлышко стеклянного флакончика, фрагмент стекла и остатки железного изделия. В северо-западном углу найдена монета бухар-худатского типа с именем ал-Махди.

В западной половине помещения были прослежены углубления, расчистка которых показала, что это небольшие круглые ямы, предназначенные для установки в них крупных хумов. Ям насчитывается 15, они расположены в два ряда, параллельно друг другу вдоль южной (8) и северной (7) стен помещения. Во всех обнаружены обломки хумов. Глубина ям колеблется от 20 до 28 см (но одна имеет глубину 8 см), диаметр — от 60 до 75 см (рис. 48).

На полу обнаружены скопления обгоревшей пшеницы, среди которых также находилось много обломков хумов с сильно закопченной внутренней поверхностью. В северо-

восточном углу помещения на полу стояла нижняя часть хума, заполненная обгоревшими пшеничными зернами. Очевидно, в этих хумах хранилась пшеница, которая сгорела во время пожара; хумы при этом сильно накалились и развалились, а содержимое их рассыпалось на полу. Ганчевая обмазка пола в западной половине, видимо, должна была предохранять зерно от загрязнения в случае, если оно просыпалось на пол. Описанное помещение являлось кладовой, где хранились запасы пищи, в том числе зерно.

Помещение № 2 расположено в восточной части здания — к югу от восточной половины помещения № 1. Размер его 520×210 см. По первоначальному замыслу через него осуществлялась связь помещения № 1 с центральным вестибюлем. Все стены сохранились хорошо, кроме восточной, которая прослежена только в нижней ее части. В западной стене — проем (шириной 110 см), ведущий в вестибюль — помещение № 3. Проем, видимо, имел деревянный порог, так как по обе стороны прохода у самого пола расположены глубокие гнезда, в которые заделывались концы балки порога. Помещение было перекрыто сводом, пята которого сохранилась лишь частично.

Заполнение помещения выше пята свода состояло из наносов. Ниже шел завал из кирпича и лёсса, в котором встречались мелкие камни. Под ним залегал тонкий слой золы с углями и обгорелым лёссом коричневатого цвета. Этот слой прослеживался почти на всей площади помещения, по уровню он соответствовал аналогичному слою в помещении № 1. В обоих случаях мы имеем свидетельства последнего короткого периода обитания уже в частично разрушенном здании. Ниже лежал полуметровый слой обломков сырцовых кирпичей и комьев глины. На уровне 25—40 см выше пола помещения наблюдались прослойки черного и темно-бурого лёсса и золы с вкраплениями угольков, они несколько повышаются в северной части. Над полом залегал слой рыхлого лёсса серовато-желтого цвета с линзами органических остатков (толщина слоя 25 см).

В заполнении помещения уже под дерновым слоем была найдена керамика (фрагменты хумов, кувшинов, глиняных котлов, поливных сосудов). Верхняя часть его содержала также много плоских камней сланцевых пород. Ниже были обнаружены обломки стеклянных изделий и кости животных. Примерно с глубины 150 см находки обломков керамики стали особенно многочисленны; это главным образом фрагменты хумов, лежавшие большими скоплениями, особенно в восточной части помещения. На полу помещения у восточной стены была найдена медная монета с квадратным

отверстием и дырочкой для подвешивания, а также обломком медного изделия.

Помещение № 3 расположено в центре постройки и имеет иную, чем другие, ориентацию — север—юг. Оно как бы делит все здание на две половины — западную и восточную, являясь одновременно осевым вестибюлем, объединяющим все помещения: сюда ведут дверные проемы из большинства комнат. Размеры этого помещения 12×2,4 м. Вход — равно как и вся южная торцовая стена его — не сохранился.

Заполнение помещения составлял в основном рыхлый лёсс серовато-желтого цвета. В южной половине помещения были найдены на глубине примерно 140 см остатки семян дыни и арбуза, на 10 см ниже — кусок арчового дерева, обломки железного изделия, донце стеклянной бутылки и фрагмент орнаментированного очажка.

На полу в северной половине помещения лежал толстый слой обгоревшего лёсса и золы, содержащий большое количество древесного угля и обожженных кусков глины с отпечатками (выгоревших) тонких прутьев, и камыш на одной стороне — видно, остатки плоского перекрытия. По всему полу были разбросаны обломки кувшинов и других сосудов, в нескольких местах ровным слоем лежала обгоревшая пшеница; среди нее находились обломки хумов с сильно закопченной внутренней поверхностью. В северо-восточном углу помещения на полу стояла нижняя часть хума, заполненного обгоревшими пшеничными зернами. Совершенно очевидно, что в хумах хранилась пшеница; она сгорела во время пожара, от которого погибло и деревянное перекрытие этого помещения.

На полу у западной стены, близ северного угла проема, ведущего в помещение № 6, была найдена монета; вторая монета обнаружена также на полу в северо-восточном углу, у проема, ведущего в помещение № 2.

В северной стене помещения была раскрыта нишка, в которой найдена скорлупа ореха. Приблизительно в середине помещения имелась в полу большая яма (глубина 85—90 см, диаметр по верху 85—100 см); она постепенно расширялась книзу и на дне имела диаметр до 145 см. Стенки ее выложены обломками сырцового кирпича и глиняными комьями, местами в кладке встречаются камни; поверхность стенок и дно обмазаны глиной (последнее в отличие от стенок более гладко). Яма была заполнена рыхлым лёссом, в котором найдены крупный обломок стенки орнаментированного очажка и фрагменты поливной керамики. Назначение ямы не вполне ясно. Вероятно, она использовалась в хозяй-

ственных нуждах. На дне выступает скальная поверхность холма.

Помещение № 3 по своему местоположению выполняло функции своего рода вестибюля, связывающего все помещения здания. Это единственная комната, которая имела плоское деревянное перекрытие.

Помещение № 4 (размер 520×210 см) расположено в восточной половине здания и примыкает с юга к помещению № 2. Стены его, за исключением восточной, сохранились на значительную высоту; на северной, над вторым рядом блоков, на небольшом отрезке прослежена пята свода. В западной стене имеется дверной проем шириной в 1 м, ведущий в вестибюль (помещение № 3). Проем имел деревянный порог, о чем свидетельствуют гнезда в обеих щечковых стенах.

Помещение это отличается от предыдущих как по характеру заполнения, так и по составу сделанных в нем находок. Здесь верхняя часть заполнения состояла из плотного серовато-желтого лёсса, содержащего обломки сырцовых кирпичей. По мере углубления лёсс становился более рыхлым и увеличивалось количество обломков сырцовых кирпичей (встречались также и целые размером 50—51×21×10 см); находки обломков керамики были немногочисленны. На полу вдоль стен помещения лежала тонкая прослойка золы, которая выклинивалась к его середине. В юго-восточном углу был расчищен небольшой зольник. В юго-западном углу найдены обломки железных изделий.

Помещение № 5 расположено в западной половине здания и примыкает с юга к помещению № 1. Размер его 530×180 см. Северная и восточная стены сохранились до уровня пяты свода, южная и западная прослежены на очень незначительную высоту. В восточной стене имеется проем (шириной 90 см), который ведет в вестибюль. Проем имел порог, сохранились его гнезда в обеих щечковых стенках.

Заполнение помещения состояло в основном из плотного лёсса с обломками сырцового кирпича. Примерно в центре помещения в 35—40 см выше пола было скопление пшеничных зерен. На полу четко выраженного культурного слоя не оказалось, лишь в северо-западном углу прослеживалось небольшое скопление золы. Стены здесь были закопчены. Следы небольшого кострища выявлены также примерно у середины северной стены. Находки, сделанные на полу, ограничены несколькими обломками керамики.

Помещение № 6 примыкает к описанному выше с южной стороны и расположено в той же западной половине здания. Размер его 640×180 см. Южная и северная стены непосредственно выходят к вестибюлю, в восточном конце

обейх имеются гнезда порога; сохранилась также половина его полусгнившей арочной плахи, один конец которой уходит под стену в южное гнездо. В южной стене имеется проем, ведущий в помещение № 9.

Заполнение рассматриваемого помещения не отличалось по составу от заполнения других комнат. В 25—30 см выше пола в нем были найдены фрагменты стекла. На полу вдоль северной стены прослеживалась тонкая зольная прослойка, утолщающаяся по мере приближения к двум каминообразным углублениям (рис. 50). Последние были заполнены золой, а стенки их покрыты слоем копоти. Возможно, их следует считать очагами, служившими для обогрева помещения. Находок на полу помещения, однако, очень мало: это ручка стеклянного флакончика и донце бутылки.

Помещение № 7 (размер 520×200 см) расположено в восточной половине здания. Юго-восточный угол его полностью разрушен, в остальных частях стены сохранились на высоту нижнего ряда блоков. В западной стене расположен проем (шириной 110 см), ведущий в вестибюль; он имел порог — под щечковыми стенами прослежены его гнезда.

Заполнение помещения состояло из обломков сырцового кирпича, глиняных комьев (от разрушившихся блоков) и рыхлых наносов.

При расчистке пола у самого входа обнаружена большая яма хозяйственного назначения (рис. 50), расширяющаяся книзу; глубина ее 110 см, диаметр устья 210 см, дна 230 см. Стенки обложены сырцовыми кирпичами и некогда были обмазаны; дно расположено на естественном основа-

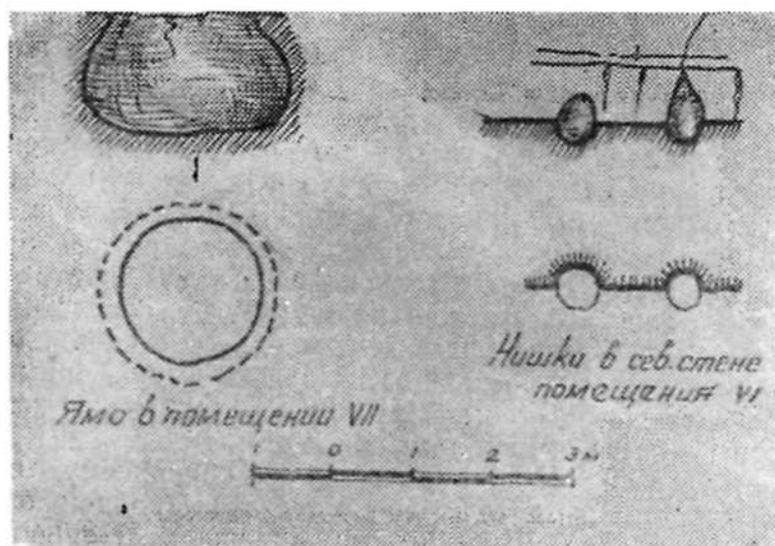

Рис. 50. Тирмизактепа. Яма и ниши.

нии холма — скале, но также было выложено сырцовым кирпичом и обмазано. Яма была заполнена рыхлым серовато-желтым лёссом, содержащим небольшое количество фрагментов поливной керамики.

Помещение № 9 представляет собой узкий коридор размером 520×130 см, соединенный проемом (ширина 1 м) с помещением № 6. Заполнение его такое же, как и предыдущих; в нем найдено лишь пряслице, вырезанное из донца поливного сосуда. У проема сохранилось арочное перекрытие (но оно обрушилось через некоторое время после раскрытия) (рис. 51).

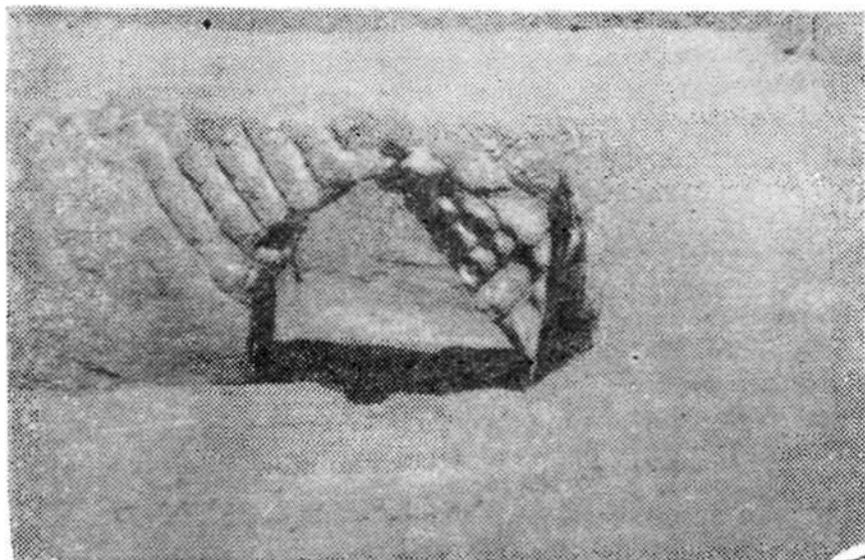

Рис. 51. Тирмизактепа. Помещение № 9. Арка проема (здесь проем не зачищен на всю высоту).

Помещения № 8 и 10, расположенные в южной части здания, сохранились очень плохо. Это узкие коридоры шириной 1 м, длиной 550 см. Заполнение их состояло из плотно слежавшегося лёсса и глины. Вдоль северной стены помещения № 10 прослежена прослойка золы и угольков. В нем же была обнаружена яма размером 114×130 см, глубиной более 70 см. Вероятно, помещение № 10 имело какое-то хозяйственное назначение. Что же касается помещения № 8, то в нем, возможно, начинался пандус, ведущий на крышу здания или на второй этаж. На это как будто указывает подъем поверхности пола к западу.

При расчистке пола помещения № 9 почти в центре его было обнаружено прямоугольное углубление, на южной стене над ним прослеживалась арка сводчатого входа в ка-

кое-то нижележащее помещение. В углублении начинался ступенчатый спуск, ведущий в узкое и длинное коридорообразное подвальное помещение, уровень пола которого расположен ниже уровня пола верхних помещений на 145 см (рис. 52). Спуск имеет три ступеньки, высота и ширина которых различна (высота нижней 29 см, средней 25, верхней 45 см; ширина нижней 42 см, средней 56, верхней 50 см).

Заполнение подвального помещения было очень рыхлым и влажным. На глубине 1 м в нем были найдены обломки толстостенной керамики, на глубине 150 см — медная монета (саманидская?), еще ниже — фрагментированный бокальчик на невысокой ножке, обломок стеклянной ручки и кусочек стекла. В нижней части заполнения встречались многочисленные обломки сырцового кирпича. Пол описываемого помещения составлял слой пахсы толщиной 10—15 см.

Помещение имеет форму буквы Г: основная часть его длиной 490 см вытянута с севера на юг, колено поворачивает на восток под прямым углом (длина его 339 см). Ширина составляет в южной части 120 см, а в северной — 95 см. Торцовая стена сложена из сырцового кирпича (размером 52×26×10 см), западная и южная стены — из одного ряда тщательно заглаженных пахсовых блоков (размером 85×80 см), северная стена восточного колена — из смешанной комбинированной кладки (пахсовые блоки и сырцовый кирпич). В верхней части стен имеется полочка из плашмя лежащих кирпичей, которая несколько выступает за линию их поверхности; на нее опиралось сводчатое перекрытие (частично сохранилось).

Входная арка этого помещения возведена способом классической клинчатой кладки: она состоит из центрального замкового кирпича и пяти кирпичей по сторонам. Кирпичи чередуются в кладке длинными и короткими сторонами. Над первым вертикальным контурным рядом кирпичей арочной перемычки начинаются блоки стен верхних поперечных помещений. Свод помещения возведен способом параллельных (наклонных) отрезков. Юго-западная угловая часть свода (при переходе в восточное колено) покоится на тропе, расположенном на 72 см выше уровня пола помещения (рис. 52). Это первый случай, когда в шахристанских памятниках сохранился так называемый перспективный троп; он состоит из двух отступающих рядов кладки и консольного заполнения из двух нависающих кирпичей с толстым швом.

При перекрытии сводом восточного колена помещения имеющаяся ширина из-за функциональных соображений, видимо, оказалась недостаточной; поверхность южной стены здесь вырублена в среднем на 20 см в глубину. Перво-

начальная же поверхность стены сохранилась в виде плинтуса высотой около 30 см.

Описанное подвальное помещение скорее всего имело хозяйственное назначение. Для его сооружения очень рационально использован стилобат здания, с помощью которого была выровнена (с увеличением полезной площади) скалистая вершина холма. Оно заняло все пространство под помещением № 8, являвшимся, очевидно, пандусом; постепенный подъем последнего вверх как раз и обеспечивал нормальную высоту подвального помещения.

Заметим к этому, что обитатели здания использовали толщи стилобата также для сооружения хозяйственных ям, причем почему-то не считаясь с неудобством их месторасположения (например, ямы в помещениях № 7 и 10 находятся во входной части помещений).

Для выяснения характера пола здания и его субструкции в северном конце вестибюля, у его торцовой стены, был заложён небольшой шурф (150×200 см). Вначале был вскрыт собственно пол помещения, выложенный из ряда сырцовых кирпичей (размеры их такие же, что и кирпичей в верхних частях стен здания). Ниже шли слои сплошной глинобитной забивки и не совсем утрамбованных глиняных комьев. Слои эти чередовались с рядами сырцовых кирпичей. На глубине 45—50 см была достигнута поверхность естественной части возвышения. Никаких находок в шурфе не обнаружено.

Зачистка нижней части северной торцовой стены вестибюля в пределах шурфа показала, что стены здания специального фундамента не имеют; они возведены непосредственно на забивке стилобата. Углубление на дне большой хозяйственной ямы в помещении № 6 подтвердило данные, полученные в шурфе.

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЯ

Несмотря на отдельные утраты, план здания читается с достаточной четкостью; оно в целом имеет квадратную форму, размером приблизительно 16×16 (см. рис. 48). Широкий осевой коридор-вестибюль, идущий с юга на север, делит его пополам; по сторонам коридора расположены, торцами к нему, 8 узких сводчатых помещений; весь северный фронт здания занимает обширное помещение, тоже сводчатое, вход в которое ведет из крайней северной комнаты восточной группы. Последнее помещение, таким образом, не подчиняется общей планировке здания; оно замкнуто и, как показывают находки груды обломков хумов и полтора де-

сятков ям от них (а также массы обгорелого зерна), выполняло функции продовольственного хранилища.

Сохранность здания посредственная. Особенно плохо сохранилась южная часть, где располагался главный вход. Разрушение было, видимо, вызвано оползанием искусственной насыпной платформы, нивелировавшей скалистую поверхность холма и служившей основанием для массивных стен постройки. Лучше сохранились помещения в северной части здания. Однако восточная и западная фасадные стены разрушились в свое время почти до основания, они прослежены на небольшую высоту от уровня пола. Остальные же стены помещений прослежены на значительную высоту — до 230 см.

Стены здания сложены из рядов пахсы, нарезанной на крупные блоки размером 95×89 , 120×90 см. Таких блоков два ряда, между ними имеется прокладка из ряда прямоугольных сырцовых кирпичей; размер кирпича типичен для среднеазиатского зодчества преарабской эпохи — $50-52 \times 23-25 \times 10-12$ см. Выше второго ряда пахсы на стенах некоторых помещений прослеживаются остатки пяты свода из тех же прямоугольных сырцовых кирпичей. Лучше всего сохранились остатки пяты свода в северном помещении; нижний ряд ее кладки нависает над внутренней поверхностью стены на 2 см, второй ряд — на 3 см. Система кладки обычная — вперевязку, положение кирпичей чередуется порядно: ряд тычком, ряд ложком.

Пахсовые стены Тирмизактепа по большей части строго вертикальны. Исключение составляют продольные стены большого северного помещения, заметно скошенные назад, благодаря чему ширина помещения у свода несколько превышает ширину у основания стен. Швы пахсовых блоков здесь не вертикальны, а наклонены под одинаковым углом ($10-12^\circ$) к западу. Этот прием был отмечен В. Л. Ворониной на примере здания III древнего Пенджикента и получил достоверное объяснение: таким способом облегчалась формовка блоков на месте⁵. Каждый последующий блок при этом как бы опирался на предыдущий, благодаря чему усиливалась связь между ними и соответственно прочность всей стены в целом. В принципе здесь имеется аналогия кладке свода наклонными отрезками, при которой каждый последующий отрезок накладывается на предыдущий как на наклонное основание. Эта аналогия подчеркивается и тем, что (как уже заметила В. Л. Воронина) угол и направление наклона швов пахсовой кладки стен и сырцовых отрезков свода всегда совпадают. Видимо, в северном помещении Тирмизактепа дело обстояло так же, хотя с достоверностью этого утверждать нельзя: от свода остались толь-

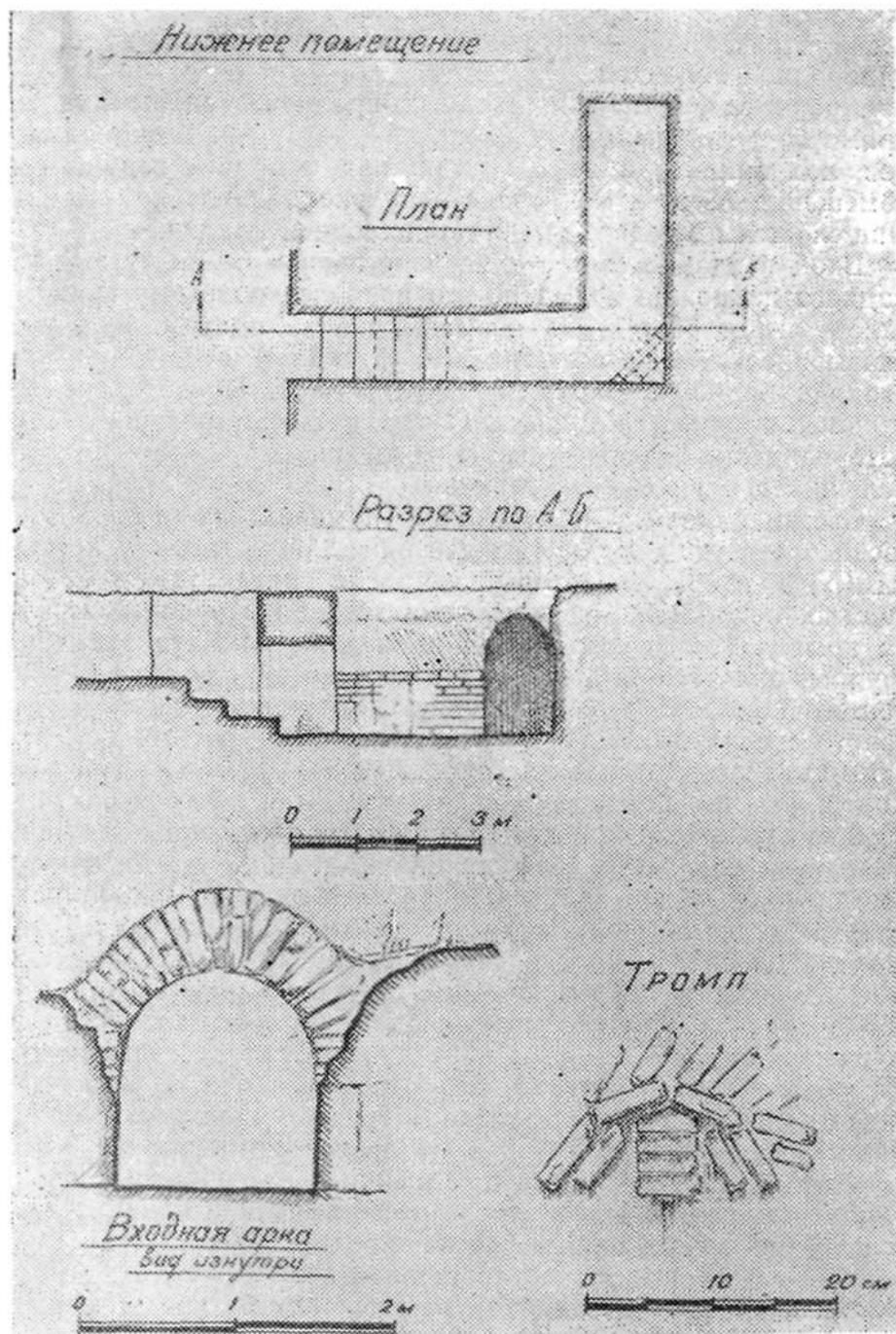

Рис. 52. Тирмизактепа. Подвальное помещение.

ко три ряда горизонтальной кладки (прием ложного свода, обычный способ перехода к вышележащему своду поперечными отрезками), нависающие над выступающей из стены однорядной полочкой.

Арочные перемычки входных проемов, сложенные из прямоугольных сырцовых кирпичей указанных выше размеров, сохранились в двух местах: над проемом, ведущим в помещение № 9, и при входе в полуподвальное помещение. Они сложены в технике клинчатой елочной кладки.

Вход в здание был с южной стороны. Сюда от юго-западного подножия холма по его наиболее пологому южному склону ведет постепенно повышающийся подъем. Как уже указывалось, южный — главный фасад и собственно сам входной проем разрушены полностью. Предполагаемый входной проем вел в центральное осевое помещение № 3, которое выполняло функцию связующего вестибюля для большинства помещений здания.

Среди рядовых помещений Тирмизактепа выделяются своей чрезвычайной узостью две ближайšie к входу комнаты (№ 8 и 10), из которых западная представляет собой, видимо, остатки пандуса, выводившего на второй этаж или на крышу. Не совсем обычна и средняя комната западной группы: она раскрыта в коридор во всю ширину и имеет характер не столько изолированного помещения, сколько глубокого сводчатого айвана. По сравнению с другими помещениями эта комната выделяется некоторым стремлением к комфорту: здесь имеется два пристенных обогревательных очажка. Наконец, она единственная из всех снабжена подсобным помещением, сообщающимся только с ней, откуда несколько ступеней ведут в Г-образный сводчатый полуподвал, проходящий под пандусом. Можно предполагать, что этот небольшой комплекс связанных между собой помещений, началом и ядром которого служил обращенный в коридор айван, служил местом пребывания главы того небольшого коллектива, который обитал на труднодоступной скалистой вершине Тирмизактепа. Вспомним, что и в юго-западном здании Калаи Кахкаха I среди общей массы однотипных изолированных одна от другой комнат располагались отдельные сдвоенные помещения — своеобразные двухкомнатные секции — вероятное место обитания привилегированных лиц⁶. Полуподвальное помещение Тирмизактепа имело, по всей видимости, хозяйственное назначение, и поэтому хозяин двухкомнатной секции не имел нужды в общем продуктовом складе, которым пользовались рядовые обитатели одиночных комнат.

По-видимому, за исключением центрального осевого, все помещения имели сводчатое перекрытие, сложенное из сыр-

цовых прямоугольных кирпичей. Об этом свидетельствуют как сами сохранившиеся пяты сводов, так и наличие в заполнении массы обломков сырцовых кирпичей, принадлежность которых несомненна. В завале над полом центрального помещения № 3 найдены многочисленные остатки плоской кровли в виде обуглившихся деревянных круглых в сечении балок и комьев глины от забивки крыши с отпечатками прутьев и камыша на одной стороне.

Очень интересна конструкция свода, сохранившегося в полуподвальном помещении, над его внутренним коленом, совпадающим с верхним пандусным коридором. Он уже описывался выше.

Здесь можно видеть, как строители раннесредневековой Уструшаны решали сложную задачу поворота под прямым углом свода, сложенного из наклонных поперечных отрезков. Свод покоится на пахсовых стенах, имеющих лишь один ряд блоков. Поперечные отрезки расходятся веерообразно от выступающего угла, и промежутки между ними, постепенно расширяющиеся к противоположному углу, заполнены клинчатыми рядами кладки. Свес кладки, образующийся над противоположным углом, опирается на небольшой сырцовый троп, благодаря которому угол в основании свода получает скругленные очертания. Троп перспективный, трапециеобразной формы, врезан непосредственно в основание свода над углом. Эта конструкция в точности, вплоть до формы тропы, соответствует конструкции того же назначения, зафиксированной В. Л. Ворониной в другом архитектурном памятнике Уструшаны VII—VIII вв.— замке Мунчактепа⁷. Разница между ними, по существу, лишь в том, что троп галереи Мунчактепа расположен не в самой кладке свода, а в промежуточном поясе, сложенном из горизонтальных рядов сырцовой кладки. Такого пояса в Тирмизактепа еще нет. Правильность предположения В. Л. Ворониной, что кладка свода Мунчактепа «расходилась веером от выступающего угла, причем некоторые отрезки оказывались заклиненными и опирались только на закругленную сторону», подтверждается теперь данными Тирмизактепа. Подобный прием использования тропы для поддержки нависающего над углом коридора свода нигде больше, насколько нам известно, не зафиксирован, что позволяет видеть в нем локальную особенность зодчества раннесредневековой Уструшаны.

НАХОДКИ, ДАТИРОВКА И НАЗНАЧЕНИЕ ЗДАНИЯ

Выше мы рассмотрели планировку здания на первом этапе его жизни. В дальнейшем оно подверглось частичным

перестройкам; так, по каким-то причинам заложили проемы, ведущие из помещений № 8 и 10 в переднее осевое помещение № 3; закладка, выполненная из обломков кирпича и глиняных комьев, небрежная. В южной стене помещения № 1 был прорублен не совсем аккуратный и довольно узкий проем (шириной в среднем 1 м), соединяющий его с передним. Проем этот прорезан не до уровня первоначального пола и образует подобие порога (высота его 42 см). По всей вероятности, последний соответствовал уровню пола в помещениях № 1 и 3 на втором этапе жизни здания. Примерно на высоте 40—45 см от уровня пола в помещениях № 1, 2, 3, 5, 6 зафиксирован культурный слой, в котором имелись полусгнившие деревянные плахи, обгорелые растительные остатки, фрагменты керамики, обломки изделий из металла и стекла. Выше этого уровня в заполнении ряда помещений встречались более или менее значительные по площади угольно-зольные прослойки, в которых содержались фрагменты керамики, органические остатки, обломки металлических изделий. Однако связывать каждую из таких прослоек с жилым горизонтом, соответствующим определенному этапу обживания развалин здания, нет основания. Они носят локальный характер и расположены на разной глубине.

С некоторой уверенностью можно говорить о следующих периодах жизни памятника:

I период — начался сразу после постройки его. К нему, по-видимому, относится появление хозяйственных ям в помещениях № 3, 7 и 10, функционирование помещения 1 как хозяйственного (предназначенного для хранения зерна), изолированного от помещения № 3. Непосредственно на полу помещений здания находок было мало, они, как правило, маловыразительны (обломки хумов и стенок крупных сосудов) и ничем не отличаются от находок в заполнении (кроме отдельных случаев, о чем будет говориться ниже).

II период — время после частичного разрушения здания, вызванного, видимо, пожаром. Следы последнего особенно четко прослеживаются в помещении № 3, где перекрытие было деревянным. О довольно длительном запустении здания после пожара говорит наличие в помещениях № 1, 2, 3, 5, 6 30—45-сантиметрового слоя, разделяющего пол и второй жилой горизонт.

III период — ему соответствует второй жилой горизонт, довольно четко прослеживаемый в помещениях № 1, 2, 3, 5, 6. В остальных помещениях первый и второй жилые горизонты приходятся на один уровень — уровень пола. Можно предполагать, что эти помещения меньше пострадали от пожара

или жители перед вторичным заселением произвели их расчистку. На этом этапе жизни здания был сделан проход, соединяющий помещения № 1 и 3, заложены выходы из помещений № 8 и 10 в переднее осевое. Очевидно, отпала необходимость в пандусном ходе на крышу здания (или второй этаж).

К этому этапу жизни относится основная масса находок, сделанных при раскопках памятника.

IV период приходится на время почти полного разрушения здания, когда обваливаются сводчатые перекрытия, части стен помещений. В заполнении тем не менее встречается значительное количество находок. Они могли попасть в завал в случае, если здание имело второй этаж. Такое предположение кажется вполне допустимым. Помещения второго этажа могли иметь более легкую конструкцию, чем помещения нижнего. Но о существовании второго этажа можно говорить чисто предположительно, так как никаких остатков его не было обнаружено (верхушка холма выровнена местным населением, и на ней была устроена площадка для молотьбы).

Итак, представляется возможным выделить два этапа заселения исследованного здания.

Для того, чтобы определить их датировку, рассмотрим добытый в результате раскопок материал. Подавляющее большинство его составляет керамика,⁸ в основном неполированная. Можно выделить следующие формы неполированной керамики (рис. 53, 1—8).

Хумы. Они представлены лишь обломками (не менее чем от 15 сосудов). Все красноглиняные, неровного обжига с полосой серо-черного спека в середине черепка; тесто однородное, иногда с примесью дресвы; наружная поверхность чаще всего покрыта ангобом (различные оттенки светлого тона — от розового до почти белого). Размеры в основном крупные: диаметры венчиков от 26 до 58 см, доньев — от 28 до 54 см. Толщина стенок 10—11—22 мм, высота горла 1,5—3,5 см.

Поскольку ни один хум не был найден целым, форма тулова неясна; судя по фрагментам доньев, все хумы были плоскодонными.

Форма венчиков имеет несколько вариантов:

1. Вертикальный венчик при сравнительно высокой горловине составляет 80%. Он представляет собой продолжение горловины, утолщающееся к краю.

2. Вертикальный венчик при фактическом отсутствии горловины: он сразу переходит в крутые плечики (единицы).

3. Венчик, оттянутый наружу.

Орнамент хумы, как праило, не имеют, если не считать

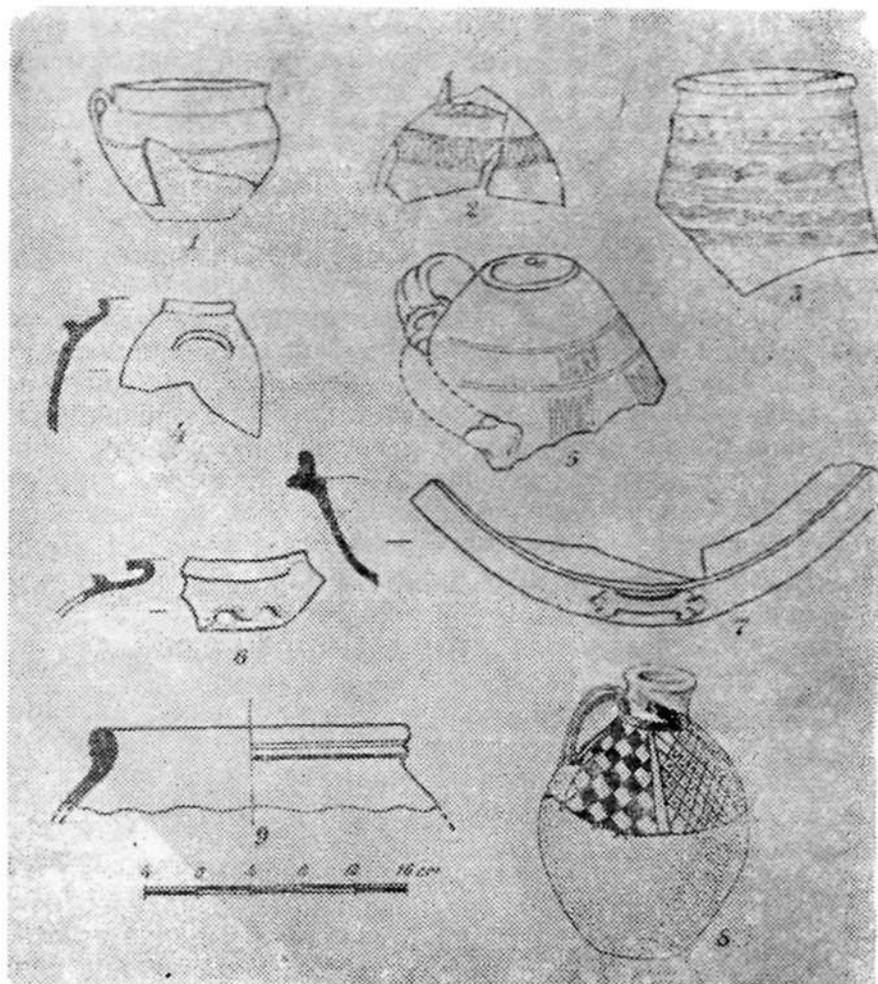

Рис. 53. Тирмизактепа. Керамика.

желобков, идущих по наружной поверхности венчика (их бывает 1—2). В одном случае на наружном крае имеется поясok зашпипов, в другом — вертикальные насечки, имитирующие зашпипы. Интерес представляют два венчика, на внутренней поверхности которых имеются оттиски штампов: в одном случае это круг, разделенный на 3 сектора (группа из 3 оттисков), в другом — изображение какого-то животного, напоминающего зайца (группа из 2 оттисков). Оттиски штампов на хулах, обнаруженные в Пенджикенте, считают⁹ знаками собственности владельцев; соответствующие сосуды датируются там VI—VIII вв. Весь комплекс находок с Тирмизактепа относится к более позднему времени. Но следует отметить, что некоторые варианты венчиков ху-

мос можно считать более древними, чем весь материал в целом. Так, определенные экземпляры венчиков с оттянутым наружу краем сходны с венчиками хумов из Калаи Кафир (Исфаринский район),¹⁰ венчики с оттисками штампа похожи на венчики хумов с городища древнего Пенджикента.

Котлы. Изготовлены в основном из серой глины с большой примесью дресвы (в одном случае это крупного помола сланец) или мелко измельченной известняковой породы. Они имеют резко отогнутый наружу плоский сверху венчик, сразу переходящий в округлые плечики. К плечикам прикреплялись полукруглые ручки, скорее всего не имевшие практического значения, — настолько они малы и неудобны для использования (рис. 53, 7). Орнамент в виде прямо прочерченной по плечикам линии имеется лишь в одном случае. Интерес представляет часть глиняного котла с широкой горизонтальной закраиной и полукруглой вертикально стоящей на ней ручкой. Поверхность закраины украшена S-образным орнаментом, расположенным группами по 10 шт. Диаметр котла 42 см, дно круглое. В целом форма напоминает современные металлические котлы (в частности, медные); можно предполагать, что прообразом ему послужил металлический сосуд.

Кувшины. Красноглиняные, чаще всего покрытые светлым ангобом, размеры, форма и орнаментация их различны. Наиболее многочисленную группу составляют крупные по размерам, изготовленные из грубого теста и неровно обожженные. Они имеют узкую горловину и плоскую ручку. Обычно такие кувшины лишены какого-либо украшения, если не считать рифления поверхности ручек.

Особую группу составляют изящные красноглиняные тонкостенные кувшинчики, изготавливаемые из высококачественного теста и прекрасно обожженные. Емкость их составляет 1,5—2 литра. Они богато орнаментированы штампованным или врезанным орнаментом, расположенным на плечиках. Наиболее часто встречающимися мотивами орнамента являются пояс из концентрических кружков, чередующихся с глубоко врезанными треугольниками, и полоса вертикально расположенных овалов, также разделенных треугольниками.

Подобная орнаментация имеет довольно широкое распространение в керамике Средней Азии. Она представлена на керамике из Афраснаба¹¹, встречалась на сосудах, найденных при раскопках на территории Ходжента (Леннабада)¹², юго-западного здания городища Калаи Кахкаха I (в завале) и многих других памятников, имеющих слои XI—XII вв.¹³ Это, очевидно, парадная посуда.

Другую небольшую группу образуют кувшины с росписью; в нее входят один целый кувшин и несколько фрагментов. Целый сосуд имеет шаровидное тулово, невысокую цилиндрическую горловину и одну ручку (рис. 53, 8)¹⁴. Он изготовлен из красной глины и покрыт светлым ангобом, поверхность которого нанесена роспись красновато-коричневого цвета. Орнамент располагается на плечиках; он распадается на 4 участка, лежащих крестообразно. Первые два, лежащие напротив друг друга, составляют закрашенные по шаблону квадратики (площадью в 1—2 см²), расположенные в шахматном порядке. Два другие участка состоят из сетки квадратиков того же размера, в центре которых находятся крупные точки. Мотив орнамента на фрагментах очень близок к описанному: это та же сетка, но она образует не квадраты, а ромбы (внутри ничем не заполненные).

Подобного рода расписная посуда встречается на многих средневековых памятниках и датируется XI—XII вв., мотив клетки очень распространен в это время. Особняком стоит широкогорлый сосуд типа кувшина с небольшой ручкой, примятой у нижнего своего основания шестью глубокими вмятинами и треугольным сливом. По плечикам имеется орнамент в виде волнистой линии. Близкий по форме, но более крупный сосуд с двумя ручками найден в 1956 г. в замке на городище Калаи Кахкаха II¹⁵. Аналогичные сосуды встречаются на городище древнего Пенджикента, здесь они датируются VII—VIII вв.

Среди имеющихся обломков выделяется своим архаическим обликом один фрагмент венчика и ручки. Совершенно аналогичный целый кувшин, датируемый VII—VIII вв., был найден на городище Калаи Кахкаха II в центральном помещении верхнего яруса замка¹⁶.

Широкогорлые сосуды. Большинство из них по форме напоминают горшки: они имеют широкое горло (диаметр от 10 до 20 см) и округлое тулово. Некоторые экземпляры снабжены маленькой петлеобразной плоской в сечении ручкой. Качество таких сосудов самое разнообразное; есть экземпляры, изготовленные из тонкоотмученной глины, прекрасного обжига, аккуратной выделки. Другие, наоборот, сделаны из грубого теста с большим процентом примесей, неровного обжига. Орнаментация таких сосудов самая скромная, в основном это горизонтально прочерченные линии. Некоторые венчики имеют по верху желобок для крышки. Возможно, к рассматриваемым широкогорлым сосудам относятся чуть вогнутые крышки с конусовидной шишкой-ручкой в центре.

Значительный процент керамического материала составляют единичные находки. Наиболее интересны из них:

1. Фрагмент округлого донца сосуда с отверстиями для процеживания.

2. Широкогорлый красноглиняный сосуд с постепенно расширяющимся, начиная от венчика, туловом; под венчиком имеется орнамент в виде прочерченных частой гребенкой прямых и волнистых полос.

3. Красноглиняный сосуд в виде усеченного конуса с двумя ручками, прикрепленными одним концом к узкому горлу, другим — к плечикам.

4. Часть баклаги-мустахары (рис. 53, 5); поверхность ее украшена двумя орнаментальными полосами, состоящими из вертикально расположенных овалов, сгруппированных по три.

Поливная посуда. Ее значительно меньше, чем неполивной. Ввиду фрагментарного состояния находок удается выделить лишь несколько форм сосудов. Наиболее многочисленными являются тарелки на поддоне с кольцевым вырезом (диаметр 18—22 см) (рис. 54) и почти горизонтальным широким краем; иногда край отогнут под углом около 45°. Во втором случае тарелки значительно глубже и ввиду большой емкости их можно бы назвать также неглубокими мисками (стенки которых имеют перегиб).

Распространенной формой являются широкие и довольно глубокие миски с плавно вогнутыми внутрь стенками. Максимальный диаметр их 34 см.

Третья форма — это небольших размеров чашечки на сплошном поддоне с прямыми стенками, отходящими примерно под углом 30°. Тесто, из которого они изготовлены, по своей фактуре напоминает кашин, но прочнее его.

Четвертая форма — несколько глубоких пиал диаметром 14—18 см.

Полива, покрывающая сосуды, делится на одноцветную (бирюзовую, ярко-зеленую, белую) и бесцветную, которая сочетается с полихромной подглазурной росписью. Последняя представлена следующими вариантами:

а) рисунок выполнен коричневой, зеленой и черной краской по белому ангобу;

б) коричневый рисунок по белому ангобу;

в) коричневый рисунок по желтому фону;

г) рисунок черной, серой и красной краской по белому ангобу.

Мотивы (рис. 54) подглазурной росписи характеризуются большой стилизацией: это кружки и овалы, чередующиеся с прямоугольниками и треугольниками (все фигуры неправильных очертаний), внутреннее пространство которых заполнено точками того же цвета. Фигуры соединены между собой завитками, побегами. Края сосудов украшены ря-

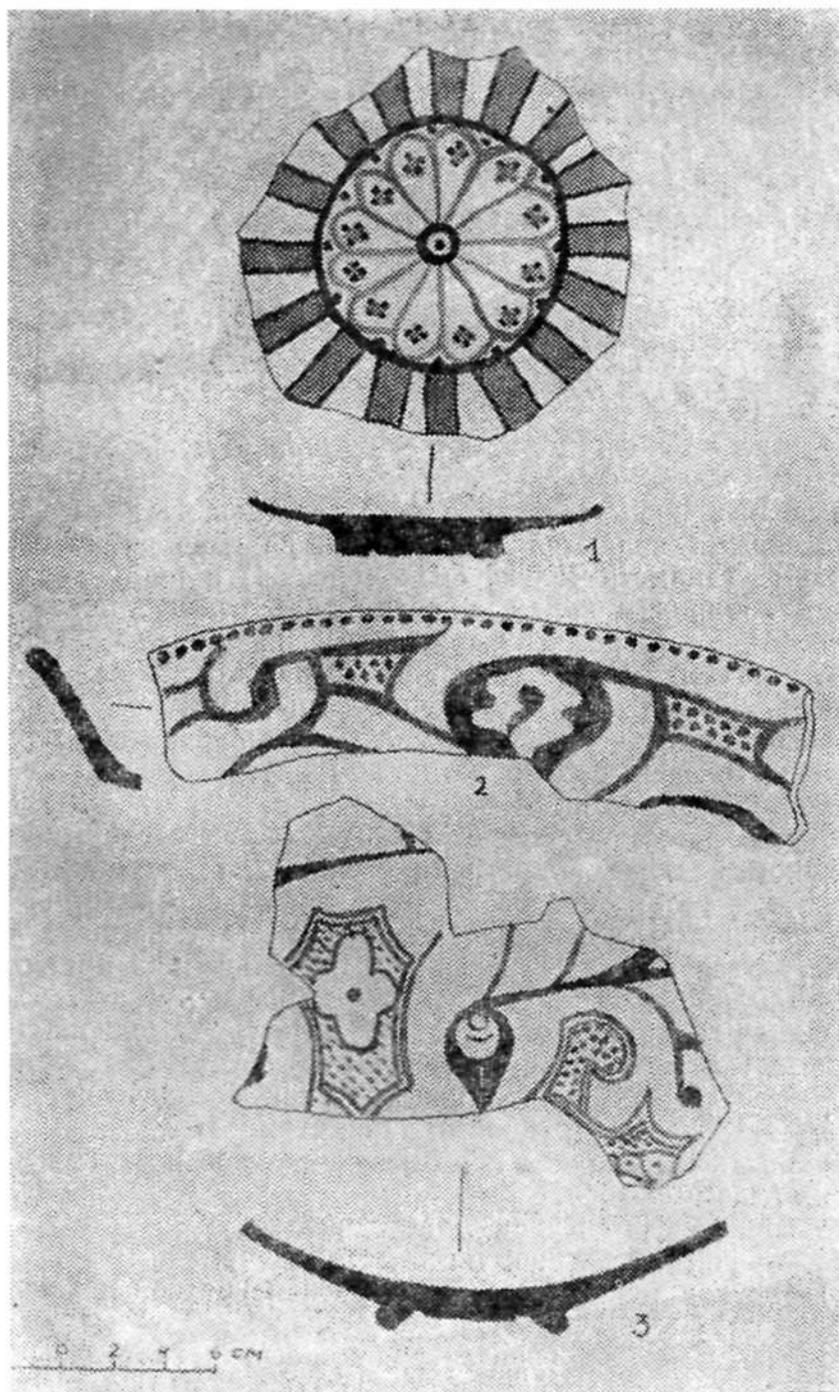

Рис. 54. Тирмизактепа. Керамика.

дом точек, фестонами или простой каймой. Интересен рисунок на одной из глубоких тарелок: на зеркале — многолепестковая розетка, каждый лепесток которой украшен схематичным изображением цветка. От розетки лучами к краям отходят разноцветные полосы шириной около 1 см, окрашенные в бордово-коричневый и серовато-зеленый цвета. Цветные полосы отстоят друг от друга на некотором расстоянии.

Обращает на себя внимание одна особенность: во многих местах миски имели просверленные насквозь отверстия, что делало их непригодными для жидких продуктов. Возможно, часть этих поливных сосудов использовалась для фруктов или же имела только декоративное назначение.

Качество поливы, ее цвет, отдельные элементы орнамента, наличие поддонов с кольцевым вырезом позволяют датировать всю поливную керамику XI—XII вв.

Очажки. При раскопках найдено было 5 фрагментов этих изделий. Из них один, наиболее крупный, представляет собой полную фасадную часть очажка вместе с вогнутой боковой наружной стенкой (сохранившейся лишь частично) (рис. 55, *внизу*). Фасадная (или порталная) стенка украшена рельефным орнаментом. Один ее край (который ближе к очажковой части) оформлен колонкой с базой и капителью. Остальная плоскость занята двумя панно: наверху — широкая полоса геометрического орнамента из выпуклых полос, образующих ромбы, в центре которых расположена группа из четырех перлов; внизу — обрамленное рядом перлов поле, украшенное сложным орнаментом из завитков и спиралей. Боковой фасад имел тоже рельефную орнаментацию, выполненную в том же стиле, однако она сохранилась очень плохо. Описанная часть очажка находит ближайшую аналогию в опубликованном В. Ф. Гайдукевичем очажке из Мунчактепа¹⁷. Разница (при том небольшая) — в мотиве нижнего панно. Очажок из Мунчактепа датируется В. Ф. Гайдукевичем XI в. К этому же времени можно отнести и описанный обломок очажка из Тирмизактепа.

Фрагменты остальных очажков представляют собой части фасадных стенок; они выполнены в той же технике, орнаментация их содержит те же элементы, что и описанный выше очажок.

Стекло. Найденные фрагменты стеклянных изделий дают возможность выделить несколько форм сосудов. Это: 1) маленькие флаконы из толстого стекла со слегка рифленой поверхностью и узким горлышком; 2) крупные сосуды с вогнутым внутрь дном; 3) небольшие тонкостенные кружечки с полукруглыми ручками, снабженными выступами для упора пальцев; кроме того, имеются фрагменты не-

Рис. 55. Тирмизактепа. Фрагменты очажков.

понятных тонкостенных изделий со слегка вогнутой поверхностью и толстым жгутом-складкой, а также часть крышки с рельефным узором (рис. 56, 1, 2, 3, 4, 8).

Металл. Количество изделий из железа очень невелико. Это фрагмент втулки, часть лезвия ножа с затупленной спинкой и вогнутым рабочим краем, обломок шила, трехлопастный наконечник стрелы с обломанным черешком. Прочие фрагменты железных изделий не поддаются определению. Кроме того, найдено несколько фрагментов дна медного сосуда со слегка вогнутой внутрь серединой (на внутренней поверхности дна — концентрические круги), витой стержень изогнутой формы с утолщением на одном конце (рис. 56, 6).

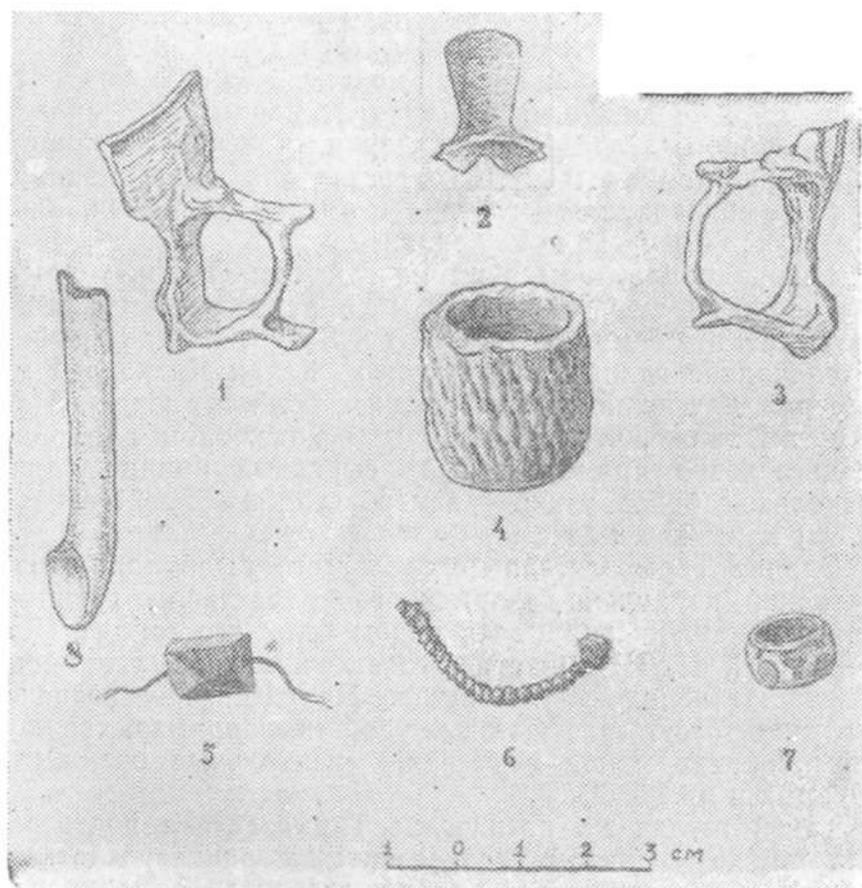

Рис. 56. Тирмизактепа. Находки.

В помещениях № 1 и 3 на уровне нижнего пола обнаружены 3 медные монеты плохой сохранности, определенные Е. А. Давидович как саманидские (с именем Саманида Насра на одной из них)¹⁸.

Украшения. Представлены двумя находками: это лазуритовая пронизка прямоугольной формы со следами огранки с одной стороны и костная пронизка в виде широкого толстого кольца, украшенная concentрическими кружками (рис. 56, 5, 7).

Почти все рассмотренные предметы, найденные на Тирмизактепа, составляют комплекс, датируемый довольно определенно XI—XII вв. н. э. Это время весьма интенсивного использования здания, которое стратиграфически соответствует второму этапу его заселения.

Что касается времени сооружения памятника, то оно, видимо, относится к несколько более раннему периоду. Об этом говорит его планировка, специфика строительных приемов и те находки, которые явно выпадают из комплекса вещей XI—XII вв.: некоторые формы хумов, кувшин, часть сосуда со сливом и, наконец, монеты — одна с квадратным отверстием (Тархун, 706—709 гг.), найденная, правда, в слое второго этапа жизни здания и использованная как украшение (о чем говорит отверстие для подвешивания), и вторая — бухархудатского типа с именем ал-Махди, найденная на полу первого помещения.¹⁹

Говоря о плановом решении здания, нужно отметить, что аналогии ему мы находим в раннесредневековых памятниках: это замок на горе Муг и Батуртепа на Зарафшане, юго-западное здание на городище Калаи Кахкаха I и целый ряд других построек в разных областях Средней Азии. Заметим также, что характерный в основном для раннего средневековья прямоугольный сырцовый кирпич (правда, несколько более узкий — размер его $50-52 \times 21-25 \times 10-12$ см) применен и здесь.

Здание Тирмизактепа скорее всего было одним из сооружений караульно-казарменного характера, группирующихся вокруг находящегося рядом большого города (Калаи Кахкаха I, II, III). О стратегических выгодах его местоположения говорилось уже выше. На специфику назначения указывает отсутствие бытовых удобств, например, таких, как суфы-лежанки, ниши в стенах, специальные очажные устройства и пр.

Такой взгляд на назначение Тирмизактепа подтверждается также анализом среднеазиатских раннесредневековых зданий с аналогичной коридорно-гребенчатой планировкой, уже сделанным в другом месте в связи с разбором вопроса о назначении сходного памятника на городище Калаи Кахкаха I²⁰.

Здание на первом этапе своей жизни, вероятно, просуществовало значительное время. Если его постройку по вышеуказанным находкам, а также по соображениям архитек-

турного порядка можно предположительно отнести к VII—VIII вв., то начало первого запустения его, очевидно, датируют указанные выше саманидские монеты, в числе которых одна чекана Насра — вероятно, первого, правившего до 892 г.²¹

В XI—XII вв. здание использовалось уже не по первоначальному назначению, а как жилое. Поскольку исследованные помещения мало пригодны для этого (они узкие, темные, не имеют суф), можно предполагать, что нижний этаж использовался главным образом под кладовые, а основная жизнь была сосредоточена на втором несохранившемся этаже.²² Это предположение возможно в силу того, что 90% всех находок на Тирмизактепа найдены в завале на разной глубине, начиная с подпернового слоя.

Здание было вторично обжито скорее всего каким-нибудь дехканином-феодалом. Об этом свидетельствуют довольно крупные размеры постройки, наличие многочисленных хумов-зернохранилищ и хозяйственных ям. Обитатели дома вели земледельческое хозяйство (хлебопашество, садоводство и огородничество), о чем свидетельствуют в первую очередь обнаруженные злаки.

Большую научную ценность представляют собой обнаруженные в помещениях № 1, 2 и 3 в завале и на полу растительные остатки (обгорелые пшеничные зерна, скорлупа грецких орехов, миндаля, скорлупа от семян дыни и арбуза и пр.). Эта находка чрезвычайно ценна для изучения состава земледельческих культур, возделывавшихся в предгорных районах Северного Таджикистана. Климатические условия Шахристанской котловины позволяют в настоящее время выращивать здесь зерновые, из садовых культур — орех, яблоки, вишни, виноград, а из огородных — овощи, дыни, арбузы и пр. Вероятно, таков был состав земледельческих культур и в XI—XII вв.

В Шахристане, кроме Тирмизактепа, сохранились и другие памятники, давшие, правда в незначительной мере, слои и находки XI—XII вв. Последние обнаружены в западном здании на городище Калан Кахкаха I (где связаны с вторичным обновлением) и на городище Калан Кахкаха III, занятом ныне современным селением (шурф № 1 и ряд отдельных находок).

Обращает на себя внимание поразительное сходство материалов XI—XII вв. из района Шахристана (особенно Тирмизактепа) с находками из верхнего слоя городища Мунчактепа под Беговатом: те же формы и та же орнаментация поливной и неполивной посуды, одинаковые тона поливы, одинаковый характер теста.

Все это указывает на единство материальной культуры

этого времени в пределах значительной территории Уструшаны и, может быть, более того — на существование единого ремесленного центра, снабжавшего своей продукцией районы, лежащие к югу от Туркестанского хребта²³.

В заключение отметим еще, что если в результате проведенных за последние годы исследований письменных источников и некоторых археологических памятников мы имеем уже некоторое представление об Уструшане античного и раннесредневекового времени, то история и культура этой области в период развитого феодализма еще чрезвычайно мало известны. Поэтому раскопки верхнего слоя городища Мунчактепа Фархадской археологической экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича и наши раскопки в Шахристане и особенно Тирмизактепа в известной степени восполняют этот пробел.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Тр. АН Тадж. ССР. Т. 55. Сталинабад, 1957.

² Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан (Материальная культура Усрушаны. Вып. I). Душанбе, 1966. Далее см.: Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. . .

Замок Уртакурган

¹ И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана. ПТКЛА, г. 20. Вып. 1. Ташкент, 1915, стр. 42.

² О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Тр. ТАЭ. Т. 2. МИА СССР. № 37. М.—Л., 1953, стр. 204, рис. 20; см. также: Н. Н. Негматов. Усрушана в VII — X вв. (по материалам письменных и археологических источников). Л., 1952, стр. 134—135.

³ Н. Н. Негматов. Работы Ходжентско-Усрушанского отряда в 1958 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане. Вып. 6 (1958 г.)». Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 27. Душанбе, 1961, стр. 119—120. Раскопками руководили Н. Н. Негматов и У. П. Пулатов.

⁴ Н. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане». Вып. 8 (1960 г.). Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 34. Душанбе, 1962, стр. 85—88. Раскопки 1960 г. велись на средства Ленинабадского историко-краеведческого музея археологом музея У. П. Пулатовым и заведующим отделом истории музея Ш. Олимовым при общем руководстве Н. Н. Негматова.

⁵ Работы велись на средства того же музея археологами Т. И. Зеймаль и У. П. Пулатовым при общем руководстве Н. Н. Негматова.

⁶ Работы велись Н. Н. Негматовым и С. Исмаиловой.

⁷ А. И. Тереножкин. Раскопки холма Ак-Тепе близ Ташкента в 1940 г. Изв. Уз. ФАН СССР, 1940, № 3, стр. 55, рис. 4.

⁸ А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пенджикента. Тр. СТАЭ. Т. 1. МИА СССР, № 15. М.—Л., 1950, стр. 85, 93.

⁹ Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.» Вып. 5. Тр. ИИА и Э АН Тадж. ССР. Т. 103. Сталинабад, 1959, стр. 74.

¹⁰ Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане». Вып. 9 (1961 г.). Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 12. Душанбе, 1964, стр. 81.

¹¹ Обнаружение отпечатка нижней части деревянной колонны и реконструкция ее базы по этому отпечатку — не первый случай при археологических раскопках в Средней Азии. Это уже имело место при раскопках Актепа близ Ташкента и городища древнего Пенджикента.

См.: В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. Вып. 8. М., 1947, стр. 39, рис. 2; А. М. Беленицкий. Раскопки на городище древнего Пенджикента (в 1953 г.). КСИИМК. Вып. 60. М., 1955, стр. 84, рис. 33 (2, 3); он же. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1953 г. Докл. АН Тадж. ССР. Вып. 11, 1954, стр. 21; он же. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.). Тр. ТАЭ. Т. 3. МИА СССР. № 66. М.—Л., 1958, стр. 121, рис. 18 и 19; В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента (итоги работ 1952—1953 гг.), там же, стр. 197, 213, рис. 20,

¹² Такой тип перекрытия принято называть «дарбазным» от грузинского его наименования. Но имеется три названия такого перекрытия и в таджикском языке — «чорхона», «давра» и «рузан»; к нашему случаю наиболее удачно подходит третье — «рузан», и мы в дальнейшем будем применять именно этот термин. С. Г. Хмельницкий в своем автореферате применял грузинский вариант — «дарбази». См.: «Роль народной жилой архитектуры в развитии монументального зодчества Средней Азии эпохи феодализма.» Автореф. канд. дисс. М. 1963, стр. 9.

¹³ J. Buhat. Les antiquites bouddhiques de Bamijan. Revue des arts asiatiques. T. 4, 1927; A. Godard, J. Godard, J. Hackin. Les antiquites bouddhiques de Bamijan. MDAFA. Vol. 2. P. et Bruxelles, 1928; J. Hackin. Nouvelles recherches archeologiques a Bamijan. MDAFA. Vol. 3. P., 1933, tabl. 11, 12.

¹⁴ С. Д. Лисицян. Крестьянские жилища Высокой Армении. Изв. Кавказского историко-археологического института. Т. 4. Тифлис, 1926, стр. 60; F. Baumbauer. Forschungen über die Hausformen in Georgien. Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg, 12, 1928; Н. Северов. Крестьянские дарбази в Грузии. «Архитектура СССР». 1937, № 1, стр. 58—59; Н. Г. Буниатов, Ю. С. Яралов. Архитектура Армении. М., 1950, стр. 135; М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 11—12, рис. 2, 3. Подробнее см.: М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. Вып. 5. М., 1946.

¹⁵ A. Stein. Ruins of desert Cathay. Ld. 1912, vol. 1, fig. 20; A. Von Le Qoq. Bilderatlas zur Kunst und Kultur geschichte Mittel-Asiens. Berl. 1925.

¹⁶ О. Шуази. История архитектуры. Т. 1. М., 1935, стр. 150.

¹⁷ В. Л. Воронина. Жилища Ванча и Язгулема. Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, рис. 1, 2, 3, 9, 20; М. С. Андреев. Таджикские долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). Вып. 2. Тр. ИИА и ЭАН Тадж. ССР. Т. 61. Сталинабад, 1958, стр. 267—273, 436, 437, 470, 471, рис. 57—61; Г. А. Пугаченкова. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы. Тр. ЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад, 1953, стр. 145. В одном из дингов района туркменского Анау зафиксировано перекрытие, совмещающее в себе элементы «рузан» и балочные паруса. Перекрытие «рузан» отмечено и в жилых постройках Абиверда XVIII—XIX вв. См.: Архитектура туркменского жилища. Тр. ЮТАКЭ. Т. 3. М., 1953, стр. 18, 24, рис. 13.

¹⁸ См.: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, табл. XXXVI—XXXVIII.

¹⁹ Восточная и южная стены этого помещения совпадают со стенами помещений верхнего строительного комплекса.

²⁰ Толщина ее составляет лишь 10 см (т. е. втрое меньше, чем в

большим залом). Возведена она целиком из битой глины (в чем опять наблюдается отличие от ширмы в большом зале).

²¹ См.: Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 76, рис. 44.

²² Г. В. Шишкина. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда. История материальной культуры Узбекистана. Вып. 4. Ташкент, 1963, стр. 90 и сл., рис. 3. Здесь также вход оформлен коленчатым тамбуром с ширмой.

²³ В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. «Архитектурное наследство». № 8. М., 1957, рис. 3, ж.

²⁴ В данном случае не сопоставляются помещения с круглым планом, такие как угловые башни Актепа близ Ташкента и Беркут-Калы в Хорезме.

²⁵ У. П. Пулатов. История изучения Чил-Худжры. Сообщ. Гос. респ. объедин. музея историко-краевед. и изобразительных искусств. Вып. 4. Душанбе, 1966, стр. 59—79.

²⁶ В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афраснабе. Изв. Уз. ФАН СССР, № 12. Ташкент, 1940, стр. 64 и сл., рис. 1, 2.

²⁷ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство». № 3. М., 1953. рис. 23 на стр. 22.

²⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ. Т. 4. М., 1958, стр. 138.

²⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 146—147, 149, рис. 84, 85, табл. 47.

³⁰ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, стр. 85 и сл., рис. 44.

³¹ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, стр. 90—91, рис. 45, 46.

³² Л. Р. Кызласов. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. Тр. КАЭЭ. Т. 2. М., 1959, стр. 169—170, рис. 18(3—5); С. Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим, там же, стр. 247 и сл.

³³ А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. Тр. ТАЭ. Т. 3. МИА СССР, № 66, М.—Л., 1958, стр. 312, 315, рис. 25.

³⁴ Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966, стр. 30—31. Кстати, и сам район Шахристана в ту эпоху был очень богат арчовыми лесами. Леса покрывали все предгорье Туркестанского хребта и подходили вплотную к столице Уструшаны — городу Бунджикату, включая месторасположение Уртакургана. Уже к X в. в силу природных изменений леса начали отступать к югу. Арчовники и в настоящее время занимают значительные пространства северных склонов хребта. См.: А. А. Коннов. Арчовники северного склона Туркестанского хребта. Душанбе, 1966.

³⁵ А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933. стр. 52.

³⁶ См.: Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Карамазарских горах. Тр. АН Тадж. ССР. Т. 13. 1956; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пенджикентский некрополь. Тр. ТАЭ. Т. 2. МИА СССР. № 37. М.—Л., 1953.

³⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 140, рис. 82.

³⁸ Следует отметить, что украшенный рельефом «камерный айван» уртакурганского помещения композиционно в некоторой степени напоминает айванный вход северного храма древнего Пенджикента.

³⁹ Л. И. Альбаум. Балалык - тепе. Ташкент, 1960, стр. 87, 117. 203—204.

⁴⁰ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 54, 59.

⁴¹ А. М. Беленицкий. Результаты работ Пенджикентского отряда в 1957 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.» Вып. 5. Тр. ИИАиЭ АН Тадж. ССР. Т. 103. Сталинабад, 1959, стр. 44—45; он же. Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане». Вып. 8 (1960 г.). Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 34. Душанбе, 1962, стр. 94; он же. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане». Вып. 9 (1961 г.). Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 42. Душанбе, 1964, стр. 54, 61.

⁴² В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.). Тр. ТАЭ. Т. 4. МИА СССР. № 124, М.—Л., 1964, стр. 67—72, рис. 11—14.

⁴³ В. М. Массон. Древние земледельцы на юге Туркмении. Ашхабад, 1959, стр. 7.

⁴⁴ См.: Л. И. Ремпель. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба. Докл. АН Тадж. ССР. Вып. 9, 1953, стр. 27—28, рис. 3.

⁴⁵ С. П. Голстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). Тр. ХАЭЭ. Т. 1. М., 1952, рис. 26.

⁴⁶ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Городище Гяур-кала. Тр. ХАЭЭ. Т. 2. 1958, стр. 358.

⁴⁷ R. Ghirshman. Begram. MDAFA. Vol. 13. Le Caire, 1946. pl. 33—37.

⁴⁸ Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. стр. 73—82.

⁴⁹ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, табл. IX, X, XXXVI—XXXIX.

⁵⁰ В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества, стр. 120, 121, рис. 5; Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. . . , стр. 51 и сл.

⁵¹ О первоначальной форме этой детали можно судить по древним колоннам хивинской джума-мечети. См.: В. Л. Воронина. Колонны соборной мечети в Хиве. «Архитектурное наследие». № 11, М., 1958, рис. 3, 5—9, 14, 15.

⁵² В данном случае такие лопасти могли попросту не сохраниться.

⁵³ В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. В кн.: «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М.—Л., 1959, стр. 110, рис. 11.

⁵⁴ В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента, рис. 11; е е же. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии, стр. 39, рис. 2. Изображения несколько отличаются одно от другого пропорциями и деталями. Иллюстрация в этой работе воспроизводит характерное для Уртакурганской базы различие в ширине верхних поясков: здесь поясок, примыкающий к скоции, шире остальных. В более ранней публикации широким изображен средний поясок.

⁵⁵ В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии, стр. 37, рис. 1.

⁵⁶ Там же, стр. 39.

⁵⁷ С. Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим. Тр. КАЭЭ. Т. 2. М., 1959.

⁵⁸ Г. А. Пугаченкова. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы. Тр. ЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад, 1951; С. Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим. Тр. КАЭЭ. Т. 2. М., 1959.

⁵⁹ См.: Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековые

Шахристан (Материальная культура Уструшаны. Вып. 1). Душанбе, 1966.

⁶⁰ См.: М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. Вып. 5. М., 1946, рис. 20.

⁶¹ С. Н. Полупанов. Архитектурные памятники Самарканда. М., 1948, табл. 132, 133; В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, рис. 93.

⁶² Первичная полевая обработка обуглившегося дерева из Уртакургана была произведена С. Г. Хмельницким, Н. Н. Негматовым и У. П. Пулаговым, лабораторная обработка осуществлена группой реставраторов Государственного Эрмитажа под руководством П. И. Кострова. Резное дерево из Уртакургана хранится в фондах Ленинабадского историко-краеведческого музея.

⁶³ Живопись древнего Пенджикента, табл. XXXVI—XXXIX. Некоторая условность изображения проявилась здесь в том, что стойки изображены чрезмерно тонкими. В то же время здесь различаются стойки задние (пристенные) и передние, между которыми ткань навеса провисла.

⁶⁴ В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента, стр. 128—129, рис. 25 и 26.

⁶⁵ А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950, рис. 22.

⁶⁶ Г. Л. Чепелевецкая. Сузани Узбекистана. Ташкент, 1961, рис. 9.

⁶⁷ В. Л. Воронина. Колонны соборной мечети в Хиве, рис. 23—25.

⁶⁸ Судя по некоторым недавним находкам, художественная деревянная резьба Таджикистана в XI—XII вв. еще в полной мере сохранила свои древние пластические качества.

⁶⁹ Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 59, рис. 32, 33 (1).

⁷⁰ В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента, стр. 127.

⁷¹ Находки с обозначением «КП» хранятся в фондах Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, а с «ЛМ» (Ленинабадский музей) — в фондах Ленинабадского областного историко-краеведческого музея. В первом выпуске серии «Материальная культура Уструшаны» (Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966) при описании находок была принята система ссылок на шифры фондов хранения, чего мы придерживаемся и в данном издании.

⁷² Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 168—169, табл. XIII, 4, 6.

⁷³ В частности, близки к нему некоторые беркуткалинские кувшины с яйцевидным туловом, небольшим горлом и подтреугольного сечения венчиком (Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма афригидского периода. Тр. ХАЭЭ. Т. 4. М., 1959, стр. 240, 243, рис. 6, 2), ряд пенджикентских сосудов из верхнего слоя (И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). Тр. ТАЭ. Т. 4. МИА СССР. № 124, М.—Л., 1964, стр. 270, рис. 6, 1, 6; 19, 1, 2) и наконец, кувшины из самого Шахристана (Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., табл. XIII).

⁷⁴ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Тр. ХАЭЭ. Т. 4, М., 1959, рис. 27, 3; 29, 3; стр. 130; табл. «Керамика Хорезма античного периода», III, 26.

⁷⁵ Там же, рис. 35, 4, 9, стр. 164; табл. «Керамика Хорезма античного периода», V, 26.

⁷⁶ М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Тр. АН УзССР. Термезская археологическая экспедиция. Т. 2. Ташкент, 1945, стр. 59, табл. IV, рис. 17.

⁷⁷ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Тр. ИИ и А АН УзССР. Т. 2. Ташкент, 1950, стр. 101, табл. IV.

⁷⁸ См.: Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 170, табл. XIV, 22, 23 и XV, 23.

⁷⁹ См. коллекции Отделения Средней Азии Государственного Эрмитажа и фонды Самаркандского музея.

⁸⁰ Е. Д. Салтовская. Раскопки на Тудан Калон в 1961 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане». Вып. 9. (1961 г.). Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 42. Душанбе, 1964, рис. 2.

⁸¹ А. М. Беленицкий. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1955 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Тр. ИИА и Э АН Тадж. ССР. Т. 63. Сталинабад, 1956, рис. 6.

⁸² Там же.

⁸³ И. Б. Бенатович. Керамика Пянджикента. Тр. ТАЭ. Т. 2. МИА СССР. № 37. М.—Л., 1953, стр. 137, табл. IX, 3, 4, 6; она же. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.) стр. 269.

⁸⁴ Б. Я. Ставский. Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Вып. 5. Тр. ИИА и Э АН Тадж. ССР. Т. 103. Сталинабад, 1959, стр. 76, рис. 6, 5, 6, 7.

⁸⁵ С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища. Изв. АН УзССР, сер. обществ. наук, 1957, № 2, стр. 80, и др. его работы.

⁸⁶ R. Ghirshman. Begram. Recherches archeologiques et historiques sur les Koushans. MDAFA. T. 12. Le Caire, 1946, pl. 40.

⁸⁷ Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ. Т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 78 и 80.

⁸⁸ Там же, стр. 103.

⁸⁹ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966, стр. 85, рис. 55.

⁹⁰ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960, стр. 42, 88—90, рис. 28, 60 и 61.

⁹¹ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. Тр. ТАЭ. Т. 3. МИА СССР. № 66. М.—Л., 1958, рис. 30; он же. Археологические работы в Пянджикенте. КСИИМК. Вып. 55. М., 1954, рис. 4; И. Б. Бенатович. Керамика Пянджикента, стр. 138; она же. Керамика верхнего слоя Пенджикента, стр. 277—278, рис. 19, 6, 10.

⁹² Л. Н. Мережин. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. Тр. ЮТАКЭ. Т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 32, рис. 18, 16.

⁹³ Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва, стр. 78—82.

⁹⁴ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, стр. 9, рис. 62.

⁹⁵ Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Тр. ИИА и Э АН Тадж. ССР. Т. 63. Сталинабад, 1956, стр. 84—85, рис. 6, 2.

⁹⁶ Б. А. Литвинский. Исследования могильников Исфаринского района в 1958 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане». Вып. 6 (1958 г.). Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 27. Сталинабад, 1961, рис. 8.

⁹⁷ Б. Я. Ставский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. Тр. ТАЭ. Т. 4. МИА СССР. № 124. М.—Л., 1964, стр. 168—169, рис. 27.

⁹⁸ Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. Там же, стр. 229, рис. 21, 7.

⁹⁹ Шифры остальных фрагментов: КП 359/39; КП 359/40, рис. 43, 24; КП 359/45, рис. 43, 26; $\frac{LM-60}{K-T 403}$, рис. 43, 17; $\frac{LM-60}{K-T 412}$, рис. 43, 21; $\frac{LM-60}{K-T 418}$, рис. 43, 6; $\frac{LM-60}{K-T 420}$, рис. 43, 14; $\frac{LM-60}{K-T 429}$, рис. 43, 23; $\frac{LM-60}{K-T 432}$, рис. 43, 7; $\frac{LM-60}{K-T 434}$, рис. 43, 25; $\frac{LM-60}{K-T 449}$, рис. 43, 18; $\frac{LM-60}{K-T 471}$, $\frac{LM-60}{K-T 478}$ $\frac{LM-60}{K-T 481}$, рис. 43, 2; $\frac{LM-60}{K-T 485}$, а также без шифра, рис. 43, 1.

¹⁰⁰ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв. Тр. ЮТАКЭ, Т. 11. Ашхабад, 1962, рис. 37, 79; Г. А. Пугаченкова. Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., «Искусство», 1965, стр. 218, илл. 236.

¹⁰¹ Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 166—175, табл. XI—XIX.

¹⁰² А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, стр. 121, рис. 11.

¹⁰³ Там же, рис. 15, 14, 15; 13, 14.

¹⁰⁴ Инв. номер СА 2186.

¹⁰⁵ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. ИИА и Э АН Тадж. ССР. Т. 35. Сталинабад, 1955, рис. 56.

¹⁰⁶ Монеты определены Е. А. Давидович, которой авторы выражают признательность.

¹⁰⁷ Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье, стр. 138—139.

¹⁰⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 138, 143; он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 195.

¹⁰⁹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ. Т. 6. М., 1958, стр. 123—124. Далее см.: Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана...

¹¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 128—153; он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 194—209; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., ИВЛ, 1962, стр. 253—258; Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. (По материалам Беркут-калинского оазиса). М., «Наука», 1966; она же. Раскопки Якке-Парсана. Материалы и исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Вып. 7. М., 1963.

¹¹¹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) Тр. ИИ и АН УзССР. Материалы по археологии Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1948, стр. 71—134; В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. Там же, стр. 135—158; она же. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента по данным археологических работ 1941 г. Тр. ИИ и АН УзССР. Материалы по археологии Узбекистана. Вып. 7. Ташкент, 1955, стр. 139—153.

¹¹² Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад. 1955.

¹¹³ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

¹¹⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана..., стр. 132—141, 149—157.

¹¹⁵ См.: Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье, стр. 34. Там же ссылки на источники.

¹¹⁶ Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 44—88, 115—140.

¹¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. (Предварительное сообщение). КСИИМК. Вып. 14. М.—Л., 1947, стр. 97—99, 103—105; В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, стр. 139—140.

¹¹⁸ Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 191—197.

¹¹⁹ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, стр. 15.

¹²⁰ Там же, стр. 25.

¹²¹ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, стр. 32 и сл., 133, 151—153, рис. 4, 6, 13, 16, 17, 25, 26, 32, 36; В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 36—37, рис. 67—70; В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, стр. 124—128, рис. 43, 44.

¹²² Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, стр. 22, 25, 28, 30 и др., рис. 7, 8, 9, 11.

¹²³ Там же, стр. 15, 70, 76—80, 133—138, 148—151, рис. 2, 38—39, 40—41, 42, 43, 1.

¹²⁴ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Краткий очерк. ТОВ ГЭ. Т. 2. Л., 1940, стр. 96—100, рис. 1—2.

¹²⁵ А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции). ТОВ ГЭ. Т. 2. Л., 1940, стр. 119—126, рис. 2, табл. II.

¹²⁶ А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. Тр. ТАЭ. Т. 3. МИА СССР. № 66. М.—Л., 1958, стр. 310—322, рис. 17.

¹²⁷ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 137, 141—142, рис. 38, 39, 45.

¹²⁸ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе. Тр. ИИ и А АН УзССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1950, стр. 87—106.

¹²⁹ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, стр. 119, рис. 38.

¹³⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана..., стр. 157—160.

¹³¹ Работы А. И. Тереножкина и В. Л. Ворониной об Актепа см. выше; В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, стр. 128—135, рис. 45—47.

¹³² С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дары (Узбекистан). «Советская археология», 1958, № 3, стр. 144—151; В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, стр. 135—139, рис. 48.

¹³³ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района.

¹³⁴ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 61—123, рис. 42, 43, 91, 92.

¹³⁵ Л. И. Альбаум. Раскопки на Зангтепе. В кн.: «История материальной культуры Узбекистана». Вып. 4. Ташкент, 1963, стр. 73—83;

В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, стр. 163—172, рис. 62—65.

¹³⁶ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, стр. 140—153, рис. 49—56.

¹³⁷ А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г., стр. 143, рис. 7, табл. IX (2).

¹³⁸ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 135, рис. 67.

¹³⁹ Г. В. Шишкина. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда. В кн.: «История материальной культуры Узбекистана». Вып. 4. Ташкент, 1963, стр. 87—109.

¹⁴⁰ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Тр. СТАЭ. Т. I, МИА СССР. № 15. М.—Л., 1950, стр. 17—18, табл. 6, 2.

¹⁴¹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана..., стр. 131—142, 149—157.

¹⁴² Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма (По материалам Беркут-калинского оазиса). М. 1966.

¹⁴³ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, стр. 111—201.

¹⁴⁴ Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан..., стр. 93—94.

¹⁴⁵ О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Тр. ТАЭ. Т. 2. МИА СССР. № 37. М.—Л., 1953, стр. 218, рис. 33.

¹⁴⁶ О. И. Смирнова. Археологические разведки в верховьях Зарафшана в 1948 г. Тр. ТАЭ. Т. 2. МИА СССР. № 37. М.—Л., 1953, стр. 180.

Тирмизактепа

¹ О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., стр. 197, рис. 8.

² Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.». Вып. 4. Тр. ИИА и Э АН Тадж. ССР. Т. 91. Сталинабад, 1959, стр. 126.

³ Раскопки Тирмизактепа были осуществлены на средства Ленинградского историко-краеведческого музея. Их вели Н. Н. Негматов и Л. А. Кураева при участии бывшего директора музея Т. Х. Хасанова и заведующей фондами музея О. Муминовой. Материалы полностью переданы музею. Предварительные сообщения о раскопках см.: Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г. Тр. ИИАиЭ АН Тадж. ССР. Т. 103. Душанбе, 1959, стр. 102—107; Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Раскопки на Тирмизак-тепе. Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук. Вып. 1(24), 1961, стр. 67—88.

⁴ Памятники Каттасайского ущелья обозначены номерами 73 и сл. в соответствии с общей нумерацией археологической карты Шахристанской котловины.

⁵ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследие». № 3. М., 1953, стр. 11, рис. 8.

⁶ Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан (Материальная культура Усрушаны. Вып. 1). Душанбе, 1966.

⁷ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, стр. 20—21, рис. 21.

⁸ Работу по классификации и описанию керамики из Тирмизактепа в связи с предварительной совместной публикацией проделала сотрудница Ходжентско-Усрушанского отряда Т. И. Зеймаль.

⁹ А. М. Беленицкий. Археологические заметки. Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук. Вып. 14, 1957, стр. 14—15.

¹⁰ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 168, табл. 63.

¹¹ См. материалы сборов В. В. Бартольда с Афраснаба.

¹² Материалы из шурфа 15 в Ленинабаде (фонды Ин-та истории им. А. Дониша).

¹³ См. материалы фондов Ин-та истории им. А. Дониша из археологических памятников Таджикистана.

¹⁴ На рис. 53, 8 размеры кувшина ошибочно уменьшены.

¹⁵ Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г., стр. 121, рис. 5, 5; Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане, стр. 215, рис. 6.

¹⁶ Хранится в фондах Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. КП—207 № 2300. Публикацию его см.: Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. стр. 121, рис. 5, 6; Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане. «Советская археология», № 2, 1959, стр. 215, рис. 6.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. (Предварительное сообщение). КСИИМК. Вып. 14. М.—Л., 1947, рис. 54, стр. 107.

¹⁸ Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Вып. 5. Тр. АН Тадж. ССР. Т. 103. Сталинабад, 1959, стр. 156—157 (№ 10 перечня).

¹⁹ Любезно определены О. И. Смирновой (первая монета) и Е. А. Давидович (вторая).

²⁰ Об этом подробно см.: Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан (Материальная культура Усрушаны. Вып. 1). Душанбе, 1966.

²¹ Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., стр. 156—157 (№ 10 перечня).

²² Этим, вероятно, можно объяснить находки обломков, описанных переносных керамических очажков, обычно не встречаемых в других шахристанских объектах.

²³ Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Вып. 5. Тр. ИИАиЭ АН Тадж. ССР. Т. 103. Сталинабад, 1959, стр. 70—71.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие.	3
Замок Уртакурган	
Общая характеристика памятника	7
Верхний строительный комплекс центрального холма	10
Нижний строительный комплекс центрального холма	12
Структура центрального холма и ограды двора	37
Реконструкция перекрытия типа «рузан» центрального коридора замка	42
Художественная резьба по дереву	60
Глиняная декоративная лепнина	69
Керамика и другие находки	71
Датировка и историко-культурное значение Уртакургана	93
Тирмизактепа	
Памятники Шахристанского Каттасая	105
Раскопки Тирмизактепа	108
Архитектура здания	117
Находки, датировка и назначение здания	121
Примечания	135

---

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

**Нуман Негматович НЕГМАТОВ, Уктам Пулатович ПУЛАТОВ,
Сергей Григорьевич ХМЕЛЬНИЦКИЙ**

Ответственный редактор
Анатолий Максимилианович Мандельштам

УРТАКУРГАН И ТИРМИЗАКТЕПА
(Материальная культура Уструшаны. Выпуск 2)

Редактор издательства **В. Г. Двоглазова**
Художественный редактор **А. К. Разыграева**
Технический редактор **З. С. Одегова**
Корректор **Л. Д. Полисская**

КЛ 02742. Сдано в набор 18 XII 1972 г. Подписано к печати 29 III 1973
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Типографская № 2. Сорт 2. Объем физ. 9.125
Уч.-изд. 9,5 л. Тираж 1510. Заказ 981. Цена 95 коп., в переплете № 5
1 руб. 05 коп.

Издательство «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография издательства «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2

Центр 95 н.п.